

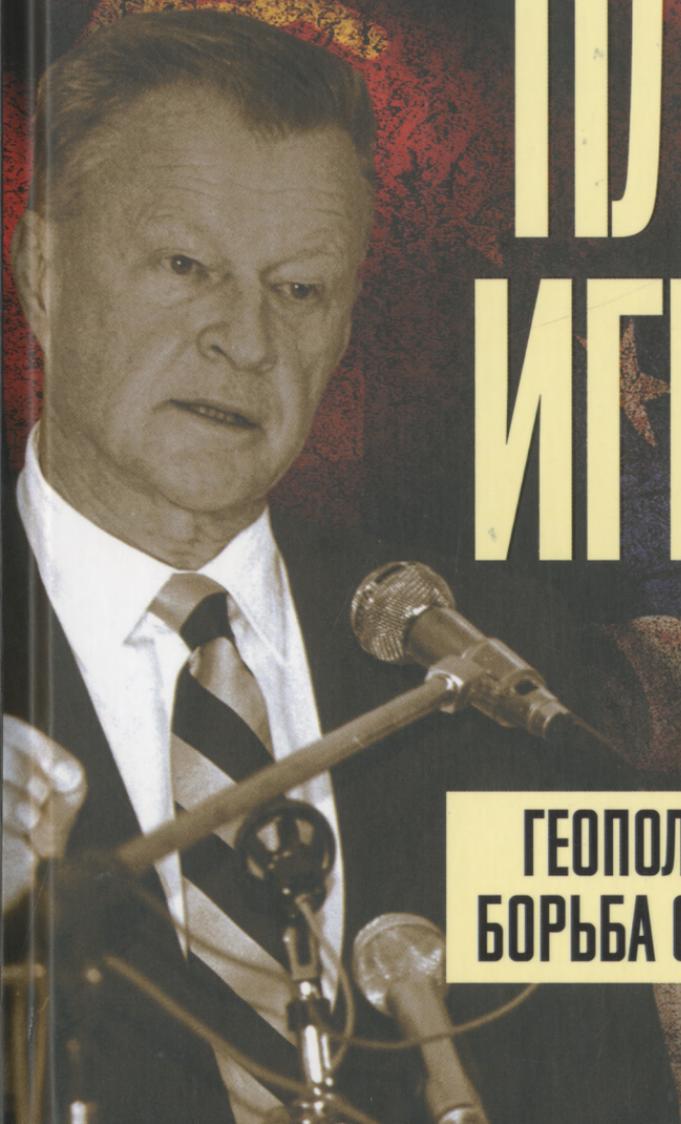
ХОЗЯЕВА МИРА

ЗБИГНЕВ

БЖЕЗИНСКИЙ

**ПЛАН
ИГРЫ**

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА США С СССР**

ХОЗЯЕВА МИРА

ЗБИГНЕВ

БЖЕЗИНСКИЙ

ПЛАН ИГРЫ

**ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА США С СССР**

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2023

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Coe)
Б58

Бжезинский, Збигнев.

Б58 План игры. Геополитическая борьба США с СССР : [перевод с английского] / Збигнев Бжезинский. — Москва : Родина, 2023. — 304 с.

ISBN 978-5-00180-983-8

Збигнев Бжезинский (1928—2017) — американский политолог, социолог и государственный деятель польского происхождения. Он был директором Трехсторонней комиссии, которую многие исследователи считают «мозговым центром» мировой политики. Долгое время Бжезинский являлся ведущим идеологом внешней политики США.

Книга «План игры» была написана на пике противостояния США и СССР. С точки зрения Бжезинского, американо-советское соперничество — «борьба не только двух стран. Это борьба империй». Он подробно анализирует характер и причины «русской территориальной экспансии», пытается сравнить «две империи» и дать определение «великоросского имперского сознания». Автор завершает свою книгу призывом «превзойти СССР исторически», вкладывая в это понятие «ослабление внешнеполитического имперского импульса» и даже «распад советской империи».

Как заявлял автор, данная книга — «это практическое руководство к действию». Меры, которые были в ней намечены, позже осуществлялись и продолжают осуществляться и в отношении России.

УДК 94(73)
ББК 63.3(7Coe)

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	6
Глава I. Столкновение империй	9
Глава II. Борьба за Евразию	40
Глава III. Периферийные зоны уязвимости	87
Глава IV. Одномерный соперник: оценка угрозы	114
Глава V. Стратегические императивы США	157
Глава VI. Американские геополитические приоритеты	218
Глава VII. Превосходя исторически	270
Сводка основных положений и рекомендаций	286

ОТ АВТОРА

Эта книга — побочный результат моей деятельности на посту помощника президента США по национальной безопасности с 1977 по 1981 г. и преподавательской деятельности по проблемам национальной безопасности США после возвращения в Колумбийский университет на должность профессора в 1981 г. Поэтому я в первую очередь признателен своим бывшим коллегам по совету национальной безопасности и студентам Колумбийского университета, с которыми и для которых я стремился выработать цельную систему стратегических взглядов. Кроме того, при написании книги мне принесло большую пользу сотрудничество с Центром стратегических и международных исследований Джорджтаунского университета, где были созданы прекрасные условия для серьезного обсуждения геостратегических проблем.

Окончательный вариант рукописи был просмотрен и подвергнут критическому анализу двумя близкими мне людьми, мнением которых я особенно дорожу, — профессором Сэмюелом Хантингтоном и генералом Уильямом Одомом. Они не несут ответственность за недостатки окончательного варианта, но их критические замечания и рекомендации во многом улучшили то, что теперь дошло до читателя. Отдельные части законченной рукописи прочитал также полковник Гарри Саммерс-младший, и я благодарен ему за полезные комментарии.

В основу книги положен следующий главный тезис: американо-советское состязание не какое-то временное отклонение, а исторически сложившееся противоборство. Это состязание носит глобальный характер. Однако оно

имеет отчетливые геополитические приоритеты, и, чтобы одержать верх, Соединенные Штаты должны вести его на базе последовательной и широкой стратегической перспективы. Поэтому данная книга посвящена не порокам советской системы в противопоставлении с достоинствами американской демократии, а представляет собой практическое руководство к действию.

Исходным пунктом в книге «План игры» является геополитическая борьба за господство в Евразии, но в ней также затрагиваются второстепенные и косвенно вытекающие из этой борьбы вопросы, равно как и соперничество в океане и космосе, служащее продолжением борьбы за контроль на земле. Тем самым полностью показана геостратегическая структура исторически сложившегося американо-советского противоборства.

Создание исключительно разрушительного ядерного оружия привело к вероятности того, что американо-советское соперничество не обернется в конечном итоге войной — если война не вспыхнет в результате ошибочного расчета или если одна из сторон не достигнет столь подавляющего ядерного превосходства, что соблазнится нанести удар первой.

Это означает, что конфликт между США и СССР превратился в «игру». Каждая из сторон играет в соответствии со своими собственными правилами и ведет свой собственный счет. Каждую из них сдерживает лишь боязнь возмездия за излишне провокационную тактику.

Такая необычная игра, не имеющая перспективы достижения победы традиционного типа и официально установленных правил, частично кодифицирована опытом и ограниченным взаимопониманием, примером чего является контроль над вооружениями. Однако она по-прежнему остается исключительно мобильным соперничеством с применением маневра, давления, а иногда даже и силы. Первая цель в игре — не потерпеть поражения; вторая —

набрать очки согласно собственной системе подсчета (или системе ценностей); конечная, но отдаленная цель — одержать победу.

Чтобы выстоять в этой исторической игре, требуется не только политическая воля, но и долгосрочный план. В этой книге делается попытка определить в общих чертах необходимые компромиссы с учетом неизбежных бюджетных трудностей и наметить подходящий геостратегический план игры для США.

ГЛАВА I. СТОЛКНОВЕНИЕ ИМПЕРИЙ

В начале 1985 г. министра иностранных дел одной из стран НАТО принимал его почтенный советский коллега — Андрей Громыко. Проявляя профессиональную общительность или, возможно, учтивость, вызванную чувством ностальгии в связи с предстоящей отставкой, советский министр неожиданно поведал своему гостю, что он взял себе за правило несколько раз в неделю удаляться из рабочего кабинета в небольшую комнату отдыха, где он может поразмышлять наедине с самим собой. Пригласив несколько удивленного и одновременно польщенного этим западного гостя пойти туда вместе с ним, Громыко с нескрываемой гордостью отворил дверь, ведущую в маленькую комнату, где напротив большой настенной карты мира стояло удобное кресло. «Примерно час, — сказал Громыко, — я ничего не делаю, а лишь сижу здесь, смотрю на карту и думаю...».

Просто, но впечатляюще! Много ли найдется на Западе министров иностранных дел, людей, часто не слишком сведущих в вопросах внешней политики и обычно занимающих свои посты самое большее года три, которые удосуживаются систематически размышлять над значением геополитики и стратегии для выработки внешнеполитической линии своих стран? Сомнительно, чтобы многие государственные секретари США (а их за время пребывания Андрея Громыко на своем посту сменилось девять) проводили много времени в глубоких размышлениях над историческими и геополитическими императивами, определяющими отношения страны с остальным миром.

Можно лишь предполагать, что имел в мыслях Громыко, маститый министр иностранных дел великой россий-

ской империи, находящейся под властью коммунистов и названной в данную историческую эпоху Союзом Советских Социалистических Республик, когда он созерцал распростертое на стене изображение нашей планеты. Самая большая часть суши, соотносительные размеры которой преувеличены за счет плоскостной проекции на карте, была обозначена буквами кириллицы — «СССР». По величине она доминировала огромным, составляющим единое целое Евразийским континентом, лишь крайние оконечности которого не управлялись из Москвы, а расположенная к югу Африка казалась едва ли не его придатком. По другую сторону голубого водного пространства лежало заметно меньшее Западное полушарие, где господствовал главный противник СССР, находящийся в Северной Америке.

Глядя на разместившийся подобным образом на плоской карте мир, Громыко считал, видимо, противоестественно до горечи обидным, что далекая североамериканская страна столь глубоко вовлечена в политические и экономические проблемы этого занимающего центральное положение Евразийского материка, протянувшегося от Камчатки до Гибралтара. По мнению размышляющего о положении дел русского государственного деятеля, решительное стремление упомянутой страны удержать периферийные регионы — Запад Европу, Дальний Восток и Южную Азию — вне сферы влияния Москвы можно было объяснить лишь агрессивными происками, явно рассчитанными на подрыв законных интересов СССР на Евразийском континенте.

По всей видимости, думал он, карта ясно показывает некоторые «железные законы глобальной политики: водное пространство должно затруднять проникновение североамериканского агрессора в эти ненадежные периферийные регионы центральной части материка, тем самым обеспечивая «естественный» геополитический раздел мира.

Министр иностранных дел был, разумеется, не только геополитиком, но и государственным деятелем, над которым довлела идеология. Такой «естественный» раздел глобального влияния, когда Москва держала бы под контролем занимающий центральное положение материк, а Вашингтон ограничился бы Западным полушарием, изменил бы соотношение сил в мире в пользу социализма, покончив с мировым превосходством враждебной социально-экономической и политической системы, возглавляемой противником в лице Вашингтона.

Однако подобные глобальные и весьма апокалипсические идеологические размышления не смогли бы отвлечь ни умеренного опытом русского министра иностранных дел, ни его преемников от непосредственных политических задач, которые определены именно с позиций геополитики. Карта, висящая на стене, помогала сосредоточиться, уточнить и аргументировать первоочередные цели, укрепитесь во мнениях, определить, какие благоприятные возможности следует использовать в случае их появления. Значение карты подкреплялось знанием истории: Громыко также признался что он больше всего любит читать мемуары своих предшественников на посту министра иностранных дел.

Постоянный поиск целей придавал, таким образом, геополитическую направленность советской внешнеполитической деятельности. В противоположность этому соперники Громыко на Западе слишком часто проводили внешнюю политику рефлекторно. Они реагировали в основном на происходящие события, не говоря уже о склонности демократических стран ставить отдельные факты выше исторической перспективы. Как однажды пренебрежительно сказал Громыко одному из своих коллег, его противники «путают тактику со стратегией... Отсутствие твердой, согласованной и последовательной политической линии является их большим недостатком».

Между тем карта может не только способствовать пониманию проблем, но и ввести в заблуждение. Она может вызвать искаженное представление о действительном соотношении сил, нарушая реальные размеры и порождая ложное ощущение центральности географического положения. Поскольку для карты центр выбирается произвольно, она может представить любую страну как основную в глобальной политике. Например, в течение долгого времени китайские карты мира совершенно естественно подтверждали политическое значение термина «Срединное царство». Не удивительно поэтому, что обычные советские карты мира, включая те, которые находятся в официальном советском атласе, имеет прямую линию на 40-м градусе долготы, помещая Москву в самый центр мира. Западное полушарие находится в левой стороне сбоку. От гигантского, довлеющего над остальным миром Евразийского континента его отделяет океан. К западной части континента примыкает Африка, а Австралия плавает поблизости от юго-восточной оконечности Евразии.

Визуальный эффект имеет явную геополитическую направленность: находящиеся в центре континент и столица государства физически господствуют над земным шаром. Следовательно, и политические реалии должны соответствовать этим физическим фактам.

Вряд ли стоит говорить, что подобное изображение не слишком точно передает положение дел в мире. Геополитическая оценка земного шара, а не плоская карта порождает иные точки зрения. Во-первых, Северная Америка, которая включает Соединенные Штаты и Канаду, более близка по размерам к СССР, чем это изображается на советских картах. Во-вторых, океаны скорее не разделяют, как это выглядит на карте, а связывают огромные, выступающие из воды острова, называемые континентами. Обширные водные пространства служат объектами для осуществления стратегического контроля с помощью преобладающих во-

енно-морских сил, являются торговыми морскими путями, а также помогают расширению культурных связей. Такой стратегический контроль может поэтому привести к органичному развитию политических, экономических и культурных связей между периферийными регионами континента и отдаленной трансокеанской державой.

К тому же карта не передает экономической мощи и не позволяет судить о жизнеспособности и размерах населения. Мир выглядит в значительной степени по-иному, если пользоваться этими критериями. Если же принять во внимание размеры валового национального продукта, то Соединенные Штаты получают явное преимущество, превосходя в 2 раза своего ближайшего конкурента. Помимо этих осязаемых факторов, нужно принимать во внимание и такие не поддающиеся учету качественные факторы, как социальная творческая энергия и прогресс новейшей технологии, не говоря уже о культурном динамизме.

Было бы в высшей степени удивительно, если бы Громыко и его преемники игнорировали эти соображения. Опыт Громыко, несомненно, научил его уважать перечисленные выше факторы, так как они помогли свести на нет геополитический детерминизм, который позволил бы Москве установить полный контроль над занимающим господствующее положение континентом. Однако другие государственные деятели часто впадают в ошибку противоположного характера — они слишком легко сбрасывают со счетов территориальный фактор внешней политики, хотя рассмотрение внешней политики с учетом данного фактора позволяет привлечь внимание к тесной связи между географией и политической мощью, между территорией и народом, между историческими тенденциями и геополитическими приоритетами. Без этого внешняя политика теряет крайне необходимую связь между национальной мощью и глобальной стратегией.

Историческое соперничество

Американо-советские отношения являются классическим примером исторического конфликта между двумя крупнейшими державами. Однако они выходят за рамки обычного государственного конфликта. Они также представляют собой борьбу между двумя имперскими системами, которая впервые в истории — заключает в себе попытку двух стран добиться мирового господства. Из этих трех утверждений американский народ готов инстинктивно признать только последнее. Большинство американцев понимает, что американо-советское соперничество носит по своему размаху глобальный характер; иначе не могло бы и быть, так как почти все утренние газеты и все вечерние телевизионные программы новостей представляют наглядные свидетельства этого. В наше время американцы «настроены» на мировую волну с помощью средств массовой информации, и поэтому весьма естественно, что до их сознания доходят факты всеобъемлющего, глобального соперничества.

Парадоксально, но два других утверждения менее близки им по духу. Утверждение об историческом характере конфликта и мысль о том, что американо-советская борьба является последней по времени в длинной серии продолжительных противоборств между крупными державами, труднее усваиваются народом, у которого короткая историческая память и который склонен рассматривать мир как естественное состояние, а войну (или конфликт) как отклонение от него. Еще более непонятным кажется ему утверждение, что американо-советское соперничество — это в значительной степени не только борьба между демократическим и тоталитарным государствами, но и столкновение между двумя большими имперскими системами. Тем не менее, факт остается фактом; американо-советский конфликт действительно превратился в историче-

ское противоборство глобального масштаба между двумя господствующими в мире империями.

Соединенные Штаты и Советский Союз находятся в состоянии конфликта уже почти полвека, что является по своей продолжительности, несомненно, историческим периодом времени. В течение этих десятилетий каждая из сторон считала другую враждебной себе и угрожающей ее жизненно важным интересам и основным идеологическим принципам.

Каждая рассматривала другую как главный источник угрозы не только миру во всем мире, но и собственной национальной безопасности. Каждая громогласно заявляла о своей вере в такой ход исторических событий, который бы был равносильным ее победе, одновременно испытывая страх перед тем, что победу может торжествовать противная сторона.

Хотя такое соперничество стало главной особенностью двусторонних отношений в послевоенный период, американцы осознавали это медленно. Интенсивность социального соперничества двух сторон была, видимо, понята лишь после запуска спутника в 1957 г. Наоборот, Советский Союз почти все время оценивал себя с точки зрения возможности «догнать и перегнать Америку». Соперничество с Америкой давно стало лейтмотивом деятельности советских правительств, внушавших советскому народу необходимость постоянного состязания с основной демократической страной Запада. С этих позиций, по крайней мере, для Советов, возникновение «холодной войны» между двумя сверхдержавами было нормальным явлением, неотъемлемой частью идеологии и истории.

Для Соединенных Штатов дело обстояло иначе. Многие американцы видели в союзе военного времени предзнаменование мира и сотрудничества в послевоенный период. Уолтер Липпман, без сомнения, выразил точку зрения большинства американцев, заявив на страницах газеты

«Нью-Йорк Геральд трибюн» в феврале 1945 г., сразу же после Ялтинской конференции, что Черчилль, Сталин и Рузвельт «приостановили и повернули вспять обычный ход событий в случае победы коалиции, которая, как правило, распадается после того, как война подходит к концу... Жизнь доказывает, что военный союз — отнюдь не преходящее явление, благотворное только перед лицом общего врага. На самом деле он представляет собой ядро и сердцевину нового международного порядка».

Непреходящее историческое значение Ялты состоит на самом деле в том, что она свидетельствует о постоянных амбициях России по отношению к Европе в целом. Ялта стала последней точкой тщательно отрететированной советской дипломатии, ставившей перед собой цель добиться согласия Англии и США на преобладающую роль СССР во всей Европе. В Ялте Запад не только вновь робко поставил вопрос о Восточной Европе, но и отклонил — опять же нерешительно и туманно — советские притязания на доминирующее положение на западной оконечности Евразийского континента.

Поэтому было бы неверно считать, что в Ялте Запад согласился на раздел Европы. Правда заключается в том, что Франклин Д. Рузвельт и Уинстон Черчилль фактически уступили Иосифу Сталину Восточную Европу еще на Тегеранской конференции (в ноябре—декабре 1943 г.), а в Ялте у руководителей Англии и США появились определенные сомнения относительно этой уступки. Затем они предприняли последнюю, но не увенчавшуюся успехом попытку договориться хотя бы о некоторой свободе для Восточной Европы, что соответствовало бы надеждам Англии и США на установление демократии на всем Европейском континенте. Тем не менее, западным государственным деятелям не удалой противостоять жестокости усилившейся после войны советской мощи, и в результате столкновения между сталинской силой и наивностью Запада сила взяла верх.

Американо-советское столкновение потрясло большинство американцев. Однако потрясение произошло в форме горького разочарования, а не как реакция на естественное развитие событий. Американцы думали, что это странное и временное состояние должно вскоре прекратиться. Последовавшую затем «холодную войну», хотя она и вызвала произвольную вспышку чувств у многих американцев, по-прежнему рассматривали как своего рода недоразумение», с которым следует покончить великим актом примирения.

Этим и объясняются периодические вспышки надежды в преддверии американо-советских встреч на высшем уровне и даже после их завершения, а также мучительные и обескураживающие колебания общественного мнения — от эйфории в отношении разрядки и до истерии, порожденной «холодной войной».

В настоящее время большинство американцев начинает осознавать, хотя эта реальность воспринимается болезненно и неохотно, что американо-советские отношения действительно являются конфликтом, вызванным историей. Растет понимание того, что соперничество двух стран представляет собой борьбу, вызванную многими причинами борьбу, которая не может быть прекращена с помощью широких и быстрых мер и которую их стране придется вести терпеливо, но решительно многие десятилетия.

Это не только борьба идей или борьба за «сердца и умы» людей. Разумеется, идеологическое соперничество играет определенную роль, но его масштабы в последнее время сократились, что объясняется падением революционного пыла и идеологической притягательности Советского Союза. Конфликт между США и СССР проявляется главным образом в стремлении расширить влияние и господство над территориями и народами, а также в наращивании военной мощи с целью запугивания или сдерживания противника. Решающую роль в определении отпра-

ной точки, содержания и в конечном счете исхода этого исторического конфликта играют геополитические и стратегические соображения.

Конфликт между США и СССР возник как естественный результат крушения в итоге второй мировой войны международной системы, в основании которой находилась Европа. Довоенная система межгосударственных отношений, в условиях которой политическое и финансовое господство сохраняла за собой Великобритания, покоилась на поддержании непрочного равновесия на мировой арене между двумя крупными империями (британской и французской), несколькими более мелкими европейскими империями, восходящей японской империей и двумя крупными континентальными государствами (Германией и Россией). Соединенные Штаты же находились, по существу, в стороне от активных международных отношений в результате самоизоляции, вызванной отказом американского сената одобрить их членство в Лиге Наций.

Этот мир погиб во второй мировой войне. На останках старого мира, в котором господствовала Европа, возникло новое соотношение сил. Его определяли только две крупные державы, обе, по существу, неевропейские. Америка уже пользовалась влиянием в мировом масштабе, а Советский Союз господствовал на крупнейшем континенте мира, исторически и идеологически стремясь к статусу мировой державы. Вполне естественно, что Советский Союз рассматривал Соединенные Штаты как главное препятствие на пути к величию и осуществлению своих идеологических замыслов, хотя США вначале видели в СССР лишь угрозу безопасности их союзников, которую можно устранить с помощью тщательно разработанной политики военного сдерживания.

Таким образом, на первый план вышел тот самый исторический конфликт, который еще полтора века назад с удивительной проницательностью предсказал 26-летний

француз Алексис де Токвиль, и каждая из двух держав в конечном итоге приобрела достаточное могущество, чтобы «вершить судьбами» стран земного шара.

Хотя в конфликт включились новые участники, он явился наследием старого, ставшего почти традиционным соперничества и, несомненно, геополитическим столкновением в крупных морских и господствующих континентальных держав. В этом смысле Соединенные Штаты унаследовали роль Великобритании (ранее — Испании или Голландии), а Советский Союз стал преемником нацистской Германии (ранее — кайзеровской Германии или наполеоновской Франции). Морские государства наращивали свою мощь, используя доступные водные пути для создания трансокеанских анклавных владений, через которые они осуществляли политическое и экономическое влияние. Континентальные державы стремились к установлению господства на материке, чтобы тем самым противостоять гегемонии заморского интервента. История учит, что такие конфликты носят обычно затяжной характер и не поддаются быстрому разрешению в результате победы или компромисса, как это бывает в случае прямых столкновений между морскими державами или между континентальными странами.

Геополитические факторы уже сами по себе могли быть достаточными причинами для возникновения конфликта между двумя крупнейшими послевоенными державами. Однако положение осложнялось тем, что Америка и Советский Союз кардинально отличались друг от друга — в значительно большей степени, чем любые соперники, предшествовавшие им на протяжении истории. Пропась между ними можно определить по десяти признакам:

1. *По императивам их соответственного геополитического положения, как об этом только что говорилось.*

2. *По историческому опыту, который формировал политическое подсознание каждой страны. Соединенные*

Штаты были открытым, свободно расширяющимся обществом добровольных иммигрантов, которые не имели общего прошлого, но стремились к совместному будущему. Советский Союз был обществом, всегда подчиненных государству, строго регламентированным им и расширяющимся путем организованных из центра завоеваний и каторжных поселений.

3. *По философским ценностям, которые либо формируют национальное мировоззрение, либо узакониваются с помощью идеологии.* Соединенные Штаты придают первостепенное значение личности, что провозглашено «Биллем о правах». Советский Союз узаконил теорию и практику подчинения личности государству.

4. *По политической организации и политической культуре, определяющим то, как обсуждаются, принимаются и пересматриваются решения.* В Соединенных Штатах существует система открытого политического соперничества, подкрепленная независимыми средствами массовой информации и находящая выражение в тайном голосовании, свободных выборах и преднамеренном разделении власти на исполнительную, законодательную и судебную. В Советском Союзе все эти формы власти монополизированы в руках закрытого и подчиненного строгому порядку руководства, которое само себя выбирает и увековечивает, осуществляя полную цензуру средств массовой информации и придавая особое значение тщательно продуманной политической и идеологической обработке народа.

5. *По взаимосвязи духовного с политическим, которая помогает определить внутреннее содержание человеческой личности.* В Соединенных Штатах церковь специально отделена от государства ради максимального расширения свободы вероисповедания и сведения до минимума духовной роли государства. В Советском Союзе церковь подчинена государству, но не ради того, чтобы официально сохранять религиозные ценности, а с целью насажде-

ния поддерживаемого государством атеизма и строгого ограничения религиозной деятельности.

6. *По экономической организации.* В Соединенных Штатах сложилась система, которая, несмотря на несовершенство, предоставляет благоприятные экономические возможности и поощряет личную инициативу, частную собственность, рискованные предприятия и стремление к получению прибыли. И эта система обеспечила высокий уровень жизни большинству американцев. В Советском Союзе всю экономическую деятельность направляет политическое руководство при централизации основных средств производства в руках государства и преднамеренном ограничении свободной инициативы и частной собственности, что происходит в обстановке непрерывных экономических лишений и относительной отсталости.

7. *По образу жизни, выражающему стремление личности к удовлетворению своих запросов.* В Соединенных Штатах существует постоянно изменяющееся, сориентированное на потребителя, в высшей степени мобильное общество с несколько примитивной массовой культурой, которая подвержена различным зигзагам и часто искусному воздействию. Оно имеет тенденцию к неожиданным переменам в настроениях при недостаточно, видимо, развитом чувством гражданского долга. Это не позволяет государству официально предъявлять к личности слишком большие требования, что наглядно показывает отсутствие в Соединенных Штатах обязательной воинской повинности. Советский Союз поддерживает более строгое, ограниченное и поставленное под контроль существование людей в рамках насаждаемой сверху культуры, от которой советские граждане находят убежище в более глубоких и, возможно, более тесных семейных дружеских связях, чем в Америке. Однако на жизнь всех советских граждан накладываются тяжелый отпечаток требования официального социалистического патриотизма, а также милитаризация образования, осуществляемая даже на его начальных ступенях.

8. *По внешней идеологической притягательности обеих систем, определяющей отношение к ним в остальных странах мира.* В Соединенных Штатах существует общество, которое влияет на мир через средства связи и массовой информации, особенно сильно «американизируя» молодежную культуру и создавая преувеличенное, навеянное событиями в Далласе восприятие Америки. Советский Союз привлекателен для бедных стран, которые видят в нем пример якобы справедливого социального развития. Он преподносит себя в качестве передового отряда мировой революции, хотя подобный образ все более тускнеет по мере того, как мир убеждается в застое, экономической неэффективности и политической бюрократизации советского общества.

9. *По историческим циклам, через которые прошли эти великие страны на пути своего развития, достижения его наивысшей точки и упадка жизнеспособности и могущества.* Соединенные Штаты, несомненно, находятся в стадии апогея. И хотя некоторые полагают, что эта стадия осталась позади, США по-прежнему являются первой державой мира. Советский Союз сегодня, как и на протяжении всей своей истории, продолжает стремиться к положению Третьего Рима, и поэтому он, возможно, более заинтересован в достижении превосходства и более готов, чем его соперник, идти ради этого на необходимые жертвы.

10. *По содержанию понятия исторической победы, которое косвенно влияет на определение ближайших целей.* Соединенные Штаты без особого энтузиазма выражают свое стремление к «миру во всем мире» и всемирной демократии, а также патриотической и, несомненно, выгодной им тенденции ассоциировать такое положение дел на международной арене с продолжающимся превосходством Америки. Советский Союз предпринимает более концентрированные усилия для того, чтобы «перегнать Америку», стать во главе сообщества все более схожих по духу

социалистических государств и занять господствующее положение на Евразийском континенте, откуда было бы полностью устранено влияние его противника.

История не знает соперничества между двумя столь несхожими державами. Подобные контрасты не проявились даже в войне с нацистской Германией. Однако никогда еще к конфликту такого рода не подходили настолько осторожно. В истории конфликты этого масштаба — особенно если они были усилены различиями в системах — приводили к войне. Даже если принять во внимание, что конфликты между морскими и континентальными державами носят обычно затяжной характер, Соединенные Штаты и Советский Союз по всем предыдущим меркам должны были бы уже неоднократно воевать друг с другом. *Тем не менее, возобладали благоразумие.* Ближе всего они подошли к косвенному участию к войне, как это было в Корее. Столь необыкновенная сдержанность прямо вытекает из разрушительной силы ядерного оружия, которым обладают обе стороны. Оно лишает традиционных преимуществ, получаемых в результате военной победы. Этот новый фактор во взаимоотношениях побуждает к сдержанности, но он также способствует увековечению соперничества. Враждебность смешивается с чувством крайней неуверенности. Каждая из сторон должна делать все необходимое, чтобы другая сторона не добилась решающего военного превосходства, ибо в ядерный век нет времени для восстановления сил и возмещения потерь после начала войны. Ядерное оружие умерило пыл борьбы, но увеличило ее историческую продолжительность и напряженность.

Имперское соперничество

Американо-советское соперничество — борьба не только двух стран. Это борьба двух империй. Обе стороны приобрели имперские качества еще до их столкновения после второй мировой войны. Однако столкновение

усилило стратегическое значение присущих им имперских преимуществ и ускорило их развитие в этом направлении. Некоторые могут сказать, что подобная точка зрения равносильна утверждению, что между Советским Союзом и Соединенными Штатами существует своего рода «моральное равенство». Я не ставлю вопрос подобным образом. Я использую термин «империя» — как нейтральный в моральном плане — для характеристики иерархической системы политических взаимоотношений, управляемой из одного центра. Мораль такой империи определяется тем, как и в каких целях используется имперская власть и какова степень согласия тех, на кого она распространяется. Именно в этом наиболее отчетливо проявляются различия между американской и советской имперскими системами.

Московская империя имеет три наслоения. Во-первых, существует великая российская империя. Под властью 135 млн. великороссов находится примерно 140 млн. подданных, принадлежащих к множеству нерусских народностей, включая примерно 50 млн. мусульман Средней Азии и 50 млн. украинцев. Во-вторых, есть советская империя. Москва осуществляет контроль над странами-сателлитами, в которых проживает около 120 млн. восточноевропейцев, 15 млн. афганцев и 2 млн. монголов. В-третьих, следует назвать московскую коммунистическую империю, в котов входит ее имперская клиентура: Куба, Никарагуа, Вьетнам, Ангола, Эфиопия, Южный Йемен и Северная Корея. Эти страны поставлены в зависимость от Москвы в сфере политического руководства, военной поддержки и экономической помощи. Их население насчитывает примерно 130 млн. человек. Таким образом, 135 млн. великороссов осуществляют политический контроль над имперской системой, в которую, включая их самих, в совокупности входит около 545 млн. человек, проживающих на Евразийском континенте и на заморских территориях.

В основном, однако, в эту империю включены страны, границы которых соприкасаются, и она является плодом длительной и жестокой исторической экспансии. Действительно, отличительной чертой русской имперской системы является связь между милитаристской организацией русского общества и стремлением к территориальным приращениям, диктуемым инстинктом выживания. Это неоднократно отмечали российские историки и историки других стран. С незапамятных времен русское общество находило политическое выражение через посредство государства, которое было отмобилизовано и строго регламентировано на военной основе и безопасность которого служила главным организационным стимулом. Отсутствие поддающихся четкому определению государственных границ делало территориальную экспансию очевидным путем обеспечения безопасности, а такая экспансия порождала новые конфликты, новые угрозы, а следовательно, и новые экспансионистские устремления. Был приведен в движение неумолимый исторический цикл: отсутствие надежной безопасности порождало экспансионизм; экспансионизм создавал отсутствие надежной безопасности, что в свою очередь подогревало политику дальнейшей экспансии.

Русская история является вследствие этого историей непрерывной территориальной экспансии. Экспансия из северо-восточных равнинных районов и лесов Московии продолжалась — почти постоянно — более 300 лет. Ее составной частью было продвижение на запад в борьбе против главных соперничающих держав, в результате чего Швеция была в конце концов вытеснена с восточной части Балтийского побережья, а Польшо-Литовская республика подверглась разделам. Экспансия проявлялась и в настойчивом продвижении на юг, кульминацией которого после ряда поражений, нанесенных Османской империи, явилось подчинение украинских казаков и крымских татар, а также поглощение нескольких народов Кавказа и мусуль-

манской Средней Азии. Одновременно на восток вдоль границы Китайской империи и до Камчатки шел непрерывный поток поселенцев, ссыльных и военных экспедиций. По размерам и продолжительности такая территориальная экспансия, несомненно, является одним из примеров самых амбициозных и неустанных имперских устремлений, когда-либо известных истории. На протяжении почти двух веков Москва ежегодно присоединяла к себе территорию, равную Голландии или штату Вермонт!

Таким путем русским удалось поставить под контроль самую большую часть мировой недвижимости. Они осуществляют его, довольно густо населяя внутренние районы — обширную территорию, известную под названием «Европейская Россия», — и обосновываясь в меньшем, но политически значимом количестве в стратегически важных колониальных аванпостах Балтийского региона (включая Калининград), в отдельных частях Белоруссии, Восточной Украине, на северо-восточном побережье Черного моря, в крупных районах Казахстана и вдоль длинного пояса безопасности, идущего по Транссибирской магистрали вплоть до советского Дальнего Востока. Благодаря этому огромная незаселенная Сибирь эффективно изолирована от внешнего мира и доступна для постепенной колонизации.

Во время и после второй мировой войны господство Москвы распространилось почти на всю Восточную Европу. Это также произошло в основном благодаря военному захвату, подкрепленному идеологической трансформацией подчиненных стран. По поручению Москвы власть стали осуществлять зависимые от нее местные коммунистические функционеры, постепенно становясь все более заинтересованными в сохранении своих позиций и привилегий. Это сообщество было скреплено Варшавским пактом и усилено созданием экономической организации — Совета Экономической Взаимопомощи, который к началу

80-х гг. стал все больше использоваться Москвой для более тесной экономической интеграции Восточной Европы с Советским Союзом.

Таким образом, русская имперская система — с ее увечечением власти элиты, стратегическими поселениями и национальным подчинением — возникла совсем не так, как другие империи последнего времени. Морская экспансия в отдаленные территории, где появлялись бы небольшие поселения, в данном случае не применялась. Все шло по более естественному для России пути. Это был процесс непрерывного проникновения на соседнюю территорию, подсказанный старинным инстинктом выживания, который диктовал необходимость приобретения дополнительных земель. «Отсутствие надежной безопасности» переводилось на язык непрерывной экспансии. В результате Россия на протяжении истории была не столько жертвой частой агрессии, сколько постоянным агрессором, наступая из центра в том или ином направлении, когда появлялась благоприятная возможность.

Любой перечень актов агрессии, совершенных против России за последние два века, выглядит незначительным по сравнению с аналогичным перечнем экспансионистских действий, предпринятых Россией против своих соседей. Хищнический характер великоросского империализма не подлежит сомнению. Пресловутое чувство постоянной опасности действительно присуще русским, но не потому, что Россия слишком часто была жертвой агрессии, а потому, что органически присущая ей экспансия подталкивала и приводила к территориальным приобретениям, что, естественно, вызывало сопротивление.

Два автора весьма убедительно прокомментировали эту проблему. Ричард Пайпс пишет в своей книге «Выжить — недостаточно» (1984):

«Разумеется, здравый смысл мог бы подсказать даже тем, кто не понимает этого, что страна, являющаяся посто-

янным объектом агрессии, не может стать самой большой в мире по своей территории, равно как не может разбогатеть человек, которого раз за разом грабят... В 90-е гг. прошлого века русский генеральный штаб провел подробное исследование истории участия России в войнах со времени основания государства. В томе, содержащем резюме данного исследования, издатель сообщал читателям, что они могут гордиться военными достижениями своей страны и с уверенностью смотреть в будущее: в период между 1700 и 1870 гг. Россия воевала 106 лет, приняв участие в 38 военных кампаниях, 36 из которых были „наступательными” и только 2 „оборонительными”».

В книге Аарона Вильдавского «По ту сторону сдерживания» (1983) приводится следующее заявление Макса Зингера: «К Советскому Союзу лучше всего подошло бы определение *ненасытно* обороняющегося. Есть люди, которые не без основания утверждают, что Советский Союз является приверженцем наступательной политики — хотя, вероятно, весьма осторожной и терпеливой — вследствие своей идеологии или стремления к расширению подвластной ему империи. Однако, поскольку советская политика и ее опасность для нас остаются в основном неизменными независимо от того, руководствуется СССР оборонительными или наступательными соображениями, я не вижу оснований настаивать на том, что эти соображения являются наступательными. Возможно, так оно и есть, но нам не легче, если это и не так. Неудовлетворенность являющихся плодом собственного воображения оборонительных требований не приносит облегчения, если считать Советский Союз обороняющейся державой. Такая неудовлетворенность проистекает из того, что он не может надежно гарантировать достижение своей главной цели — сохранения империи, — пока мы сильны. Поэтому он не может испытывать чувства удовлетворения, пока мы способны противостоять его требованиям».

К тому же неизбежным следствием неослабной территориальной экспансии явилось возникновение имперского сознания у великоросского народа. Понятию «имперское сознание», возможно, трудно дать определение, но трудность выражения идеи не снимает ее с повестки дня. Есть что-то поразительно имперское в том, как русские настойчиво изображают себя в качестве «старшего брата» подчиненных ими народов. Имперская позиция проявляется также в спонтанном решении строить гигантские соборы русской православной церкви в самом центре столиц оказавшихся под их господством стран, как это случилось в XIX веке в Хельсинки и Варшаве. — Не является простым совпадением и то, что вместо Варшавского собора, взорванного в 1919 г. вновь обретшими независимость поляками, Москва 30 лет спустя возвела увековечивающий Сталина «Дворец культуры». Среди великороссов глубоко укоренилось чувство, что Москва должна сохранять нерусские народы Советского Союза и Восточной Европы в качестве особого владения матушки-России. Чтобы познакомиться со сделанным на основании собственного опыта анализом имперских и иерархических отношений, следует прочитать отчет бывшего польского посла в Вашингтоне Ромуальда Спасовского, ушедшего в отставку после введения военного положения в декабре 1981 г.

Великоросское имперское сознание представляет собой сложное сплетение религиозного мессианства, которое в течение долгого времени ассоциировало Москву с Третьим Римом, националистических инстинктов выживания и сохранения власти и возникшего гораздо позже идеологического порыва универсалистского типа. Чувство постоянной опасности, рожденное территориальной экспансией, также является частью этого сознания, а его параноидное отношение к внешнему миру было обострено коммунистической одержимостью видеть повсюду внутренних и внешних врагов. В противоположность амери-

канским взглядам, согласно которым многообразие считается нормальным явлением, идеологический компонент советского мировоззрения основан на том, что человечество в целом управляется некими «железными законами истории», которые удалось правильно расшифровать лишь советским руководителям. Таким образом, доктринерская уверенность в собственной правоте заставляет советских руководителей считать все те страны, которые не разделяют их мировоззрения, и особенно Америку, в своей основе враждебными себе. Короче говоря, с точки зрения Америки, различия — явление нормальное; по мнению же России — это симптомы конфликта.

В современную эпоху это сложное сплетение побудительных мотивов помогает создавать и поддерживать внешнеполитическое кредо, в соответствии с которым стремление к мировому господству, десятилетиями измеряемое соперничеством с Соединенными Штатами, превратилось в главную движущую силу. Продолжение присутствующей России территориальной экспансии и советская коммунистическая идеология, являющаяся исторической преемницей концепции Третьего Рима, должны были неизбежно привести к столкновению с державой, которая тем временем проникла за океан, чтобы сдержать Москву на западной и восточной оконечностях евразийского материка. И эта трансокеанская держава во многих отношениях также была имперской по своему характеру.

Вначале американская экспансия очень сильно походила на российскую. Это прежде всего относилось к завоеванию Соединенными Штатами в XIX веке территорий, ранее принадлежавших Мексике. С другой стороны, американская экспансия, особенно в период доктрины «предопределения судьбы» на рубеже этого века, отражала океанский характер американской мощи. Благодаря морскому могуществу США распространили политическое господство на Кубу и страны Карибского бассейна, на Цен-

тральную Америку и за пределы Гавайских островов почти до азиатского побережья в результате приобретения военным путем Филиппинских островов. Такой откровенный империализм идеологически оправдывался демократическим универсализмом; в то же время выгодно использовалась свойственная Америке привлекательность как свободной и сравнительно богатой страны.

Американская имперская система получила свое полное развитие лишь после второй мировой войны. Ее возникновение носило во многом случайный характер. Выйдя из второй мировой войны без потерь, Соединенные Штаты были ведущей державой мира, валовой национальный продукт которой составлял более половины продукции, производимой мировой экономикой. Это положение фактически и превратило Соединенные Штаты в империю. По причинам как международного, так и внутреннего характера США больше не могли безразлично относиться к событиям, происходящим, в сущности, в любых регионах мира. Политические и военные связи, которые, можно сказать, узаконили имперский статус США, образовались в результате возникновения «холодной войны». От первоначального намерения уйти из Западной Европы пришлось отказаться в результате растущей угрозы со стороны Советского Союза. Сузившийся периметр американской безопасности на Дальнем Востоке пришлось пересмотреть после вспышки войны в Корее. От выработанной позднее стратегии защиты американских интересов на юге Азии с помощью стран этого региона США отказались в результате внутреннего крушения Ирана и советского вторжения в Афганистан.

Как и Советский Союз, Соединенные Штаты столкнулись с геополитическими императивами. Тот, кто контролирует Евразию, занимает господствующее положение на земном шаре. Если Советский Союз захватит периферийные регионы этого континента — Западную Европу, Даль-

ний Восток и с Южной Азией, — то он не только установит контроль над огромными человеческими, экономическими и военными ресурсами, но и достигнет геостратегических подступов к Западному полушарию — Атлантического и Тихого океанов. Геостратегические границы обозначены так совсем не по воле случая. Кремлевские руководители вынуждены расценивать американское присутствие в Евразии как главное препятствие на пути к достижению своих геополитических устремлений. Точно так же Соединенные Штаты должны рассматривать свои трансокеанские позиции как передний край обороны, что избавляет их от необходимости организовывать оборону Северной Америки.

Хотя Соединенные Штаты взяли на себя имперскую роль с некоторой неохотой и не считая себя имперской державой, их внешнеполитические дебаты сосредоточены сегодня вокруг того, как лучше защитить имперские владения и управлять ими. И с обеих сторон политического спектра берутся на вооружение именно имперские аргументы. Это наиболее отчетливо проявилось в дебатах о политике США в странах «третьего мира», особенно по отношению к таким государствам, как Иран при правлении шаха или Филиппины при Фердинанде Маркосе. Сценарий такого рода повторяется часто: американская экономическая и военная помощь направляется в стратегически важные прозападные страны «третьего мира».

В какой-то из них существует авторитарное правительство, которое подвергается нападению со стороны враждебных Соединенным Штатам внутренних сил. По утверждению правых, национальные интересы требуют, чтобы Соединенные Штаты удержали у власти дружественный режим. Левые доказывают, что Соединенные Штаты должны использовать рычаги существующих программ помощи, чтобы вынудить правительство провести реформы или даже уйти в отставку. В первом случае мощь и влияние США должны использоваться для укрепления амери-

канских позиций, а во втором — для того, чтобы вызвать внутренние изменения в суверенном государстве. Однако обе стороны сходятся в том, что Соединенные Штаты имеют право использовать свою силу для воздействия на внутренние дела другой страны.

В отличие от советской американская империя не имеет общих границ, является относительно разобщенной и удерживается путем косвенных связей. Хотя имперская система, где господствуют США, оформлена договорными обязательствами — которые фактически определяют статус Западной Европы, Японии и Южной Кореи как американских протекторатов, — она в гораздо большей степени представляет собой переплетение общих интересов, а также неофициальных этнических и деловых связей. Присущая Америке склонность к демократическому принятию решений на основе общего согласия ослабляет ее политическое, экономическое и военное господство. Наиболее важными союзниками, находящимися под защитой США, являются Западная Европа, Канада, Япония и Южная Корея. Но у Америки существует и зависимая клиентура на Ближнем Востоке (Израиль и Египет), в Юго-Западной Азии (Пакистан) и в Юго-Восточной Азии (Таиланд и Филиппины). Имперская система в целом охватывает более 780 млн. человек по сравнению с населением советской империи, составляющим 545 млн. человек, но в ней отсутствуют идеологическое единство, политическая централизация и территориальная целостность, характерная для советского соперника. Поэтому границы американской империи не так легко точно обозначить.

Первоначально обе имперские системы были содружествами двух стран. Англо-американское содружество, олицетворяемое Рузвельтом и Черчиллем, отдавало предпочтительный статус внутри Западного союза Великобритании: эти особые отношения позволяли английским руководителям оказывать беспрецедентное влияние на

Вашингтон, что весьма наглядно проявилось в сдерживающей роли, которую играли Лондон по отношению к Вашингтону во время корейской войны. Коммунистический Китай также в течение некоторого времени был младшим партнером в гигантском китайско-советском блоке. Он зависел от советской помощи, но отнюдь не подчинялся Советскому Союзу. Мао Цзэдун был довольно сдержан в своем почтительном отношении к Сталину. Однако в отличие от Великобритании, мощь которой шла на убыль и особое положение которой постепенно сводилось на нет, Китай был на подъеме, что в конечном итоге привело к решительному разрыву с Кремлем. Таким образом, неоспоримое руководство внутри империи, ставшей теперь чисто советской, обошлось Москве дорогой геополитической ценой.

Америка обязана гибкостью своей имперской системы внешнему и внутреннему влиянию. Во внешнеполитической сфере защитная реакция стала тем фактором, который придал определенное направление первоначальным американским связям в вопросах безопасности с Западной Европой и Дальним Востоком, а также последовавшим вскоре широким планам экономического восстановления опустошенных войной протекторатов. Внутренним фактором оказался пестрый этнический состав самого американского общества.

В противоположность Советскому Союзу, где многочисленные народности подчинены господствующей нации, что в конце концов может вызвать опасный внутренний взрыв, присущая Америке этническая пестрота привела к культурному «взрыву» обратного характера, оказывающему влияние на страны, из которых произошли многие американцы. Это влияние выходит за пределы очевидных связей с Англией. Глубоко укоренившаяся популярность Америки во многих странах, таких, как Италия, Ирландия и Польша, непосредственно объясняется тем влиянием, которое оказывают на жителей этих стран миллионы их род-

ственников, ставших американцами. Это усиливает позитивное и притягательное воздействие американского образа жизни и порождает политические симпатии, которые еще более укрепляют официальные связи.

Это также позволяет Соединенным Штатам более целенаправленно развивать подобное преимущество, используя на дипломатических и деловых постах американцев, имеющих родственников за границей. По мере роста числа американцев азиатского происхождения аналогичный процесс начинает развиваться в отношениях с Кореей, Японией, Китаем, Индией и Юго-Восточной Азией.

Наконец, политические связи американской имперской системы укрепляются динамичным и исключительно творческим характером социально-экономических изменений, происходящих в Америке. Они являются образцом политического и экономического развития и способствуют добровольному притоку в Америку сотен тысяч иностранных студентов. Все это создает сеть взаимоотношений, по крайней мере не менее важных, чем первоначальное распространение за границей американской военной мощи.

В результате этих факторов — но особенно транскеанского характера американской мощи — зависимые от США страны искренне считают себя их подлинными союзниками и по сути являются таковыми. В данном случае не следует игнорировать наличие политических разногласий и экономических конфликтов с Соединенными Штатами, но эти разногласия происходят в рамках преобладания общих интересов, когда географическая удаленность создает политическую притягательность. (Сосед моего соседа — мой друг, но не мой сосед!)

Целостный территориальный характер советской империи, наоборот, означает, что соседние страны рассматривают Москву как в своей основе враждебную и господствующую силу. Поэтому даже ее официальные союзники нередко выражают недовольство и во многих отношениях

являются потенциально ненадежными. Коммунистический Китай и Югославия, находящиеся в географической близости от Советского Союза, порвали с Кремлем. Раскол с Югославией создал опасный прецедент для Восточной Европы, а разрыв с Китаем нанес Советскому Союзу, стремящемуся к господству на континенте, особенно большой ущерб. Не удивительно, что к числу самых искренних друзей Москвы принадлежат такие географически удаленные от нее страны, как Куба и Вьетнам.

Имперский конфликт между Вашингтоном и Москвой ясно демонстрирует глубокие различия в их подходе к решению широкого круга международных проблем. Он также позволяет понять, что предвещал бы миру исторический успех той или другой стороны.

Глобальное соперничество

Столкновение между Америкой и Россией является в настоящее время глобальным по своим размерам. Однако вначале оно не было таковым. «Холодная война» началась как соперничество между морской и континентальной державами за обладание тем, что осталось от Европы. Советская сторона явно ожидала, что в послевоенный период Соединенные Штаты выведут свои войска из Европы. Это в немалой степени проистекало из твердого обещания, которое дал Сталину президент Рузвельт. Поскольку все основные европейские державы были разгромлены или истощены войной, присутствие Красной Армии в сердце Европы имело бы решающие геополитические последствия. Если бы Америка ушла из Европы, западноевропейским странам пришлось бы подчиниться требованиям Москвы.

Тем не менее, Америка быстро пришла к выводу, что она не может оставить Западную Европу. Соединенные Штаты были связаны с этими странами Атлантическим океаном, являясь в культурном и политическом отноше-

ниях частью единого сообщества. По мере того как Америка все больше занималась европейскими делами, и она, и Россия пришли к парадоксальному выводу, что ни та, ни другая страна не достигнут своих целей, если они не будут стремиться быть до некоторой степени похожими друг на друга. Америке было необходимо стать территориальной державой. Она добилась этого, создав трансконтинентальный союз, разместив крупные американские наземные силы в Европе и поддержав их своей военно-морской и военно-воздушной мощью, а также ядерной гарантией. Ядерная угроза компенсировала в первые годы сравнительную слабость находившихся в Европе американских вооруженных сил обычного типа.

В противовес этому Советский Союз, скованный в своих силах в Европе и на первых порах запуганный ядерной монополией США, должен был не только заполучить ядерное оружие, но и увеличить свою военно-морскую мощь, что позволило бы ему вырваться из созданных Соединенными Штатами в Европе тисков сдерживания. К концу 50-х гг. Советский Союз сумел решить обе задачи. Нарастивая свою мощь, он начал игнорировать политику сдерживания и распространять свое политическое, идеологическое и военное присутствие на регионы, находящиеся далеко от Европы. Он обеспечил себе длительное присутствие на Кубе и в Индокитае, создал временные плацдармы в Индонезии, Африке и на Ближнем Востоке. В 70-е гг. он повел геополитическое наступление на «третий мир», распространяя влияние на Южный Вьетнам, Камбоджу (Кампучию), Лаос, Эфиопию, Южный Йемен, Анголу, Мозамбик, Афганистан и Никарагуа и увеличивая свое присутствие в ряде других стран. В 80-е гг. советское военное присутствие начало распространяться по всему миру, хотя Советский Союз по-прежнему остается преимущественно континентальной державой. В настоящее время просоветские режимы разбросаны по всему земному шару.

Глобальное противоборство между Америкой и Россией — явление новое. Никогда ранее две державы не соперничали на столь широком фронте. Более того, никогда ранее ослабление могущества одной из главных соперничающих держав не давало другой значительного глобального преимущества. Даже вторая мировая война, приведшая к возникновению американо-советской дуополии, не могла бы иметь такого одностороннего исхода. Германо-японская победа привела бы к разделу мировой добычи, хотя Западное полушарие, по крайней мере в течение некоторого времени, оставалось бы в значительной степени вне пределов прямой германо-японской гегемонии.

Предыдущие крупные исторические соперничества были еще более регионально ограничены. Первая мировая война была прежде всего европейской войной, которую вели союзные державы с тем, чтобы не позволить Германии господствовать на континенте. Две неконтинентальные морские державы — Великобритания и Соединенные Штаты — внесли решающий вклад в ее исход, но последствия войны были в основном ограничены Европой. Точно так же войны, которые вел Наполеон, заключали попытку создать континентальную систему с целью бросить вызов Великобритании, и именно провал этой попытки дал Лондону главенствующее положение в мире. Но даже это отнюдь не являлось эффективным глобальным превосходством. Большая часть Европы и крупные регионы Азии и Западного полушария остались вне влияния Великобритании.

Глобальные масштабы современного соперничества вытекают не только из беспрецедентного столкновения между трансокеанской и трансконтинентальной державами, каждая из которых подкреплена собственной имперской системой, но и из совершенствования вооружений и средств массовой связи. Современное оружие с точки зрения как дальности, так и разрушительной силы наполняет содержанием концепцию действительно глобальной вой-

ны и придает реальное значение угрозе всеобщего уничтожения. Борьба за контроль над космическим пространством или, во всяком случае, недопущение монополии соперника в данной области является в настоящее время также составной частью борьбы за господство в мире.

В то же самое время сочетание средств массовой связи со всеобщей грамотностью делает политико-идеологическое соперничество географически неограниченным. Каждый континент подвергается влиянию противоречивых призывов и конкурирующих социальных моделей. Американские и советские концепции будущего и глубоко отличные друг от друга философские оценки условий существования человечества оказываются в большинстве случаев в центре обсуждения и полемики, ведущихся во всем мире.

Все отмеченные выше факторы способствуют превращению американо-советского конфликта в затяжное историческое соперничество на истощение. В ходе этого соперничества следует ожидать периодических изменений дипломатической атмосферы. Возможно, разрядка 70-х гг. будет возрождена в новой форме в конце 80-х гг. Однако случающиеся время от времени тактические компромиссы не могут заслонить постоянного противоборства, лежащего в основе взаимоотношений двух стран. Порожденный геополитическими реалиями, обостренный различиями в идеологиях и системах конфликт будет и далее лейтмотивом этих взаимоотношений. Но впервые в истории благоразумие, вызванное исключительно разрушительной силой ядерного оружия, является большим достоинством долгосрочной стратегии глобального соперничества, исход которого также впервые в истории не будет, вероятно, решаться путем прямого вооруженного столкновения.

ГЛАВА II. БОРЬБА ЗА ЕВРАЗИЮ

Хотя американо-советское соперничество имеет глобальные по своим масштабам размеры, его главным объектом является Евразия. Этот материк — геостратегический фокус соперничества и геополитический приз за победу. Борьба за Евразию носит многосторонний характер и ведется на трех главных стратегических фронтах — крайнем западном, дальневосточном и юго-западном.

Для Соединенных Штатов предотвращение советского господства над Евразией является необходимым условием достижения приемлемого исхода противоборства. Для Советского Союза выдворение Америки из Евразии с помощью политических и военных акций на всех трех главных фронтах остается необходимым условием достижения решающего успеха в историческом конфликте.

Борьба на этих трех фронтах влечет за собой преимущественно политическое соперничество, подкрепленное военной мощью. Однако на каждом из фронтов в разное время происходит непосредственное испытание воли в условиях применения силы или угрозы ее применения. Таким образом, в борьбе за главный континент земного шара переплетаются политическая воля и военная мощь.

Россия и Евразия

Недопущение в Евразию любой влиятельной внешней силы и подчинение себе всех остальных континентальных держав является для России не только геополитической целью, но и выражением исторических амбиций. Географическая ситуация России парадоксальна. Великая российская империя явно доминирует в военном плане над огромным

континентом, в котором проживает большая часть населения мира, который имеет наибольшую территорию и богатство и занимает центральное стратегическое положение по отношению к другим континентам. Вместе с тем, как свидетельствует карта, Россия является объектом особого рода изоляции и даже окружения. Несмотря на огромные континентальными размерами страны — она намного превосходит по величине любое другое государство земного шара, — Россия фактически замыкается материком. Она не имеет по-настоящему открытого выхода в мир. На одном конце материка Западная Европа эффективно блокирует выход России в Средиземное море и Атлантический океан. Выход России в Атлантику и за ее пределы сдерживается такими стратегическими препятствиями, как пролив Дарданеллы, находящийся между Черным и Средиземным морями, проливы Каттегат и Скагеррак, связывающие Балтийское и Северное моря, а также проход между Норвегией и Шпицбергом (через который, во всяком случае, существует путь из советских портов, вынужденных бездействовать в зимний период).

На юге доступ к Персидскому заливу и Индийскому океану перекрывается целым рядом государств — начиная с Турции, включая Иран, Пакистан, Индию и кончая Китаем. Граница с Китаем кладет предел советской империи на Дальнем Востоке, а Южная Корея и островная Япония являются последними сторожевыми заставами. В этом регионе Советский Союз также эффективно блокируется. Доступ в Тихий океан ограничен узкой полосой советского Дальнего Востока, причем выход из порта Владивосток сдерживается стратегически важным Цусимским проливом, ведущим из Японского моря. Наконец, выход на севере почти постоянно закрыт ледяным барьером, и судоходство там невозможно.

Государственные деятели царской России и Советского Союза имеют следующую общую черту: и те и другие с

помощью непрекращающейся экспансии усиленно стремились добиться некоторых ключевых стратегических целей, которые должны были решающим образом изменить географическое положение их страны и обеспечить тем самым господство над континентом. Это не результат домыслов или подозрительного отношения к России, а исторический факт.

Еще до первой мировой войны Россия стремилась с помощью экспансии на Дальнем Востоке навязать Китаю договоры, которые дали бы ей эффективный контроль над Маньчжурией, а за счет обладания Порт-Артуром — доступ в Желтое море. Поражение России в русско-японской войне 1905 г. временно притормозило эти усилия и привело также к потере южной части стратегически важного острова Сахалин, которая отошла к Японии. В результате барьер, закрывающий России выход в Тихий океан, стал еще более прочным. Точно так же накануне и во время первой мировой войны Россия постоянно выражала желание получить непосредственный доступ в Средиземное море. Длительная борьба Москвы с Османской империей привела даже к непродолжительному столкновению во время Крымской войны (1853—1856) с франко-английской коалицией, стремившейся не допустить Россию в Средиземное море.

Та же цель была четко определена вскоре после начала первой мировой войны в официальной военной программе царизма. В документе, подготовленном одним из комитетов царского совета министров, вторая важнейшая цель России была сформулирована довольно кратко: «2) Осуществление исторических задач России на Черном море путем присоединения Царьграда (Константинополя) и Турецких проливов».

В этом же документе излагались цели экспансии России на запад. В нем содержались требования возвращения находящейся под контролем России Польше всех польских

земель, удерживаемых Германией, и тщательно продуманного расчленения Германии. Это привело бы к ликвидации самой мощной континентальной державы Европы и переходу господства на континенте к России. Стремясь обеспечить участие России в войне с Германией, руководители Франции и Англии с симпатией отнеслись к притязаниям Москвы в Польше, а в апреле 1915 г. согласились даже на аннексию Россией Константинополя и Турецких Проливов. (Не удивительно, что Сталин впоследствии считал, что у него есть все основания выдвигать те же требования!) Если бы царская Россия достигла поставленных целей, то это имело бы далеко идущие стратегические последствия, которые отчасти превосхищали бы обстановку, возникшую в 1945 г.

Советские государственные деятели, хотя они и руководствуются революционной доктриной, продолжают разделять царские геополитические устремления. На I конгрессе Коминтерна в 1920 г. контроль над Польшей был провозглашен главной стратегической целью, так как он давал Советской России прямую связь с мощными революционными выступлениями в Германии, которые в свою очередь рассматривались как часть более широкого революционного движения во всем мире. Пришедшие к власти большевистские лидеры надеялись, что даже брожение в Азии будет иметь исключительно важное значение в борьбе за подрыв господства в мире западных империй. Лев Троцкий, который, возможно, был наиболее четким выразителем стратегии нового советского режима, разъяснял Центральному Комитету еще летом 1919 г., что «агитацию в Азии» следует усилить, так как «международная обстановка явно складывается таким образом, что путь в Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии».

В последующие 20 лет не произошло советской экспансии и размеры бывшей царской империи даже умень-

шились. На западе Москва потеряла Польшу, Финляндию и государства Прибалтики. На юге ей не удалось присоединить часть северо-западного Ирана. На Дальнем Востоке она потеряла особые привилегии в Китае. Однако это было лишь передышкой в историческом развитии империи. Когда вторая мировая война вызвала новый этап неустойчивого положения в мире, стремления Москвы к достижению широких стратегических целей были возрождены с новой силой. Некоторые цели были достигнуты путем односторонних действий. В 1939 г. Сталин заключил сделку с Гитлером о разделе Польши. В 1940 г. были захвачены и аннексированы восточная часть Финляндии и Прибалтийские республики. В первые же послевоенные годы Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария и Восточная Германия были превращены в страны-сателлиты. В 1945 г. произошла оккупация Северной Кореи.

Были поставлены, но не осуществлены и другие крайне важные цели, хотя эти притязания вновь подтвердили евразийский размах стратегического мышления Москвы. Особенно неприкрытой демонстрацией советских амбиций были вопиюще откровенные нацистско-советские переговоры в конце 1940 г. (их полные протоколы сохранились в захваченных нацистских архивах) относительно совместного дележа добычи после ожидаемой победы нацистов. На этом этапе активного нацистско-советского сговора сталинский министр иностранных дел (и идейный наставник Громыко) Вячеслав Молотов посетил 12 ноября 1940 г. по приглашению Гитлера Берлин для обсуждения условий присоединения Советского Союза к Тройственному пакту, заключенному незадолго до этого между нацистской Германией, фашистской Италией и императорской Японией. Москва была информирована, что пакт был «направлен исключительно против американских поджигателей войны» и что его цель — помешать предоставлению американской помощи Великобритании. Молотову также

предложили принять участие в «разграничении интересов в мировом масштабе» между четырьмя странами, которые должны были получить наибольшие выгоды от предполагаемого поражения Великобритании.

В ходе долгих переговоров Молотов, заявивший, что он выступает от имени Сталина, весьма недвусмысленно одобрил мнение Гитлера, что «Соединенным Штатам нечего делать в Европе, Африке и Азии». Молотов в общем согласился и с предложением поделить Британскую империю. Однако на заявление немецкой стороны о необходимости того, чтобы Россия получила на юге «естественный выход к морю», Молотов откликнулся уклончиво, задав невинный вопрос: «К какому морю?» Он воздержался от немедленного и точного ответа на вопрос, каковы могут быть более широкие послевоенные цели Советского Союза, но быстро сообщил нацистским лидерам о заинтересованности СССР получить свободный выход из Черного и Балтийского морей.

Однако вскоре советские амбиции стали полностью очевидными. Нацисты составили протокол, в котором был определен предполагаемый раздел сфер влияния, в качестве секретного приложения к официальному заявлению о присоединении Советского Союза к Тройственному пакту. В соответствии с замечаниями Гитлера, сделанными в Берлине, Западное полушарие было оставлено в стороне, а предлагаемое «разграничение в мировом масштабе» интересов нацистской Германии, фашистской Италии, императорской Японии и Советской России касалось прежде всего Евразии и Африки. Для Советского Союза в немецком проекте предлагалась следующая формулировка: «Советский Союз заявляет, что его территориальные интересы сосредоточены к югу от государственной территории Советского Союза в направлении Индийского океана».

Официальный советский ответ, полученный две недели спустя, весьма показателен. Подчеркивая свою готов-

ность принять участие в четырехстороннем пакте, направленном против Америки и Англии, Кремль потребовал, чтобы в соглашение были включены признание Германией господствующей роли СССР в Финляндии и Болгарии, создание советской базы в проливе Дарданеллы и отмена японских привилегий на севере Сахалина, которые явились результатом войны 1905 г. Кроме того, в двух до некоторой степени повторяющихся формулировках Москва просила, чтобы в немецкий вариант протокола, в котором говорилось о главных целях СССР в южном направлении, было внесено дополнение о том, что «центром» и «основным объектом интересов Советского Союза» является «территория к югу от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу».

Указание на эти два города в качестве конкретных географических пунктов, расположенных соответственно на Черном и Каспийском морях, резко противоречило туманной формулировке, составленной немцами. Предложенное дополнение свидетельствовало, что советские руководители тщательно обдумали проблему и были теперь готовы показать определенные ими цели. Ссылка на район, расположенный к югу от Баку, могла означать только Иран. Если учесть, что Советский Союз вновь одобрил положения немецкого проекта о сохранении территориальной целостности Турции, ссылка Москвы на район к югу от Батума указывала на Ирак. Таким образом, конечными целями были, по всей видимости, города Персидского залива Абадан и Басра, расположенные ближе всего к Советскому Союзу. Советский Союз явно стремился не только к контролю над огромными нефтяными ресурсами региона, но и к выходу на Персидский залив, а также к обеспечению своего присутствия на Ближнем Востоке. Масштабы этих требований, равно как и предложенный стратегический охват Германии с фланга в Скандинавии и на Балканах, убедили Гитлера в том, что долговременное соглашение со Стали-

ным невозможно, и три недели спустя появилась его знаменитая директива № 21 — план операции «Барбаросса».

Примечательно, что в своей экспансии на юг Россия всегда руководствовалась стратегическими соображениями, и русские военные теоретики — как дореволюционные, так и большевистские — открыто писали об этом. В прекрасном исследовании «Захват третьей параллели: геополитика и продвижение Советского Союза в Центральную Азию», помещенном в весеннем выпуске журнала «Орбис» (1985), Милан Хаунер подытоживает концептуальные основы этих постоянных устремлений и приводит убедительные примеры экономической заинтересованности России в продвижении на юг. В данном случае следует упомянуть о попытках получить непосредственный выход к Персидскому заливу и Индийскому океану с помощью строительства нескольких стратегических железнодорожных магистралей.

Военно-политические последствия такого строительства, проводимого мощным государством на территории сравнительно слабых и экономически отсталых стран, могут иметь решающее значение. Россия поставила перед собой цель построить две главные железные дороги: одну — из Баку через Иран в Бушир, расположенный на побережье Персидского залива, с ответвлением в Багдад и к порту Басра; вторую — из Ашхабада, находящегося в принадлежащей России Средней Азии, до важного в стратегическом отношении пункта Бендер-Аббас на побережье Персидского залива. Кроме того, планировалось строительство железнодорожных веток через территорию Афганистана, которые соединялись бы с уже существующими железными дорогами, идущими к югу в порт Карачи, лежащий на побережье Индийского океана. Эти проекты, прерванные первой мировой войной, несомненно, держал в мыслях Сталин, когда в 1940 г. он настаивал на том, чтобы Гитлер согласился с возобновлением продвижения России в южном

направлении. О них не могут не знать и нынешние советские стратеги.

Во время второй мировой войны военные цели Советского Союза неоднократно провозглашались на различных консультативных встречах с новыми англо-американскими союзниками — с различной степенью детализации, но с завидным стратегическим постоянством. Касаясь западной части континента и выражая надежду на уход Америки из Европы, Сталин выдвигал различные планы, которые не только предусматривали существование слабой Германии (при условии советского военного присутствия на ее территории), но и были направлены на то, чтобы в Западной Европе не осталось ни одной жизнеспособной крупной державы. Советский Союз также заявил о своей заинтересованности в получении контроля над принадлежащим Норвегии Шпицбергеном и стратегически важным островом Медвежий, расположенным между побережьем Норвегии и Шпицбергеном. Когда на Потсдамской конференции в июле 1945 г. Сталина поздравляли со взятием Берлина советскими войсками, он сказал задумчиво, что Александр I занял Париж. После этого он потребовал передачи Советскому Союзу части итальянских колоний в Средиземном море. Год спустя во время первого приема нового посла США генерала Уолтера Беделла Смита Сталин вновь подчеркнул стремление СССР получить базу в проливе Дарданеллы «в целях обеспечения нашей безопасности». В беседе с Милованном Джиласом, бывшим тогда ближайшим соратником Тито, советский руководитель печально заметил, что Советский Союз не решился занять всю Финляндию вследствие необоснованных опасений вызвать энергичное противодействие со стороны США.

В мае 1945 г. Сталин еще более откровенно, чем во время Ялтинской конференции, изложил советские замыслы на Дальнем Востоке. Когда эмиссар президента Рузвельта Гарри Гопкинс в беседе с советским руководителем

начал настаивать на скорейшем вступлении СССР в войну с Японией, Сталин спокойно сказал, что «у советского народа есть все основания начать войну с Японией», а затем конкретизировал эти основания. Вступить в войну — дело не простое.

Чтобы гарантировать вступление СССР в войну, объяснил Сталин, Соединенные Штаты должны согласиться на пять условий: 1) сохранение статус-кво в Монголии, то есть, мягко выражаясь, советского контроля; 2) передачу Советскому Союзу всего острова Сахалин и прилегающих к нему островов; 3) интернационализацию китайского порта Дайрен, что представляло собой вежливую форму притязаний на экстерриториальное присутствие, и аренду Советским Союзом Порт-Артура в качестве военно-морской базы; 4) создание совместной советско-китайской железной дороги для обеспечения прямого доступа Советского Союза в Дайрен; 5) присоединение к Советскому Союзу Курильских островов. Примечательно, что два из этих пяти требований могли быть удовлетворены за счет Японии, которая была противником, и три за счет Китая, который был союзником. Но все пять требований были направлены на то, чтобы облегчить доступ Советского Союза к Тихому океану и обеспечить ему господствующее положение по отношению к Китаю.

Если рассматривать послевоенные территориальные требования Советского Союза в целом, то ясно видны три направления стратегического наступления: на запад через центр Европы, причем северо-западный фланг достигает архипелага Шпицберген, а юго-западный — идет на Дарданеллы и даже на Танжер; на восток к Курильским островам и через Маньчжурию к портам Желтого моря и на юг через Иран к Персидскому заливу. Существует удивительное историческое постоянство этих целей. И если советским руководителям удастся когда-либо достичь их, то это приве-

дет к одному имеющему решающее значение результату: Советский Союз добьется господствующего геополитического положения в Евразии.

Три главных стратегических фронта

Борьба между Россией и Америкой началась, когда стало ясно, что Соединенные Штаты не уйдут из Европы и что они готовы выступить против любых требований Москвы, выходящих за пределы того, над чем Советский Союз уже осуществлял эффективный контроль к 1945 г. Это противодействие явилось исторической вехой. В сущности, оно представляло собой начало заключительного этапа вековой борьбы за господство над самым оживленным континентом мира — борьбы, которая велась со времен крушения расположенной в центре Средиземноморья Римской империи, включая последующие попытки создать Священную Римскую империю, которая распространила бы власть на всю Европу, а также длительные конфликты между морскими империями, например, Великобританией и преимущественно континентальными державами, такими, как наполеоновская Франция, нацистская Германия и Россия. Теперь эта борьба вылилась в столкновение между господствующей трансокеанской державой и наиболее влиятельной державой главного континента земного шара.

Вначале камнем преткновения оказался «полуостров», лежащий на крайнем западе Евразийского континента. По сравнению с длиной всего континента, протянувшегося с востока на запад почти на 9000 миль, на долю этого крайнего западного фронта приходилось только 1150 миль, расположенных вне зоны советского контроля. Возможно, американский анклав по своим размерам казался совсем маленьким, но его геополитическое значение было огромным. Он включал крайне важную часть промышленно развитой Европы, обладавшей основными выходами в Атлантический океан.

Первый стратегический фронт образовался в результате возникшей угрозы Греции и Турции, а также Берлину. В обоих случаях Советский Союз пытался изменить послевоенный статус-кво, что потенциально могло иметь далеко идущие последствия. Успешная акция против Греции или Турции позволила бы Советскому Союзу ввести свои военные силы в Средиземноморье, когда в этом регионе происходило значительное брожение. Италию раздирали идеологические конфликты. Великобритания была поглощена будущим Палестины. Соединенные Штаты не успели пока обеспечить своего военного присутствия в этом регионе. Успех в Турции, включая и ее согласие на советские территориальные требования непосредственно к югу от Батума, открыл бы Советскому Союзу путь в Ирак. Это привело бы к усилению давления на Иран в период его глубокой политической неопределенности.

В декабре 1945 г. московское радио неожиданно передало сообщение о том, что иранские революционные силы создали две новые республики — Автономную Республику Азербайджан и Курдскую Народную Республику. Твердая американская поддержка территориальной целостности Ирана, в том числе намеки на существование ядерного оружия, вынудила Советский Союз уйти из Ирана в начале 1946 г. Этот кризис был первой крупной пробой сил между двумя державами.

Если бы Советскому Союзу удалось вытеснить западные державы из Берлина или поставить их в подчиненное положение, стратегические последствия этого имели бы решающее значение. Победа в исключительно открытом и драматичном столкновении воли соперников продемонстрировала бы советское превосходство над Соединенными Штатами на самой ранней стадии развития американской политической и экономической помощи Западной Европе. Последствия этого были бы далеко не символическими. Они могли бы полностью нарушить политическое рав-

новесие в Германии, создав кризис доверия к Соединенным Штатам. Их отзвуки докатились бы и до Франции в тот момент, когда коммунисты, судя по результатам выборов, двигались к пику своего политического влияния.

Таким образом, решения, принятые президентом США Гарри С. Трумэн, имели историческое значение. 22 мая 1947 г. он подписал «доктрину Трумэна», превратив ее в закон, и тем самым вменил Соединенным Штатам в обязанность защиту Греции и Турции. Он также принял решительные меры по организации воздушного моста с целью прорыва блокады Берлина, установленной в апреле 1948 г. Этими действиями Трумэн не только прямо вовлек Соединенные Штаты в оказание противодействия советской политической экспансии в Европе, но и поднял их авторитет, подкрепив американские обязательства военными мерами. Возникла качественно новая обстановка по сравнению с чисто политическими и декларативными заявлениями, которые Англия и Соединенные Штаты делали ранее в ответ на советскую экспансию. Впервые Соединенные Штаты провели разграничительную линию и своими открытыми обязательствами, а также развертыванием вооруженных сил продемонстрировали, что переход через нее привел бы к военному столкновению. Так сложился крайний западный стратегический фронт, существующий вот уже 40 лет.

Этот фронт защищает систему отношений, которая со временем начала рассматриваться как неотъемлемая часть безопасности самих Соединенных Штатов. Атлантическое сообщество, представляющее собой трансокеанскую сеть культурных, экономических и политических отношений, стало для Соединенных Штатов органическим продолжением своего собственного существования. В то же время для Москвы оно превратилось в главное политическое и военное препятствие на пути достижения господствующего положения в одном из двух экономически наиболее жизнеспособных регионов Евразийского континен-

та и в основной источник притяжения находящихся под советским господством стран Восточной Европы. Таким образом, сам факт существования на крайнем западе Европы трансокеанского сообщества является не только стратегическим препятствием, но и постоянным политическим вызовом московской империи. Поэтому непрекращающиеся попытки нарушить трансокеанские политические и военные связи приобрели главную роль в соперничестве между Востоком и Западом в Европе.

Вскоре вслед за первым образовался и второй главный стратегический фронт в исторически новом американо-советском противоборстве. Вначале казалось, что в ближайшее время не предвидится столкновений на Дальнем Востоке. Благодаря в основном личной инициативе главнокомандующего американскими вооруженными силами на Дальнем Востоке генерала Дугласа Макартура, отличавшегося стратегическим мышлением, Соединенным Штатам удалось сдержать, а затем дать отпор попыткам Советского Союза создать прямой военный плацдарм на Японских островах. Решения Ялтинской и Потсдамской конференций действительно отдавали Советскому Союзу контроль над южной частью Сахалина и Курильскими островами. К тому же он в одностороннем порядке захватил и японские острова, расположенные к северу от Хоккайдо. Однако эти приобретения имели сравнительно небольшое значение. Советский Союз и Соединенные Штаты поспешили захватить как можно больше территории в Корее, но их соперничество закончилось подписанием соглашения об установлении демаркационной линии по 38-й параллели. Вначале казалось, что Китай начинает входить в орбиту американского влияния, хотя оккупация Советским Союзом Маньчжурии и скрытая помощь китайским коммунистическим силам осложняли восстановление эффективной власти китайских националистов.

Тем не менее даже в конце 1949 г., когда конфронтация в Западной Европе уже шла полным ходом, американо-советское соперничество на Дальнем Востоке казалось все же маловероятным. Соединенные Штаты были обескуражены победой китайских коммунистов, но оказались не в состоянии что-либо изменить. Вашингтонские стратеги вскоре занялись проблемой того, как избежать столкновения на Азиатском материке с возникавшим китайско-советским блоком. Эта позиция привела к известному заявлению государственного секретаря Дина Ачесона в январе 1950 г., в котором стратегические интересы США на Дальнем Востоке определялись преимущественно прибрежными районами, а основной акцент делался на Японии. Не упомянув о Корее, Ачесон весьма точно обозначил американский «оборонительный периметр», проходящий «вдоль Алеутских островов к Японии, затем... к островам Рюкю... к Филиппинским островам».

Все это изменила корейская война. Прямая и неприкрытая коммунистическая агрессия летом 1950 г., ставшая возможной благодаря огромным поставкам советского оружия, практически не оставила президенту Трумэну выбора. Он столкнулся теперь с таким положением дел на Дальнем Востоке, когда бездействие США могло бы поставить под угрозу американские позиции в Японии, только что начинавшей приходить в себя после поражения в войне. А это в свою очередь могло бы привести к полному вытеснению Америки с Дальнего Востока.

Решение Трумэна ответить применением военной силы создало второй главный стратегический фронт в американо-советской борьбе — на этот раз на крайней восточной оконечности Евразийского континента. За три года корейской войны Соединенным Штатам удалось тесно сблизиться с Южной Кореей и тем самым расширить периметр своих жизненно важных стратегических интересов. В него теперь входили Япония, Южная Корея, Тайвань и Филип-

пины. В начале 50-х гг. к этим интересам добавилась поддержка французского присутствия в Индокитае и независимых индокитайских государств после того, как французы ушли оттуда в 50-е и 60-е гг. Вашингтон считал, что эти обязательства направлены в равной мере против коммунистического Китая и Советского Союза.

Именно такая сильная антикитайская стратегическая ориентация впоследствии прямо привела к самой большой неудаче Америки в «холодной войне» и к наиболее значительной геополитической потере для Советского Союза. Озабоченность Америки экспансионистскими устремлениями советско-китайского блока на Дальнем Востоке вначале послужила причиной поддержки попыток Франции удержать свои колониальные владения в Индокитае. Затем она заставила Соединенные Штаты непосредственно вмешаться в войну во Вьетнаме, чтобы не позволить Северному Вьетнаму — который ошибочно считали китайской марионеткой — захватить Южный Вьетнам. Американские государственные деятели рассматривали войну во Вьетнаме в основном как повторение корейского конфликта и полагали, что необходим решительный ответ со стороны США.

Парадоксально, но война во Вьетнаме подорвала и одновременно усилила американские позиции в борьбе с Советским Союзом. С точки зрения способности Соединенных Штатов проводить эффективную внешнюю политику им был нанесен невосполнимый ущерб. Послевьетнамский паралич мешал принятию смелых решений даже в отношении регионов, имеющих для США жизненно важное значение, и поставил под вопрос действенность американских гарантий безопасности во всем мире. С другой стороны, стремление остановить экспансию Китая (которая рассматривалась как часть широких китайско-советских замыслов) прямо способствовало китайско-советскому расколу, а это существенно изменило геополитическую ситуацию на Дальнем Востоке в пользу Соединенных Штатов.

Китайско-советский раскол назревал более десятилетия — с конца 50-х гг. до взрыва, выразившегося в откровенно насильственных, хотя и ограниченных столкновениях, в конце 60-х гг. Возможно, конфликт был неизбежен, учитывая деспотическое обращение Советского Союза со своим новым, но неподвластным ему партнером. Однако его усугубляли реально существовавшие расхождения в мировоззрении и интересах.

Первым серьезным толчком к расколу послужил кризис, возникший в 1958 г. в связи с островами Куэмой и Мацзу. Китайские коммунисты приступили к интенсивному артиллерийскому обстрелу этих прибрежных островов, защищавших подступы к удерживаемому гоминьданом Тайваню от материкового Китая. Соединенные Штаты пригрозили военным вмешательством. Это в свою очередь привело к настойчивым просьбам Китая, обращенным к Советскому Союзу, об оказании ему помощи, включая предоставление Китаю ядерного оружия. Советское руководство ответило отказом на обе просьбы. Однако эта обычная предосторожность вызвала скрытую ярость Китая и привела к острой китайско-советской полемике, о которой в то время не сообщалось, а также создала продолжительное личное отчуждение между советскими и китайскими руководителями.

Таким образом, конфронтация, связанная с островами Куэмой и Мацзу, которую Соединенные Штаты рассматривали как испытание воли объединенного китайско-советского блока, фактически явилась катализатором, способствовавшим его распаду. Это в конечном итоге привело к американо-китайскому сближению в 1972 г. и даже к известному сотрудничеству в вопросах безопасности в конце 70-х начале 80-х гг. Следовательно, за послевоенный период позиции США на главном дальневосточном стратегическом фронте улучшились. При этом не только возросла степень безопасности Соединенных Штатов, но и передний край геополитической борьбы незаметно переместил-

ся от окраин Азиатского материка к китайско-советской границе.

Однако Советский Союз также одержал одну важную геополитическую и геостратегическую победу — во Вьетнаме. Конфликт между Москвой и Пекином вызвал их соперничество за контроль над коммунистическим Ханоем. Географическое соседство и вследствие этого опыт исторических взаимоотношений действовали против Китая. Кроме того, Китай не мог в таких размерах, как Советский Союз, поставлять оружие, боеприпасы и новейшие виды вооружений для военных нужд Северного Вьетнама. Отсюда в Ханое легко возобладала просоветская ориентация. В результате Советский Союз обошел Китай с фланга. Это еще больше усилило недовольство Китая, уже испытывавшего неприязнь перед лицом советского господства в Монголии. Москва в свою очередь получила рычаг для давления на Соединенные Штаты. Ее стратегические базы в объединенном Вьетнаме могли бы поспорить с американским военно-морским и военно-воздушным господством над чрезвычайно важными морскими путями, ведущими через Малаккский пролив (через который проходит около 65% потребляемой в Японии нефти), и в более общей форме над имеющим исключительно важное значение регионом, который включает Вьетнам, Филиппины, юг Китая, а также индонезийский остров Борнео и Малайзию.

Политические и экономические связи Америки со странами, которые она защищает вдоль дальневосточного фронта, стали не менее важными, чем связи со странами, входящими в Атлантическое сообщество. Внушительные экономические достижения Японии, Южной Кореи и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), а также развитие сообщества стран Тихоокеанского бассейна привели к возникновению экономических отношений, которые в области торговли уже превосходят трансатлантические. По существу, это наиболее быстро развивающийся

в экономической отношении регион мира, что увеличивает его политическое и экономическое значение для Соединенных Штатов. С точки зрения Советского Союза, ослабление или нарушение этих связей постепенно становится столь же важным, как и разобщение Западной Европы.

Еще более важным обстоятельством является то, что трехсторонние отношения между государствами бассейна Тихого океана на Дальнем Востоке, Северной Америкой и Западной Европой возникли в качестве основы новой, независимой от Европы международной системы, поддерживаемой Соединенными Штатами. Сотрудничество между этими тремя экономически жизнеспособными и в политическом отношении демократическими регионами становится главным фактором поддержания международной стабильности и развития стран «третьего мира». Все, что может нарушить связи стран, расположенных как на крайнем востоке Азии, так и в крайней западной части Европы, с Соединенными Штатами — особенно неожиданная политическая или военная акция Советского Союза, — будет прямо способствовать дестабилизации этих созданных в основном усилиями Соединенных Штатов международных систем.

Третий главный стратегический фронт (юго-западный) образовался намного позднее. В самом деле, в течение почти четверти века, прошедшей со времени ухода Советского Союза из Ирана в 1946 г. и провозглашения «доктрины Трумэна» в 1947 г., регион, расположенный к югу от Советского Союза, не был объектом прямого американо-советского конфликта. Советский Союз не переступал разграничительную линию, проходящую от северо-восточной границы Турции и северной границы Ирана к северо-западным границам Пакистана. Афганистан был действительно нейтральным буферным государством, которое, имея также общую границу с Китаем, избавило Пакистан от опасности непосредственного общения с Советским Союзом. Тур-

ция, Иран и — в меньшей степени — Пакистан были тесно связаны в политическом и военном отношении с Соединенными Штатами, в то время как военно-морское и военно-воздушное присутствие Великобритании в Персидском заливе обеспечивало дополнительную прямую защиту безопасности региона со стороны Запада.

Временное затишье кончилось в 70-е гг. Уход Англии с территорий, расположенных «к востоку от Суэца», во второй половине 60-х гг. создал вакуум безопасности в Персидском заливе. Вашингтон попытался заполнить его за счет поддержки двух столпов региональной безопасности — Саудовской Аравии и Ирана. Такое положение, хотя против него выступили сами ближневосточные страны и конкретно — новые революционные режимы Ирака и Сирии, поддерживаемые Советским Союзом, просуществовало до тех пор, пока объекты защиты США оставались внутренне стабильными. Когда же в 1978 г. рухнул проамериканский режим в Иране, вместе с ним рухнула и эта неустойчивая региональная система.

Тем не менее, еще до событий в Иране Советский Союз предпринял успешные действия на периферии этого региона. Москва была пока не готова к реакции Соединенных Штатов, которую могло вызвать прямое пересечение южной разграничительной линии. Однако в конце 70-х гг. Советскому Союзу удалось в какой-то степени выйти во фланг региона, обеспечив политическое и военное присутствие в Сомали и Южном Йемене, а затем отказавшись от своих обязательств перед Сомали в пользу сулящего более выгодные перспективы военного и политического присутствия в Эфиопии, где были развернуты марионеточные кубинские войска. Таким образом, Советский Союз упрочил свою клиентуру в важном регионе, контролирующем доступ в Красное море и Суэцкий канал. К концу 70-х гг. Соединенные Штаты оказались перед лицом серьезного кризи-

са, возникшего на территории, которая примыкает к Аравийскому морю.

Еще более опасным в стратегическом отношении был крах поддерживаемого США иранского режима. Его падение положило конец американским попыткам утвердить Иран в качестве наиболее влиятельной региональной державы и опорного пункта южного пояса безопасности. Несомненно, крах Ирана сделал возможными решительные действия Советского Союза по отношению к Афганистану. Это нейтральное буферное государство пережило между тем четыре крупных политических потрясения, в том числе свержение монархии в 1973 г., захват власти коммунистами в 1978 г., внутрикоммунистический переворот в 1979 г., приведший к установлению еще более радикального коммунистического режима. Все эти события вызвали широкую оппозицию со стороны националистов и исламских фундаменталистов. В конце декабря 1979 г. Советский Союз воспользовался создавшейся обстановкой и ввел в страну свои вооруженные силы. Впервые со времени возникновения американо-советского конфликта СССР перешел границы, сложившиеся после второй мировой войны.

Так образовался третий фронт. Ответная реакция Соединенных Штатов последовала 23 января 1980 г., когда они официально провозгласили для региона Персидского залива эквивалент «доктрины Трумэна». Президент Джимми Картер сказал (его заявление получило тогда название «доктрины Картера»): «Любая попытка внешней силы установить контроль над Персидским заливом будет рассматриваться как посягательство на жизненно важные интересы Соединенных Штатов Америки, и такому посягательству будет дан отпор всеми необходимыми средствами, включая военную силу». Соединенные Штаты, таким образом, прямо вмешались в дела региона. Они быстро развернули в нем свои военно-воздушные и военно-морские силы. Они увеличили военную помощь Пакистану. Они ясно под-

твердили американские гарантии 1959 г. по защите Пакистана от советского вторжения. Они стали поддерживать сопротивление афганцев советской оккупации.

Американские обязательства были продиктованы стратегическими соображениями, которые заключались в том, что, каковы бы ни были субъективные мотивы ввода советских войск в Афганистан, его объективные последствия носят исключительно угрожающий характер для региона и могут привести к советскому господству в нем. Более того, прорыв Советского Союза на третьем фронте имел бы серьезные последствия для двух других фронтов. Советский успех на западноевропейском или дальневосточном фронте нарушил бы международную систему, но даже такая неудача не лишила бы Соединенные Штаты способности защищать другой фронт. Однако успех Советского Союза на третьем фронте автоматически дал бы ему в руки мощный рычаг в соперничестве с Соединенными Штатами на двух других главных фронтах. Это положение остается в силе, несмотря на насыщение нефтью мировых рынков в середине 80-х гг. Обладая 56% всех разведанных мировых запасов нефти, государства Персидского залива будут по-прежнему иметь крайне важное стратегическое значение для Запада. Учитывая зависимость Западной Европы и Японии от ближневосточной нефти, господство в этом регионе позволило бы Советскому Союзу шантажировать Западную Европу и Дальний Восток, добиваясь политического урегулирования на выгодных Москве условиях.

Решающие в стратегическом отношении и действующие подобно катализатору интересы на третьем фронте требовали американского вмешательства, несмотря на серьезные трудности, с которыми Соединенные Штаты столкнулись в этом регионе. По сравнению с двумя другими фронтами третий фронт почти не дает возможности вести глубоко эшелонированную оборону и не имеет позиций для отступления. Если советская оккупация Афга-

нистана окажется постоянной, то будет гораздо легче вызвать политическую дестабилизацию Пакистана и Ирана и Москва сможет осуществить свои честолюбивые замыслы, столь ясно изложенные в конце 1940 г.

Кроме того, в отличие от обороны Западной Европы и Японии, Америка была вынуждена поддерживать в этом регионе режимы, которые не являлись демократическими и длительное существование которых вызывало сомнение. В самом деле, имелось в виду, что обязательства Америки защищать Персидский залив распространялись и на Иран. Однако иранское правительство осталось откровенно враждебным по отношению к Соединенным Штатам, хотя оно и уравнивало эту враждебность религиозным фанатизмом, направленным против Советского Союза. Перечисленные факторы увеличили трудности, связанные с поддержанием такого фронта, в высшей степени улучшили долгосрочные перспективы советского успеха и сделали этот стратегический фронт наиболее неустойчивым и опасным из всех трех.

Ключевые в геополитическом отношении государства

Политический исход соперничества на каждом из трех главных стратегических фронтов будет, видимо, во многом определяться тем, кто захватит или сохранит контроль над некоторыми ключевыми странами, играющими решающую геополитическую роль в своих регионах. Ключевым является такое государство, которое одновременно занимает исключительно важное положение и в известном смысле «созрело для захвата». Важность такого государства может проистекать из его геополитического положения, которое служит источником регионального политического и (или) экономического влияния, или из его геостратегического расположения, придающего ему военное значение. Его уязвимость увеличивает возможность того, что оно окажется

объектом обмана или захвата, что в свою очередь может повлиять на существующие у него внешние связи. Другие государства могут быть в равной степени или даже более важными, но их твердые позиции в той или иной системе означают, что они являются устойчивыми единицами и не поддаются каталитическому воздействию.

К числу ключевых государств относятся Польша и Германия на крайнем западном фронте; Южная Корея и Филиппины — на крайнем восточном фронте; Иран или сочетание Афганистана с Пакистаном — на юго-западном фронте. Советское господство над Польшей играет главную роль в обеспечении контроля Москвы над Восточной Европой, а подчинение или вовлечение в орбиту советского влияния Западной Германии изменило бы соотношение сил в Европе в пользу России. Господство над Южной Кореей и Филиппинами позволило бы Советскому Союзу окружить Китай, создать прямую угрозу безопасности Японии через Корею и потенциально подвергнуть опасности жизненно важные морские коммуникации Японии, идущие из Филиппин. Советское господство над Ираном или над Афганистаном и Пакистаном даст Москве возможность контролировать подходы к Персидскому заливу или обеспечить ее присутствие в Индийском океане, откуда советское влияние можно было бы распространять в уязвимые районы, расположенные к юго-западу и юго-востоку.

С другой стороны, недопущение в орбиту советского влияния одной лишь Западной Германии обеспечивает и далее независимость Западной Европы, а ослабление контроля Москвы над Польшей было бы в конечном итоге равносильно ослаблению ее влияния в Восточной Европе. Доступ к Южной Корее и Филиппинам позволяет Соединенным Штатам сохранять политическое и военное присутствие на крайней восточной оконечности Евразийского материка, обеспечивая безопасность Японии и широкий выход к территории Китая. Недопущение распростране-

ния господства Советского Союза на Иран или Афганистан с Пакистаном лишает Москву возможности осуществить давнишние стратегические цели «к югу от Батума и Баку», благодаря чему Персидский залив и Ближний Восток надежно ограждаются от советского военно-политического присутствия.

Советское господство над Польшей крайне важно для контроля Москвы над Восточной Европой. Действительно, установление контроля над Польшей было в течение 250 лет целью России, которую впервые удалось осуществить после длительной борьбы лишь в конце XVIII века. Поворотным пунктом этой борьбы оказалось событие, происшедшее 300 лет назад — в 1667 г., когда Польша передала России верховную власть над Украиной. Это знаменовало собой начало господства поднимающейся царской империи над своим главным славянским соперником в лице польско-литовско-закарпатского содружества. После завоевания Украины экспансия царской империи усилилась, и к 90-м гг. XVIII века Польша была полностью подчинена России. С тех пор все российские правительства настаивали на преимущественном праве России вмешиваться в польские дела.

Это требование высказывалось на заседаниях межсоюзнического совета во время первой мировой войны царским министром иностранных дел Сергеем Сазоновым, причем почти в тех же выражениях, которые употреблял Молотов на переговорах с руководителями англосаксонских стран во время второй мировой войны. О контроле над Польшей говорилось как о главном факторе безопасности и внутреннем деле России, не подлежащем серьезному обсуждению с Западом. Территориальные цели, которые уставила перед собой Россия во время первой и второй мировых войн, также были весьма схожи: польские границы следовало отодвинуть на запад

за счет Германии и тем самым сделать Польшу постоянно зависимой от России в ее отношениях с Германией. Со своей стороны контроль над Польшей должен был привести к решающей роли России в делах Германии. Советские руководители проявили особую чувствительность к воспоминаниям о поражении советских войск в борьбе с возрожденным польским государством в 1920 г., которое фактически не позволило Красной Армии вступить на территорию Германии, содрогавшейся в то время от революционных выступлений.

Геополитическое и геостратегическое значение Польши выходит за рамки того факта, что она лежит на подступах к Германии. Господство Москвы над Польшей облегчает также советский контроль над Чехословакией и Венгрией и ограждает от влияния Запада прозападно настроенные нерусские народы Советского Союза. Предоставление Польше большей автономии неизбежно подорвало бы советский контроль над Литвой и Украиной. Религиозные и исторические связи Польши с этими странами имеют глубокие корни, и освободившаяся от контроля Москвы Польша могла бы оживить сепаратистские тенденции в ущерб господству великороссов.

Кроме того, история Польши после второй мировой войны ясно свидетельствует, что насаждаемый СССР режим не пользуется поддержкой народа, тогда как возникшее в конце 70-х гг. движение, возглавляемое профсоюзом «Солидарность», продемонстрировало жизнеспособность национального и религиозного самосознания поляков. Польша с ее 37-миллионным населением является самой большой из находящихся под советским господством стран Восточной Европы, а ее вооруженные силы составляют крупнейший, не считая СССР, контингент войск Организации Варшавского пакта. Это беспокойный союзник, которого Москве, возможно, и дорого контролировать, но еще дороже потерять.

Если с Польшей все будет обстоять нормально, то можно принять участие в долгосрочном соперничестве за Германию, а его исход в свою очередь имеет решающее значение для будущего независимой Западной Европы, связанной с Соединенными Штатами. После второй мировой войны Советский Союз захватил контроль над Польшей и третьей частью Германии, впоследствии образовав из нее новое государство — Германскую Демократическую Республику. Это позволило Советскому Союзу соперничать за остальную часть Германии, ставшую тем временем суверенным государством — Федеративной Республикой Германии. Имея 62 млн. человек населения и валовой национальный продукт, равный примерно 698 млн. долларов (по состоянию на 1983 г.), ФРГ превратилась в самого мощного члена Западноевропейского сообщества и стала также крупнейшим участником общей обороны стран НАТО.

Поэтому политическая ориентация Западной Германии, не говоря уже о ее официальных связях, имеет решающее значение для подрыва политического единства атлантических стран.

В данной ситуации играют свою роль история и география. С немецкой стороны всегда существовала сильная прорусская ориентация, особенно среди населения Пруссии. Прямой контроль Советского Союза над 17 млн. жителей Восточной Германии усилил доводы в пользу того, что Германии следует с должным пониманием относиться к интересам Москвы. Германские банковские и промышленные круги исторически поддерживали экономическое развитие России, и эта направленность по-прежнему сильна в немецком деловом сообществе. В настоящее время Западная Германия является важнейшим экономическим партнером Советского Союза в Западной Европе, а крупные западногерманские субсидии, предоставляемые Восточной Германии, увеличивают значимость Бонна.

В свою очередь внешняя политика России со времен Екатерины Великой имела сильную прогерманскую направленность. Русских всегда восхищало умение немцев добиваться высокой производительности и привлекала возможность установления с ними взаимовыгодных отношений. Такие отношения сыграли главную роль в разделе Польши, а воссоединение Германии при Бисмарке прошло при благосклонном отношении со стороны России. В начале большевистской эры советские лидеры были полны надежд, что революция в Германии сольется с русской революцией. Согласно сталинским более геополитически ориентированным представлениям, советское присутствие в Германии было необходимой предпосылкой для того, чтобы не допустить появления какого-либо соперника СССР в Европе. Итак, в течение многих послевоенных лет политико-стратегический акцент Советского Союза в Европе делался на Германии, ибо он рассматривает ее как ключ к ответу на вопрос о том, кто будет обладать решающим влиянием на западной оконечности главного континента мира.

На Дальнем Востоке отношения Японии и Китая с США представляют собой главное препятствие для захвата Советским Союзом господствующих позиций. Ключевыми государствами в этом регионе стали Южная Корея и Филиппины. Ни одно из них не представляет собой столь важного регионального приобретения, как Западная Германия. Однако оба они играют решающую роль для безопасности Японии и Китая и являются основными аванпостами американской мощи на крайней восточной оконечности Евразии. Каждое из них может быть жертвой событий (Южная Корея — военного нападения, а Филиппины — внутреннего политического взрыва), которые в состоянии изменить их международные отношения.

Военное присутствие Соединенных Штатов в Южной Корее, хотя и не такое значительное по своим масштабам, как в Западной Европе, представляет собой самое

важное американское формирование на Дальнем Востоке. Это присутствие основано на признании того, что безопасность Южной Кореи играет главную роль для безопасности Японии. Оно также отражает решимость США избежать повторения двусмысленности, которую допустил в 1950 г. Дин Ачесон, исключив Южную Корею из американского «оборонительного периметра». По мнению СССР, захват Южной Кореи, осуществленный Северной Кореей, изменил бы стратегическое положение на Дальнем Востоке. Он открыл бы Восточное Китайское море для советского военно-морского флота, выдворил бы США с материка, поставил бы под угрозу все главные острова Японии и позволил бы выйти во фланг промышленно развитых районов Китая с северо-востока.

Такой захват устранил бы и усиливающуюся идеологическую угрозу внутренней стабильности Северной Кореи. В последние годы Южная Корея демонстрирует удивительную способность к длительному экономическому росту. Ее валовой национальный продукт превысил 66 млрд. долларов (по состоянию на 1983 г.), что подняло доход страны на душу населения примерно до 1700 долларов. Экономические достижения Северной Кореи — небольшой совокупный общественный продукт в 20 млрд. долларов с доходом на душу населения менее 1000 долларов — дают совершенно иную картину. Экономические успехи Сеула не только укрепили Южную Корею по отношению к Северной Корее, но и увеличили расходы, которые вынуждена нести Северная Корея на содержание вооруженных сил, способных бросить вызов Южной Корее.

Если темпы роста совокупного общественного продукта сохранятся, то к концу века Северной Корее придется расходовать из него в 6 раз больше на военные нужды, чем Южной Корее, лишь для того, чтобы не отстать от нее по размерам расходов. В результате Северная Корея, несомненно, будет надеяться на увеличение экономической

помощи со стороны Советского Союза. Москва может проявить неуступчивость, но лишь рискуя тем, что в руководстве Пхеньяна усилится влияние соперничающего с ней Китая. Кроме того, экономические успехи Южной Кореи будут неизбежно иметь политико-идеологические последствия. Корейский национализм по-прежнему не уживается с произвольным разделом страны.

Раздел рассматривается как историческая несправедливость. (В отличие от корейцев, немцы, по крайней мере, на первых порах, были согласны с разделом страны, видя в нем наказание истории за развязывание войны.) Поэтому соперничество между двумя корейскими государствами в основном сконцентрировано вокруг того, кто (Север или Юг) имеет больше оснований выступать за воссоединение страны. Воссоединение продолжает оставаться актуальным вопросом. Преуспевающая в экономическом и привлекательная в социальном отношении Южная Корея заставила Северную Корею уйти в оборону. Пхеньян, несомненно, понимает возможность того, что крупное международное потрясение, которое временно парализует и коммунистический Китай, и Советский Союз, открыло бы путь к воссоединению Кореи на некоммунистических условиях. Стремление к воссоединению отражается на взаимоотношениях между Северной Кореей и Советским Союзом и подстегивает интерес последнего к решению корейского вопроса на выгодных ему началах.

Другое ключевое государство на Дальнем Востоке — Филиппины — также имеет тесные связи с Соединенными Штатами, но их уязвимость проистекает из неопределенности внутривнутриполитического положения. На Филиппинах расположены две военно-морские и военно-воздушные базы США — в бухте Субик и Кларкфилде, на которых находится примерно 15 тыс. американских военнослужащих. Эти базы важны для защиты свободного прохода из Индийского в Тихий океан. С возникновением конкурирующего

советского военно-воздушного и военно-морского присутствия на бывших американских базах во Вьетнаме стратегическое значение военного присутствия США на Филиппинах возросло. Доступ Советского Союза к военно-морской базе в бухте Камрань позволяет его боевым кораблям проводить в море примерно на 75% больше времени, чем это было ранее, когда они базировались в отдаленном Владивостоке. Развертывание советских военно-воздушных сил в бухте Камрань и на военно-воздушной базе в Дананге создает значительное фланговое давление на расширившийся дальневосточный стратегический фронт.

Филиппинские острова с населением в 53 млн. человек представляют собой культурно-политическую аномалию на Дальнем Востоке. Будучи малайским по происхождению, филиппинский народ испытал на себе сильное испанское влияние в течение 380 лет колониального господства, а также приобрел некоторые американские черты за полувековое правление США. Филиппинцы ведут политическую и культурную жизнь, в некоторой степени схожую с той, какую мы наблюдаем в Центральной Америке. В ней заметно смешение испанской культуры и американского влияния. В отличие от любой другой страны Азии около 90% населения Филиппин составляют христиане, из которых 90% — католики. Отношения с Соединенными Штатами являются тесными и в то же время противоречивыми. Американское влияние сильно проявляется в сфере образования, в деловых кругах и среди военных. Однако оно вызывает и недовольство, так как еще не забыто, что США вначале подавляли стремление Филиппин к национальной независимости.

Приспособить для Филиппин внешние атрибуты американских демократических институтов оказалось делом нелегким главным образом из-за резкого несоответствия между социальным богатством и массовой бедностью. В результате этого после получения Филиппинами в 1945 г.

независимости в стране происходят постоянные волнения, а растущее социальное недовольство создает условия для революционного насилия. В последние годы наряду с крахом личной диктатуры президента Фердинанда Маркоса активизировалась возглавляемая коммунистами Новая народная армия (ННА), которая все более эффективно занимается революционными насильственными действиями. Советский Союз не остался равнодушен к этим событиям. Когда в 1975 г. Китай прекратил поддержку ННА, Москва предприняла шаги, чтобы заменить Пекин. Перешедшие на сторону Запада агенты КГБ сообщили, что СССР не только разрабатывает изменяющуюся стратегию ННА, но и начал поставлять ей денежные средства и, видимо, оружие. Одну партию оружия, следовавшую морским путем из Восточной Европы через Южный Йемен, сумели перехватить. Филиппины — страна географически раздробленная. Ее более 7 тыс. островов, протянувшихся вдоль архипелага длиной в 1100 миль, создают все возможности для образования независимых революционных баз, с помощью которых можно легко получать морские грузы из Вьетнама.

Таким образом, длительная нестабильность Филиппин в перспективе становится угрожающей. Более того, в подобной обстановке следует ожидать националистическо-радикальной реакции на прежнюю зависимость страны от США, которая может вылиться в попытки вынудить Соединенные Штаты уйти со своих военных баз на Филиппинах. Все это привело бы к крупным неудачам США — как политическим, так и военным. Филиппины являют собой эксперимент по трансплантации демократии, и его неудача плохо отразилась бы на авторитете демократической системы. Но еще более тяжелыми были бы стратегические последствия, особенно если бы вслед за этим поражением США Советский Союз распространил свое влияние от Вьетнама до Филиппинского архипелага. Юго-Восточная Азия превратилась бы в объект активной военной деятельности Со-

ветского Союза, и главные морские торговые пути Японии оказались бы в зоне его эффективного контроля.

В третью группу ключевых в геополитическом отношении государств входят либо Иран, либо Афганистан с Пакистаном. Эти страны переживают внутренние беспорядки или же подвержены им. Они даже менее защищены от советского проникновения и, следовательно, от инспирированных Москвой потрясений, так как граничат с Советским Союзом или оккупированной им территорией. Как уже отмечалось, советские замыслы в отношении Ирана являются откровенными и отличаются историческим постоянством. Уже в 1908 г. Москва по соглашению с Англией добилась включения половины Ирана в зону своего влияния, а в 1921 г. новый советский режим навязал Ирану договор, в соответствии с которым присвоил себе право вмешиваться в его дела. Из почти 40-миллионного населения Ирана около 1/3 не является персидским по происхождению, и Советы не раз пытались использовать недовольство курдов и азербайджанцев господством Тегерана. Москва вполне оправданно считала падение шахского режима в 1979 г. крупной стратегической неудачей Соединенных Штатов, дающей большие политические шансы Советскому Союзу.

Режим Хомейни разрушил эти надежды. Он вскоре начал изображать Советский Союз как сатану, не менее коварного, чем Соединенные Штаты. Таким образом, не оправдались расчеты Советского Союза, что падение шаха может привести к радикальному повороту влево, в результате чего к власти в итоге придет просоветская партия Туде (слабо завуалированное коммунистическое движение). Хомейни начал преследовать Туде еще более жестоко, чем это делал шах, и оказывать определенную помощь *борцам за веру* (шиитского направления) в Афганистане.

Итак, надежды Советского Союза, связанные с Ираном, не оправдались, и их пришлось отложить, видимо, до тех пор, пока иранская политическая жизнь после ухода со

сцены Хомейни не приведет к новой борьбе за власть. Тогда Советский Союз либо сможет воспользоваться недовольством меньшинств, чтобы расколоть Иран, либо будет организовывать и поддерживать захват власти в самом Тегеране. При этом даже не исключена возможность ввода в Иран советских вооруженных сил — высадки воздушного десанта в Тегеране и наступления сухопутных войск на севере страны. Соединенным Штатам пришлось бы тогда решать исключительно сложную задачу: отвечать ли на эти действия, и если отвечать, то как. На карту была бы поставлена богатая нефтью страна, контролирующая половину побережья Персидского залива и находящаяся по соседству с группой государств Персидского залива с неопределенным политическим положением и сравнительно слабым в военном отношении. С геополитической точки зрения в случае успеха удалось бы получить огромные преимущества.

Успех Советского Союза в Иране намного превзошел бы все, что ему удалось бы приобрести в Афганистане или даже Пакистане. Однако установление контроля над обоими этими государствами имело бы не менее тяжелые геополитические последствия. Советский Союз добился бы широкого доступа к Индийскому океану, но что еще важнее, он захватил бы исходный пункт для усиления своего политического влияния на побережье Аравийского моря и Индийского океана. Консолидация контроля над Афганистаном позволила бы Советскому Союзу оказывать давление на Иран и Пакистан по широкому фронту, а установление постоянного советского господства над Афганистаном вызвало бы огромную напряженность в самом Пакистане.

Эта страна, оказывающая вместе с Соединенными Штатами и Китаем поддержку афганскому сопротивлению советской оккупации, давно является объектом региональных амбиций Индии. Постоянное советское присутствие на северо-западных границах Пакистана в сочетании с не-

прекращающейся угрозой со стороны Индии на восточной границе страны взяло бы Пакистан и его 93-миллионное население в стратегические тиски. Это создало бы неразрешимые проблемы в обеспечении безопасности страны и, вероятно, обострило бы внутреннюю напряженность. В таких условиях вынужденное согласие Пакистана на преобладающую роль Москвы в данном регионе могло бы оказаться единственной возможностью избежать внутреннего раскола страны с помощью сил, подстрекаемых Советским Союзом, особенно из числа недовольных национальных меньшинств.

Коренная переориентация Ирана или Пакистана, которая может вовлечь одну или даже обе эти страны в орбиту стратегического господства Москвы, представляла бы собой не только региональный успех Советского Союза и прорыв на третьем главном стратегическом фронте. В итоге ее влияние, которое на первых порах ощущалось бы лишь косвенно, вышло бы за пределы Персидского залива. Оно затронуло бы и отношения Советского Союза с Западной Европой и Дальним Востоком ввиду той важной роли, которую играет район Персидского залива для экономической жизнеспособности этих высокоразвитых в промышленном отношении регионов. Следовательно, ключевые государства третьего главного стратегического фронта являются потенциальными катализаторами, действие которых может распространиться далеко за пределы их регионального геополитического радиуса.

Советская геостратегия

В самом широком смысле советская стратегия ставит во главу угла одновременно негативную и позитивную цели. Имея в виду оборону, она направлена на то, чтобы предотвратить политическое и военное окружение СССР Соединенными Штатами и их союзниками. Больше всего Москва боится объединенной Западной Европы, вновь об-

ретшей силу в военном и политическом отношениях, тесно связанной с Соединенными Штатами и оказывающей притягательное влияние на Восточную Европу. Равным образом Москва относится и к тесным американо-японо-китайским связям с учетом того, что Китай и Япония могут со временем начать называть сильное давление на сравнительно малонаселенные районы Советской Сибири. Однако, чтобы этого не произошло, одной оборонительной позиции недостаточно. Для предотвращения возможности такого окружения Советы должны разорвать связи стран, находящихся на обоих концах Евразийского континента, с Америкой. А это в свою очередь изменило бы мировое соотношение сил в пользу России.

Таким образом, оборонительные и наступательные элементы стратегии неразрывно связаны между собой. Поэтому не имеют смысла споры о том, заботится Советский Союз прежде всего о своей безопасности (оборонительная стратегия) или является агрессивной страной (наступательная стратегия). В советском геостратегическом контексте обе движущие силы однозначны. Кроме того, осуществляя эту стратегию, русские проявляют одновременно настойчивость и терпение. В поведении Москвы нет спешки. Она предпочитает продвигаться шаг за шагом, путем постепенной экспансии, понемногу истощая соперника, тщательно закрепляя за собой достигнутое и продолжая изыскивать новые возможности. Размеры и глубина территории придают России уверенность, которая отсутствует у других континентальных держав, например, у Германии.

К тому же, по мнению кремлевских руководителей, борьба за Евразию ведется в благоприятной для Советского Союза геополитической обстановке. По словам двух советских стратегов, которых цитирует Ричард Пайпс в своей книге «Выжить — недостаточно», «социалистический лагерь имеет преимущество перед империалистическим лагерем в отношении территории и населения. От западных

границ Германской Демократической Республики и Чехословакии и до Тихого океана он составляет единое целое. Напротив, страны империалистического блока образуют цепь государств, протянувшихся узкой прибрежной полосой вдоль Европы и Азии, а их главная экономическая опора — Соединенные Штаты — расположена за океаном. В результате этого коммуникационные линии, связывающие эти страны... чрезвычайно растянуты и уязвимы. Во время войны такие коммуникации можно легко нарушить ракетно-ядерным оружием».

Ссылка на ядерную войну не означает, тем не менее, что исход борьбы за Евразию будет решаться путем прямой применения силы. На самом деле военные средства рассматриваются советскими руководителями в основном в качестве дополнения к политическим действиям — если и не будет пока достигнута такая степень военного превосходства, при которой устрашение или непосредственное использование силы покажется эффективным и сравнительно безопасным.

Противопоставление оборонительной и наступательной стратегии не является единственным вводящим в заблуждение клише, широко используемым при обсуждении на Западе советской политики. К их числу относятся и частые спекулятивные суждения, касающиеся внутренних дебатов, которые, как полагают, ведутся в Москве между теми, кто выступает за широкое соглашение с Соединенными Штатами, — «стратегия кондоминиума», — и теми, кто стремится оторвать Западную Европу и Дальний Восток от Соединенных Штатов, — «стратегия разъединения». Фактически и то, и другое является не стратегией, а скорее тактическим выражением той же самой стратегической цели.

Стратегия кондоминиума не направлена на увековечение статус-кво в Евразии, хотя ее и можно так представить. Правильнее сказать, что она нацелена на достижение аме-

рикано-советской договоренности, позволяющей постепенно ослабить влияние США. Достижение такой договоренности отчасти ускоряется отрицательным отношением Западной Европы к соглашению сверхдержав, так как западноевропейские страны вправе считать, что оно заключено за их спиной и наносит им политический ущерб. Каждое периодически повторяющееся заигрывание Соединенных Штатов с Советским Союзом вызывало в Европе именно эти опасения, стимулируя тем самым не только недовольство европейских стран, но и нейтралистские тенденции.

Цель стратегии разъединения та же, что и стратегии кондоминиума. Ее единственная отличительная черта состоит в том, что она осуществляется более открыто. Следуя стратегии разъединения, Советы стремятся создать видимость того, что интересы Европы или Японии и США несовместимы и что связи с Соединенными Штатами угрожают безопасности этих стран. Москва часто прибегает к той или иной тактике, а временами — к обеим одновременно, так как их стратегические цели идентичны.

Преследуя свою стратегическую цель, состоящую в удалении Соединенных Штатов с окраин Евразийского континента, Советский Союз на каждом из фронтов сочетает дипломатию, военное давление, пропаганду и подрывную деятельность. Но для каждого фронта существует своя формула. На западном фронте в последние годы Советский Союз полагается главным образом на дипломатию и пропаганду, подкрепляемые постоянным наращиванием вооруженных сил Организации Варшавского пакта и выборочной подрывной деятельностью. Открытое военное давление было применено всего дважды: во время двух берлинских кризисов 1948 г. и 1959—1961 гг. В обоих случаях это делалось для того, чтобы продемонстрировать ненадежность связей Европы с Соединенными Штатами в вопросах обеспечения ее безопасности. Однако наибо-

лее часто Советский Союз прибегает к дипломатическим и пропагандистским кампаниям с целью акцентировать внимание на самостоятельных интересах европейских стран, особенно Германии, и воспрепятствовать тенденции к военно-политическому объединению Западной Европы.

В первые послевоенные годы советская дипломатия уделяла внимание Франции. При заигрывании с Францией, порожденном, возможно, надеждами на то, что ее сильная Коммунистическая партия может даже прийти к власти, Советский Союз использовал французский национализм, стремясь помешать объединению Европы и ограничить американское влияние. В последние годы Москва переключила основное внимание на Германию. Она начала поощрять немецкий национализм и нейтралистские тенденции. На данном этапе Москва не слишком надеется оторвать Германию от НАТО. Игра ведется вокруг желания Западной Германии вдохнуть жизнь в общегерманские связи и ее подсознательном стремлении возродить особые отношения с Россией, которые по традиции продолжают ее прельщать. Существует мнение, что все это можно использовать для превращения Западной Германии в нейтрального члена НАТО. Если подобная тактика увенчается успехом, Западная Германия по-прежнему официально останется членом союза, но в главных вопросах отношений между Востоком и Западом будет занимать практически нейтральную позицию.

Выборочная подрывная деятельность также используется на западном фронте, преимущественно на его южном фланге. Имеются данные о том, что Болгария и Чехословакия в 70-е гг. поддерживали терроризм с целью дестабилизировать положение в Турции и Италии. В Турции эта кампания достигла особенно огромных размеров. Различными террористическим группам на ее территории в основном через Болгарию было поставлено оружия на сумму более 2 млрд. долларов Крупной мишенью подрывной деятель-

ности стала и Италия. Например, нелегальная радиостанция, действующая из Праги, оказывала идейно-политическую поддержку марксистским террористам, пытавшимся дестабилизировать итальянскую демократию.

Вообще говоря, стратегию, осуществляемую в Европе, можно лучше всего назвать стратегией политического истощения. Ее цель — ослабить связи Западной Европы с Соединенными Штатами, не вызывая ни серьезного беспокойства Западной Европы, ни резкой американской реакции на постепенно возрастающую ее нейтрализацию. Важным средством политического устрашения является неуклонное и весьма существенное наращивание вооруженных сил Организации Варшавского пакта, направленное, несомненно, на создание потенциальной угрозы военного вторжения в Западную Европу на манер «блицкрига». Это создает атмосферу, в условиях которой европейские страны более склонны требовать от Соединенных Штатов уступок в отношениях между Востоком и Западом ради «ослабления напряженности», чем оказания Советскому Союзу сопротивления в наращивании им вооружений или в осуществлении региональной агрессии вне пределов Европы. К тому же наращивание Москвой вооружений вызвало ответные меры со стороны западноевропейских держав, что создает внутри них социальную напряженность, хотя их военные расходы остаются гораздо ниже американских. В свою очередь такие внутренние трения являются питательной средой для нейтралистских и даже антиамериканских настроений. Короче говоря, понимая, что Западная Европа продолжает страдать от исторического изнурения, Москва больше стремится привлечь западноевропейские страны на свою сторону, чем завоевать их.

На восточном фронте Советский Союз еще больше полагается на дипломатию и пропаганду и несколько меньше на военное давление или подрывную деятельность. В корейской войне Советский Союз не принимал прямого уча-

стия, и Москва по ее последствиям, вероятно, поняла, что она, по существу, привела к установлению более тесных и прочных связей между Соединенными Штатами и Японией. Аналогичным образом советское военное давление на Китай в конце 60-х гг. предопределило начало китайско-американского сближения, умело начатого в начале 70-х гг. президентом Ричардом Никсоном и смело завершено президентом Картером в 1978 г. В результате Советский Союз в последние годы делает больший акцент на расширении экономических связей с Японией и постепенной нормализации отношений с Китаем. Однако эти усилия затрудняются повторяющейся время от времени советской бестактностью и удивительной неспособностью Москвы успешно сотрудничать со своими восточными соседями, что является результатом культурной удаленности и геополитического страха.

В итоге советские позиции в Японии заметно пошатнулись в 70-е гг. Японцев возмущали неоднократные советские угрозы, и они не забыли, что Советы оккупируют японскую землю. Несколько островов к северу от Хоккайдо, захваченных Москвой в 1945 г., по-прежнему удерживаются ею, как и острова Курильской гряды, переданные Советскому Союзу в качестве вознаграждения за участие в войне на Тихом океане. Кроме того, наращивание советской военно-воздушной и военно-морской мощи как на базах Японского моря, так и во Вьетнаме убедило японскую общественность в необходимости более тесных американо-японских связей для укрепления безопасности страны.

Долгосрочные проблемы Советского Союза на Дальнем Востоке не ограничиваются лишь продолжающимися связями стран региона с Америкой. Советских стратегов неотступно преследует призрак быстро идущего по пути модернизации Китая, использующего в этих целях новейшую технологию США и Японии и промышленные связи с обеими странами. Возникает перспектива появления на

Евразийском континенте еще одного мощного центра, которой не существовало со времени окончания второй мировой войны. Кроме того, призрак Китая вместе с озабоченностью «желтой опасностью» давно и глубоко укоренились в сознании русского народа.

Небезынтересно, что этот страх можно было заметить еще на рубеже нашего столетия в опубликованной в 1902 г. и самой популярной в России «футурологической» книге русского историка и философа В. С. Соловьева, в которой размышлял о том, что произойдет к 2000 г. В данной книге, называющейся «Война и христианство: мнение русского. Три разговора»^[2], Соловьев предсказывал, что Япония ассимилирует западные ценности и технику и что она в конечном счете заключит союз с Китаем. Затем где-нибудь в конце XX века Китай и Япония, к тому времени высокоразвитые в промышленном отношении страны, совместно ринутся на запад через всю Россию.

Чтобы не допустить такого развития событий, советские руководители, вероятно, рассчитывают на внутренние потрясения в Китае. Дэн Сяопин форсирует движение по пути модернизации, которое ориентирует Китай на Соединенные Штаты и Японию, и твердо укрепляет независимость Китая от Советского Союза. Советские руководители надеются на то, что когда он уйдет со сцены, для них могут открыться новые возможности. Несомненно, продолжают существовать связи между Москвой и некоторыми обучавшимися в Советском Союзе китайскими руководителями, которым сейчас под шестьдесят и за шестьдесят лет. Если после Дэн Сяопина в Китае начнется политическое брожение, Советы вполне могут ожидать переориентации китайской политики, за которую выступают партийные бюрократы, опасющиеся политических последствий экономической децентрализации и акцента на частной инициативе. В самом деле, с точки зрения Советского Союза, было бы очень желательно пустить под откос амбициозную про-

грамму модернизации Китая. Это отодвинуло бы перспективу возникновения на его восточной границе мощного и современного государства.

Лучшим вариантом для России было бы существование дружественного, но сравнительно слабого Китая. Однако, чтобы заручиться дружбой даже слабого Китая, Москве пришлось бы пойти ему навстречу в вопросе о прекращении своего военного присутствия и политического господства в Монголии, бывшей на протяжении истории частью Китайской империи и являющейся с начала 20-х гг. русским сателлитом. Контроль над Монголией дает Советскому Союзу огромное стратегическое преимущество при любом столкновении с Китаем, подвергая непосредственной угрозе важные промышленные районы и столицу страны. Поэтому весьма маловероятно, чтобы Советы согласились удовлетворить китайские требования в этом вопросе, и проблема Монголии будет и далее символизировать собой все более глубокое в конечном итоге и полное недоверие между этими двумя крупными соседними, но тем не менее совершенно разными народами.

Япония является для Советского Союза еще одним предметом беспокойства. Москва, несомненно, надеется, что усиление экономических противоречий между США и Японией так или иначе отразится на их политических отношениях и вызовет ослабление американо-японских связей. Советы, разумеется, знают о росте антияпонских настроений в Америке. Они будут обязательно стремиться использовать малейшую уязвимость в ныне прочной американо-японской связующей оси. Москва, возможно, даже рассчитывает на то, что в отдаленной перспективе экономические противоречия могут вылиться в резкое отчуждение между Вашингтоном и Токио. При таком развитии событий не исключено, что Кремль предложил бы возвратить спорные северные прибрежные острова, чтобы побудить Японию к нейтралитету, обеспечив со своей стороны значительное

расширение советско-японского экономического сотрудничества.

Если постепенное улучшение советско-японских и китайско-советских отношений будет сопровождаться новыми крупными потрясениями на Филиппинах или даже в Южной Корее, то общая геополитическая обстановка на Дальнем Востоке в значительной мере изменилась бы в пользу Советского Союза. Однако маловероятно, чтобы в каком-либо случае Москва пошла на прямое применение военной силы или активно вмешалась бы в возникший вооруженный конфликт. Новое вооруженное столкновение на Корейском полуострове было бы непредсказуемо по своим последствиям и для китайско-советских, и для японо-советских отношений, не говоря уже об американском военном вмешательстве. Вмешательство Советского Союза в повстанческое движение на Филиппинах, вероятно, также вызвало бы сильное американское противодействие. Поэтому достижение Советским Союзом оптимальных целей на восточном фронте остается делом отдаленного будущего. Советские дипломатические и пропагандистские усилия в этом регионе, скорее всего, дадут лишь ограниченные и незначительные результаты. Они будут по-прежнему сосредоточены на достижении основной стратегической цели — предотвращении японо-китайской коалиции, тесно связанной с Соединенными Штатами.

С точки зрения Советского Союза, перспективы к югу от страны намного лучше. Здесь существует совершенно иной политический спектр. Военное давление, подрывная деятельность, дипломатия и пропаганда — в такой последовательности — являются орудием советской политики. Военное давление применяется прямо (оккупация Афганистана) и косвенно (угрозы в адрес Пакистана). Советы, видимо, считают, что в конце концов такое военное давление на Пакистан может ослабить волю его народа и породить внутренние политические требования переориента-

ции политики страны. В свою очередь это уменьшит желание США как оказывать огромную помощь Исламабаду, так и выполнять недвусмысленно обещанные ему гарантии по обеспечению безопасности. Как я уже отмечал, нельзя исключать на одном из этапов советского военного вмешательства во внутренние дела Ирана, хотя, скорее всего, оно не примет такой грубой формы, как вторжение в Афганистан. Более вероятно, что оно выразится в военной поддержке сепаратистской деятельности или внутреннего переворота в Тегеране, совершенного просоветскими элементами и являющегося реакцией на неудачи фундаменталистского режима Хомейни.

В любом случае военному давлению будут, по-видимому, в значительной мере способствовать длительные попытки подрвать внутреннюю стабильность и Пакистана, и Ирана. Национальные конфликты, социальная напряженность и политическая неопределенность создают благоприятные условия для политики, направленной на подрыв внутренней стабильности этих двух стран, которые играют важнейшую геополитическую роль. 63% населения Ирана составляют персы, 19 — турки или белуджи, 4 — арабы и 3% — курды. После падения шаха некоторые меньшинства пытаются воспользоваться хаосом, чтобы ослабить контроль Тегерана над районами, где они проживают. Экономический застой, наступивший после свержения шаха, и непрекращающаяся война с Ираком, поддержку которой Тегеран все больше стремится найти, взывая к *персидскому* национализму, будут лишь подогревать сепаратизм и ослаблять возможности центрального правительства бороться с ним.

Аналогичные проблемы существуют и в Пакистане, 66% населения которого составляют пенджабцы, 13 — синдхи, 8 — пуштуны, 7 — народности, говорящие на языке урду, и 3% — белуджи. В отличие от Ирана Пакистан является молодым государством, основанным лишь в 1947 г.,

и у его различных этнических групп еще не развито национальное политическое самосознание. Их объединяет только религия. Все национальные меньшинства выражают недовольство центральным правительством, особенно когда у власти стоят военные, так как и в том и другом случае в нем доминируют пенджабцы. Существует мнение, что правительство проводит политику в их интересах. В 1971 г. такая напряженность привела к отделению Восточного Пакистана и образованию государства Бангладеш.

Можно ожидать, что советские руководители попытаются, если это будет им выгодно, использовать сепаратизм. Подобная политика позволяет, не подвергаясь особому риску, пожинать богатые плоды, почти не давая Соединенным Штатам возможности для принятия эффективных контрмер. Все эти попытки оторвать Западную Европу и Японию от Соединенных Штатов и расширить советское влияние на юге Азии направлены на достижение самой главной цели Советского Союза — обеспечения господства над крупнейшим в мире континентом путем устранения влияния своего соперника из западных, восточных и южных периферийных регионов. В последние годы действия Советского Союза стали более откровенными. Только в 70-е гг. у Советского Союза появились достаточные основания для уверенности в том, что он достиг по крайней мере стратегического паритета с Соединенными Штатами и что этот паритет в свою очередь может теперь ограничивать американскую свободу действий в региональных конфликтах.

Широкая программа развертывания в поистине массовом количестве ракет «СС-20» является не чем иным, как попыткой создать положение военной уязвимости всего Евразийского континента. Весь континент оказывается в пределах стратегической досягаемости Москвы. Поскольку радиус этого действительно нацеленного на Евразийский материк оружия массового уничтожения распростра-

няется на всю Западную Европу, Ближний Восток, Южную Азию и наибольшую часть Дальнего Востока, размах советской стратегической мощи выходит за рамки нынешних границ советского политического контроля. Однако советские руководители могут вполне рассчитывать на то, что существующие границы будут изменяться по мере постепенного проявления политических последствий новой военной обстановки.

ГЛАВА III. ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЗОНЫ УЯЗВИМОСТИ

Каждый из обоих действующих в глобальном масштабе соперников господствует над соседними регионами, подобными геополитическим бомбам замедленного действия. Революционная деятельность в одном случае и политическое сопротивление в другом бросают вызов обеим доминирующим державам. Но поскольку такие региональные беспорядки происходят в столь прямой близости от самих имперских центров, главные противники тщательно избегают слишком вызывающих, провокационных действий друг против друга. Этими двумя подчиненными, но уязвимыми регионами являются Центральная Америка и Восточная Европа.

Осторожность и тысячи миль океана вынуждают Кремль рассматривать центральноамериканский конфликт как периферийный и отвлекающий. По геополитическим понятиям ставки в нем выглядят незначительными по сравнению с любым из трех главных стратегических фронтов Евразии, и всякое прямое столкновение в Центральной Америке поставило бы Советский Союз в исключительно невыгодное положение. Для Вашингтона Восточная Европа считается периферийной вследствие проявляемой им осторожности, а также потому, что американская политика в Европе носит в значительной степени оборонительный характер. Тем не менее, советская региональная уязвимость велика, и существует тесная связь между будущим Восточной Европы и исходом борьбы за Европу в целом. Осознание американцами уязвимости Советского Союза лишь усилило сдержанность Вашингтона: какая-нибудь региональная искра не должна вызвать более широкий европейский взрыв.

Шаткие имперские владения

Между главенством США в Центральной Америке и советским господством над Восточной Европой существует разительное сходство. Больше столетия Соединенные Штаты оказывали прямое и косвенное влияние на регион вплоть до его южных границ. В разное время имели место политический контроль, территориальная экспансия, экономическая эксплуатация и военная оккупация. Однако существуют и значительные различия. Соединенные Штаты после определенного периода конфликта с Мексикой и вмешательства в мексиканские дела постепенно приспособились к этой стране, независимой во внутренних делах и осторожно критикующей Соединенные Штаты — во внешних. Они начали также упразднять наиболее очевидные формы своего господства над Центральной Америкой. Договоры 1978 г. о Панамском канале стали недвусмысленным подтверждением широко известного желания США покончить с самыми отвратительными проявлениями своего главенства в регионе.

Советское господство над Восточной Европой гораздо откровеннее, упорнее и даже ожесточеннее. Советский Союз не терпит в Восточной Европе режимов, слишком отклоняющихся от господствующего и навязанного извне идеологического образца марксистско-ленинского государства. Москва требует также тесной экономической и военной интеграции региона с СССР. В последние годы она стремится укрепить узы, привязывающие Восточную Европу к Советскому Союзу. Несмотря на разный характер американского и советского главенства, взаимоотношения в каждом регионе остаются по своей сути имперскими.

После второй мировой войны, по мнению Соединенных Штатов, интересы их национальной и региональной безопасности оправдывали вмешательство во внутренние дела Гватемалы (1954), Кубы (1961), Доминиканской Рес-

публики (1965), Гренады (1983). Этим же оправдывается и нынешнее вмешательство в дела Никарагуа. Столь активные действия имеют прецеденты, восходящие еще к прошлому столетию. Так, в 1856 г. американец Уильям Уокер с помощью маленькой армии таких же, как он, «солдат удачи» провозгласил себя президентом Никарагуа. В нынешнем веке имели место многочисленные военные экспедиции в Мексику, на Гаити и в Центральную Америку. Эти интервенции отражали тот взгляд, что данный регион и связанный с ним Карибский бассейн являются наиболее важными для безопасности юго-восточного побережья Соединенных Штатов. К тому же Панамский канал увеличил возможности США для установления морского господства на Тихом и Атлантическом океанах.

«Доктрина Монро», провозглашенная еще в 1823 г., выразила, таким образом, настроение, находившее мощный политический отклик в Соединенных Штатах. В ее первоначальном варианте просто говорилось, что Соединенные Штаты не позволят внешней державе навязывать свою форму правления какому-либо из американских государств, получивших независимость. Однако то, что можно назвать «духом „доктрины Монро“», впоследствии стало означать региональную гегемонию. Как испано-американская война 1898 г., так и едва не случившееся столкновение с английским флотом из-за Венесуэлы в 1895 г. отразили исключительно большое значение, придававшееся Вашингтоном военной монополии в регионе, причем он требовал этой монополии совершенно открыто. Государственный секретарь США Ричард Олни оправдывал американские военно-морские угрозы Великобритании во время кризиса 1895 г. ссылаясь на «доктрину Монро», добавив с поразительной откровенностью, что «США фактически являются полновластным хозяином на этом континенте и их воля является законом...»

Тем не менее, за последние 50 лет политическое содержание такого притязания постепенно изменилось. Американская общественность и правительство все чаще приходят к мнению, что ради региональной стабильности Соединенные Штаты должны внимательнее учитывать интересы отдельных стран и проявлять больше уважения к действительно равноправным отношениям. Пагубное пренебрежение ими постепенно уступило место доброжелательству. К несчастью для Соединенных Штатов, этот постепенный сдвиг совпал с угрожающим развитием событий двоякого рода: внутренним кризисом устаревших социальных и политических структур региона, в ходе которого обнажились скрытые антиамериканские настроения, и проникновением в регион чуждого идеологического влияния.

Решающую роль в данном случае сыграло возникновение коммунистической Кубы, когда Америка не смогла ни прийти с ней к соглашению, ни подавить ее. Кульминация событий пришлась на 1961 г. Новый президент Джон Ф. Кеннеди санкционировал поддерживаемое ЦРУ вторжение вооруженных кубинских эмигрантов на Кубу с Флориды. Последовавшее фиаско в районе бухты Кочинос наглядно показало, что Соединенные Штаты уже не обладают монопольной властью в сопредельном с ними регионе. Этот провал продемонстрировал также необычайную степень малодушия и стратегической близорукости творцов американской политики.

На произвол судьбы было брошено несколько тысяч кубинцев, веривших, что они выполняют миссию по освобождению своей страны от коммунизма при активной поддержке Соединенных Штатов, и это крайне отрицательно отразилось на единстве стран Америки — особенно потому, что латиноамериканцы по традиции высоко ценят честь и благородство. Еще больший ущерб нанесло широко распространенное мнение, что кубинцев бросили, испытывая страх перед Советским Союзом, хотя Соединен-

ные Штаты продолжали сохранять в то время значительное преимущество в ядерных вооружениях. Во всяком случае, «доктрина Монро» получила пробоину.

С тех пор Центральная Америка перестала быть недоступным заповедником, принадлежащим США. Хотя первые попытки Кубы экспортировать революцию потерпели крупный провал (особенно в Боливии и Венесуэле), возможность таких попыток стала теперь фактом. Кроме того, политическое и военное сотрудничество Кубы и Советского Союза постепенно принимало все более вызывающий и открытый характер. В 60-е гг. Москва использовала Кубу в качестве плацдарма для обучения революционеров, обосновалась в кубинских портах, позволявших расширить радиус действия советского флота, а в конце 70-х — развернула марионеточные войска в Африке.

С падением в 1979 г. режима Сомосы в Никарагуа, на смену которому пришло радикальное сандинистское революционное правительство, произошло дальнейшее ухудшение позиций Америки в регионе. Никарагуа возникла как первый континентальный аванпост советского влияния в Западном полушарии, хотя Москва была по-прежнему осторожна, осуществляя свои цели главным образом с помощью Кубы или восточноевропейских сателлитов. К 1981 г. расширение советского влияния в Никарагуа перестало быть для Соединенных Штатов главным вопросом. Перед Вашингтоном встала проблема, как сдержать его распространение на Сальвадор, а затем, возможно, на Панаму и на всю Центральную Америку.

Проблема, вставшая перед Соединенными Штатами, усложнялась стечением четырех важных тенденций и обстоятельств: 1) американского намерения перестроить свои отношения со странами региона на более справедливой основе; 2) политического пробуждения населения Центральной Америки, в том числе усиления национального самосознания и социального радикализма; 3) демо-

графического взрыва, обострившего нищету и неравенство внутри стран; 4) возникновения непокорной Кубы, получающей действенную поддержку Советского Союза и жаждущей воспользоваться неблагоприятным для Соединенных Штатов развитием событий в регионе.

Сочетание этих факторов в свою очередь заставило США, по крайней мере частично, отказаться от невмешательства в дела региона. Их стремление помочь Сальвадору покончить с внутренним революционным насилием повлекло за собой рост военной помощи, а также размещение американских вооруженных сил в соседних центральноамериканских государствах — отчасти для возможных действий против Никарагуа, а отчасти как источник давления и на Никарагуа, и на Кубу. Далее, после всестороннего изучения проблем региона специальная президентская комиссия, возглавляемая Генри Киссинджером, пришла к выводу, что социальная стабильность будет достигнута только в том случае, если наряду с политическим умиротворением Соединенные Штаты смогут взять на себя крупную программу экономической помощи, требующую выделения не менее 9 млрд. долларов. Таким образом, более справедливых отношений со странами региона нельзя было достичь просто отходом США от его дел. Это диктовало возврат к значительному и многостороннему участию в делах региона.

Позиции Советского Союза в Восточной Европе стали, наоборот, гораздо прочнее. Сразу же после своего вступления в Восточную Европу в середине 40-х гг. Советский Союз организовал буквально физическую ликвидацию политической элиты этого региона. Несколько десятков тысяч поляков, чехов, венгров, румын и болгар были уничтожены за их несогласие — даже мирное — с навязыванием политической системы по образцу Советского Союза. Жестокость и кровопролитие сталинских чисток 1936—1938 гг. повторились в нескончаемых судебных процессах и в бес-

численных смертных казнях, о которых не сообщалось. Трижды возникали серьезные ситуации, когда Советский Союз прибегал к военной силе, чтобы поддержать пошатнувшийся авторитет восточноевропейских коммунистических режимов, — в Восточной Германии в 1953 г., Венгрии в 1956 г. и Чехословакии в 1968 г. Он угрожал также вмешательством в Польшу в 1980 и 1981 гг., когда движение «Солидарность», казалось, брало верх.

Советская решимость контролировать восточную часть Центральной Европы узаконена «доктриной Брежневая», в которой было открыто объявлено в связи с подавлением советскими вооруженными силами «пражской весны» в 1968 г. «Доктрина Брежневая» постулировала право Советского Союза вмешиваться в дела любой коммунистической страны с целью не допустить эволюции ее режима в более подходящую для народа форму правления. Эта доктрина отражала первостепенное значение советских интересов в восточной части Центральной Европы — регионе, который Москва рассматривает как естественную сферу своего господства и необходимый плацдарм для оказания военно-политического давления на Западную Европу.

Однако «доктрина Брежневая» содержала и важное историческое признание. Она отразила ту истину, что по сей день большинство восточноевропейских режимов носит искусственный характер. Феномен органического неприятия чуждой политической традиции проявился в разной степени по всему региону, но острее всего — в Польше. Советская система, отражающая давнишнее подчинение русского общества государству, попросту несовместима с более плюралистской политической культурой восточной части Центральной Европы. Любой опрос общественного мнения в Восточной Европе показал бы, что подавляющее большинство населения предпочитает нынешнему коммунистическому правлению социал-демократическое или христианско-демократическое правительство.

Неспособность коммунистической идеологии завладеть умами людей, несмотря на 40 лет интенсивной идеологической обработки, ярко, с оттенком комизма проявилась в серии интервью, которые Будапештское радио взяло у прохожих на площади Маркса в Будапеште по случаю празднования 1 Мая 1985 г. Каждый раз задавался вопрос, кто такой Карл Маркс. Ответы, передававшиеся Будапештским радио прямо в эфир, были следующие. Первый прохожий: «О, не спрашивайте меня об этом». Будапештское радио: «Даже не хотите сказать всего несколько слов?» Ответ: «Не хотелось бы». БР: «А почему?» Ответ: «По правде говоря, мне некогда заниматься такими вещами». БР: «Но вы наверняка слышали о нем в школе». Ответ: «Я пропускал много занятий». Второй прохожий: «Это — советский философ, его другом был Энгельс. Ну что же сказать? Он умер в преклонном возрасте». Третий прохожий, женщина: «Конечно, политик. И он был, знаете, ну как его... Ленина... Ленин... сочинения Ленина... он же переводил их на венгерский язык». Четвертый прохожий, тоже женщина: «Нас заставляли изучать его работы, чтобы знать о нем». БР: «Тогда нельзя ли поподробнее, всего несколько слов?» Ответ: «Подумайте сами, зачем экзаменовать меня по тому, что я проходила в восьмом классе. Тогда это надо было знать. Он был немцем. Политиком и... я думаю, его казнили».

Несмотря на 40 лет насильственной идеологической обработки, все коммунистические режимы в Восточной Европе удерживаются у власти, опираясь в первую очередь на жесткий внутренний полицейский контроль, подкрепляемый потенциальной угрозой советского вторжения и присутствием советских войск, размещенных на территории Польши, Восточной Германии, Чехословакии и Венгрии. Ясно, что единственной доктриной, определяющей политическую действительность в этих странах, является не марксистское учение, а «доктрина Брежнева».

Идеологические и политические трудности усугубляются постоянными экономическими провалами. Созданные в значительной мере по советскому образцу и строго централизованные экономические структуры попросту не срабатывали в Восточной Европе. Хотя самым наглядным примером этого является Польша, но и сравнительно успешно действующая восточногерманская экономика оказалась не в состоянии предотвратить серьезное общественное недовольство, если 3% населения ГДР официально желает эмигрировать и если в 1984 г. 30 тыс. человек получили разрешение на выезд из страны. Экономика всех восточноевропейских стран продолжает страдать от структурной закостенелости и неспособности удовлетворить спрос потребителей. Неудивительно, что эти страны жаждут расширения экономических связей с Западной Европой. Однако Советский Союз упорно настаивает на более тесной интеграции их с советской экономикой, что может привести лишь к ухудшению положения дел.

В то же время Москва решительно ограничивает степень независимости восточноевропейских стран во внешнеполитической сфере, если даже попытки расширить автономию предпринимаются весьма преданными коммунистическими странами, причем, по их утверждению, в интересах сотрудничества между Востоком и Западом. В 1983 и 1984 гг. Восточная Германия и Венгрия осторожно высказали мнение, что они могут помочь сближению между Востоком и Западом. Они получили резкий отпор. После прихода к власти Михаила Горбачева подобные точки зрения подверглись решительному осуждению. 21 июня 1985 г. «Правда» в большой статье задала вопрос: «Однако о каком посредничестве тех или иных социалистических стран в разрешении разногласий между СССР и США может идти речь, если по ключевым международным вопросам внешняя политика СССР и марксистско-ленинского ядра мирового социализма идентична?» На первом же

заседании Организации Варшавского пакта под председательством Горбачева был подтвержден принцип тесной координации внешней политики под руководством Кремля.

Все эти усилия отражают понимание Москвой того, что ее контроль над Восточной Европой по-прежнему встречает широкое и самопроизвольное сопротивление. Присущая восточноевропейским странам неустойчивость усиливается уникальным в истории имперских режимов обстоятельством — отсутствием общественной или культурной притягательности господствующей державы.

Все империи прошлого основывались в какой-то мере на очевидном культурном превосходстве господствующей нации, которое обычно находило выражение в многочисленных интеллектуальных достижениях, сочетавшихся с более высокой грамотностью, большим развитием философской или религиозной мысли при более высоком уровне жизни и технических возможностях. В разной степени Римская и ряд европейских империй обладали этими преимуществами. И действительно, подчас предел мечты подданного состоял в том, чтобы его считали настоящим римским гражданином или полностью ассимилировавшимся в культурном отношении французом. Аналогичным образом многих жителей Центральной Америки влечет американский образ жизни, не говоря уже об экономических стимулах для эмиграции в Соединенные Штаты, которые по уровню доходов на душу населения в 10 раз, а по валовому национальному продукту в 20 раз превосходят страны Центральной Америки.

В условиях советского господства над Восточной Европой ничего подобного нет. Восточноевропейцы, особенно поляки, венгры и чехи, считают русских (верно это или нет) стоящими ниже их в культурном отношении и полудикарями. Эти чувства были усилены отсутствием некоторых более объективных критериев культурного превосходства, таких, как высокий уровень жизни или естественная при-

влекательность эмиграции. В данном случае все обстоит иначе. Никто отнюдь не желает эмигрировать в Советский Союз. Восточноевропейский уровень жизни на душу населения примерно в полтора раза выше, чем в Советском Союзе. Что еще хуже для Москвы, Восточная Европа продолжает считать себя частью Европы и большинство восточноевропейских стран не воспринимают Россию как неотъемлемую часть европейской цивилизации. Это сильное культурно-политическое тяготение к Западу продолжает ослаблять советский контроль и тем самым делает регион не столь надежным имперским владением, как может показаться на первый взгляд.

Историческая вражда и геополитическая необходимость

Как у Вашингтона, так и у Москвы в пределах их шатких сопредельных владений существует беспокойный сосед. Этот сосед, приспосабливаясь к геополитической необходимости уважения интересов мощной близлежащей державы, остается тем не менее под влиянием острой исторической памяти, которая сохраняет чувства антагонизма и причиненной несправедливости, несмотря на видимость формально провозглашенной дружбы. В результате официальная действительность преобладающих взаимоотношений находится в противоречии с широко распространенными общественными настроениями и скрытыми политическими побуждениями. Это состояние в свою очередь создает заманчивые возможности каждому из главных соперников — и не столько для изменения основных геополитических реалий, сколько для того, чтобы довести до максимума политические трудности другого в сфере его преимущественного влияния.

Параллелей между американо-мексиканскими и российско-польскими отношениями можно провести много. В обоих случаях более слабый сегодня партнер был когда-

то весьма крупной державой, в чем-то даже превосходя своего нынешнего соседа-гиганта. И США, и Россия расширились, поглотив территории, которые были соответственно мексиканскими или польскими; они сделали это путем обмана и применения силы. В результате каждому мексиканскому или польскому школьнику история рассказывает о том, как его страна уменьшалась, а соседняя — росла. Разумеется, в наши дни представление о великой Мексике, включавшей почти всю Калифорнию и значительную часть юго-запада США, или огромной Речи Посполитой, которая простиралась от территорий, расположенных к востоку от Смоленска через Украину вплоть до Черного моря, выглядит игрой воображения. Однако это не связано с формированием национально-политических отношений. Патриотический романтизм и национальная обида подогревают чувство исторической вражды, которое остается скрытым в силу геополитической необходимости, но может вдруг стать взрывоопасным при возникновении благоприятных обстоятельств.

Сохраняющаяся память о допущенной несправедливости и национальном унижении усиливает такие чувства мексиканцев и поляков. Случаи вмешательства США в мексиканские дела не шли в сравнение с длительным господством России над Польшей во время трех ее разделов в XVII и XVIII веках. Не существует и американского эквивалента поистине жестоким попыткам России фактически русифицировать поляков в течение XIX века, когда дело доходило даже до запрета польского языка, или массовому уничтожению польской военной элиты в Катыни и других местах в 1940 г. Но американские интервенции в Мексике и грубое попрание чужих прав прочно остались в памяти, которую изгладили последующие усилия США поставить взаимоотношения с Мексикой на более справедливую основу. Мексиканцев по-прежнему сильно задевает всякий намек на вмешательство США в их дела. Сохранение опре-

деленной дистанции от Соединенных Штатов в вопросах внешней политики является одним из условий чувства национального достоинства.

Сегодня, когда Польша откровенно подчинена Москве, между двумя странами провозглашены отношения дружбы. Однако даже в условиях принуждения неприязнь заметна невооруженным глазом. Скажем, в начале бунта из-за нехватки продовольствия требуют хлеба, затем бунт перерастает в требования свободы, а вскоре вспоминают и Катынь. Польско-советская вражда проявляется не с одной стороны. Сильнее, чем в американо-мексиканских взаимоотношениях, этот подспудный антагонизм наталкивается на ответный антагонизм народа более сильной державы. Американцы в большинстве своем либо безразличны к мексиканцам, либо ничего не знают об их прошлых обидах. Что же касается антагонизма между поляками и русскими, то он является взаимным и признается обеими сторонами. Отношение русских к полякам обычно отражает отношение поляков к русским, но русских особенно возмущает тот факт, что поляки инстинктивно связывают себя с культурой Запада, а не со славянским братством во главе с Россией.

Это глубокое расхождение в культуре — существенная сторона трудностей, преследующих польско-русские отношения. В то время как национальное лицо Мексики определилось благодаря подлинной революции, нынешние институты Польши были созданы в результате навязанной извне, искусственной революции. Тем не менее польское национальное лицо определяет католическая церковь — как самим своим существованием, так и институтами, помогающими сопротивлению советской оккупации. Веками поляки даже чувствовали себя восточным бастионом христианства, подразумевая тем самым, что любая страна, расположенная дальше на восток, вроде России, не является истинно христианской и никоим образом не отно-

сится к числу европейских. Их враждебность к русским сочетается с большим культурным превосходством. Русские понимают это и, естественно, негодуют. Налицо глубокое психологическое и культурное расхождение между двумя народами, которое, несомненно, причиняет вред их взаимоотношениям и затрудняет придание им устойчивого и справедливого характера.

В какой-то мере расхождения в культуре разъединяют также Соединенные Штаты и Мексику. У мексиканцев, особенно принадлежащих к более образованным и состоятельным классам, существует какое-то двойственное отношение к американской культуре. Они считают ее преимущественно англосаксонской и протестантской, а ее ценности — коммерческими и прагматическими. Их восхищают умение и технические достижения американцев, но Америка представляется им одновременно вульгарной, слишком материалистичной и движимой интересами получения прибыли. Испанские и католические традиции, а также совершенно другой язык заставляют мексиканцев серьезно подходить к охране культуры своей страны от опасности американизации. Однако в отличие от Польши и России экономическая обстановка такова, что эмиграция в Соединенные Штаты является для многих мексиканцев из бедных слоев населения единственной возможностью достичь личного успеха и улучшить свое положение.

Как в Польше, так и в Мексике укоренились попытки возлагать вину за внутренние экономические трудности на своего могущественного соседа. «Эксплуатация» служит общепринятым объяснением тяжелых экономических проблем, с которыми каждая из этих стран столкнулась в последние годы, совершенно очевидная экономическая зависимость от соседней державы еще более усиливает национальную озлобленность.

При всем этом и мексиканский, и польский народы осознают, что геополитическая необходимость диктует

как компромисс. Поляки возмущены утратой своей независимости, но они также понимают, что русская мощь позволила Польше удерживать свои западные территории. Без советской помощи в 1945 г. Польша не получила бы экономически богатый район непосредственно к востоку от границы по Одеру—Нейсе в качестве компенсации за присоединение к Советскому Союзу восточных областей Польши. Вначале ни Соединенные Штаты, ни Великобритания не были намерены поддерживать такое перемещение Польши к западу, хотя обе страны не возражали против экспансии Советского Союза в западном направлении за счет Польши. Таким образом, сохранение связей между Польшей и Россией ради обеспечения безопасности остается для Польши обязательным условием ее территориальной неприкосновенности.

Мексика также приспособилась к своему положению. Американо-мексиканские отношения в последние годы были действительно прочными, и в целом им был присущ дух сотрудничества. Соединенные Штаты проявили необходимое внимание к экономическим проблемам Мексики и не выказали чрезмерной реакции на те внешнеполитические вопросы, в которых мексиканцы сознательно отделились от них. Даже сравнительно дружественные отношения Мексики с Кубой не нарушили согласованности, характеризующей американо-мексиканские отношения в последние годы.

Тем не менее, долговременный прогноз в обоих случаях — продолжение, а может быть, и нарастание трудностей. Для Советского Союза проблема заключается в том, признать ли, в конце концов, такую Польшу, которая больше похожа на Финляндию, или же настаивать на ее дальнейшем политико-идеологическом подчинении. До сих пор Москва предпочитала последнее. Однако это положение усиливает недовольство поляков и тем самым делает Польшу более восприимчивой к привлекательным чертам

Запада, особенно Соединенных Штатов. Длительное влияние феномена «Солидарности» в конце 70-х и начале 80-х гг. наглядно показало полнейший провал попыток идеологической обработки, предпринимавшихся в течение 40 предыдущих лет, а также вновь подхлестнуло польский национализм.

Следовательно, Польша представляет для Советского Союза исключительно сложную проблему. Коммунистический режим формально продолжает сохранять монопольную власть, но существует и полунезависимое общество с собственными ценностями и собственной деятельностью, особенно в области политического образования и истории. Самая широкая сеть подпольной печати выпускает сотни запрещенных книг, газет и журналов, повсюду распространяемых и читаемых. Все это подкрепляется передачами радиостанции «Свободная Европа», и в результате коммунистическая монополия на средства информации оказалась нарушенной. В национальном диалоге по ключевым внутренним и международным вопросам преобладает инакомыслие. К тому же этот неуправляемый диалог имеет крайне важную поддержку католической церкви — института, пользующегося приверженностью огромного большинства поляков, подавляющую часть которых составляют католики.

Здравый смысл, возможно, подсказывает, что для Советского Союза было бы правильно приспособиться к этой реальности. Он мог бы воспользоваться признанием поляками геополитических интересов, допустив одновременно постепенное возникновение более плюралистской политической системы, ограниченной одним лишь согласием с главенствующим положением Москвы. Изменение в таком направлении наверняка помогло бы создать устойчивое положение в Польше и уменьшить притягательность Запада. Но такая политика потребовала бы огромных изменений в идеологическо-историческом отношении России к

Польше. Кроме того, она потребовала бы согласия на реформу, пример которой мог бы оказаться заразительным для всех имперских владений Москвы в Восточной Европе. В сущности, кремлевские правители не могут поставить польско-русские взаимоотношения на более здоровую основу, не проведя глубокой переоценки общего характера советской региональной гегемонии. Поэтому в перспективе следует ожидать сохранения напряженности в области контроля Советского Союза над своим самым беспокойным соседом, но без каких-либо существенных перемен в характере этого контроля.

Для Соединенных Штатов угроза заключается в том, что внутренние экономические и политические неудачи мексиканского режима могут разбудить дремлющие антиамериканские чувства и сделать их частью более широкого кризиса в Центральной Америке. Население Мексики, составляющее сегодня почти 80 млн. человек, превысит к концу нынешнего столетия 120 млн. человек. Только население мексиканской столицы возрастет приблизительно до 31 млн. человек, причем две трети ее жителей окажутся в условиях безработицы. Уровень их гигиены и питания будет ниже даже минимально допустимого. Возможно совпадение общественно-экономического кризиса страны с дроблением ее однопартийной, в некоторой степени авторитарной политической системы — системы, которая, несмотря на ее радикальную и националистическую риторику, до сих пор удачно вписывалась в отношения с Соединенными Штатами. По мере того как существующая политическая система будет утрачивать способность справляться с внутренними проблемами, радикальные элементы могут демагогически воспользоваться давними обидами на могущественного северного соседа. Не исключено и обострение этой проблемы вследствие настойчивого стремления миллионов безработных мексиканцев попасть на американский рынок труда.

Потенциально взрывоопасные отношения между Соединенными Штатами и Мексикой осложняются также стремительным ростом числа мексиканцев, поселившихся в последние годы по ту сторону американо-мексиканской границы. Приблизительно 12 млн. жителей США — выходцы из Мексики, и их число продолжает расти с притоком новых иммигрантов. По существующей оценке, к концу столетия в Соединенных Штатах будут жить 25 млн. американцев мексиканского происхождения. В результате проводимой в Соединенных Штатах неразумной политики в области образования, допускающей обучение представителей испанской группы населения как на английском, так и на их родном языке и с учетом близкого местонахождения страны, из которой они выехали, ассимиляция и интеграция этой группы в американском обществе могут протекать медленнее по сравнению с другими иммигрантскими группами. Обострение политических и социальных конфликтов в самой Мексике, особенно если они вызывают напряженность в американо-мексиканских отношениях, в состоянии превратить это большое сообщество в объект националистических противоречий. Двухтысячелетняя, во многом искусственная и ныне без труда преодолеваемая южная граница США может даже оказаться в центре крупных насильственных столкновений.

Если учитывать долгосрочные последствия политически волнений в Польше и социально-экономические напряженности в Мексике, то маловероятно, чтобы эта длительная историческая вражда в скором времени угасла. Для обеих господствующих держав проблема останется постоянной. Развитие американо-польских связей и советское заигрывание с Мексикой создадут благоприятные условия для подрывных действий тактического характера, а также для достижений еще более значительных стратегических преимуществ.

Ставки и политика

Обе сверхдержавы с осторожностью подходят к использованию региональных трудностей друг друга. Это вытекает из взаимного понимания того, что у каждого на карту поставлен жизненно важный интерес в сопредельном регионе. Для Вашингтона или Москвы цена какой-либо неудачи в регионе вследствие вмешательства соперничающей державы была бы чрезвычайно высока. В результате этого каждый из соперников считает правомерным идти на крайние меры ради защиты своего главенства. Одновременно каждый полагает, что он может позволить себе настойчиво прощупывать владения другого.

Для Соединенных Штатов крупное политическое поражение в Центральной Америке имело бы прямые стратегические последствия, тогда как для Советского Союза какая-то потеря в Центральной Америке представляла бы лишь тактическую неудачу. В Восточной Европе ситуация обратная: крупная советская неудача повлекла бы за собой стратегические последствия, тогда как неудачная американская попытка проникнуть в Восточную Европу представляла бы лишь тактическую неприятность.

Поэтому американская политика в отношении Восточной Европы является крайне сдержанной как по своему существу, так и по характеру официальных заявлений. За исключением небольшого периода в начале 50-х гг., когда «вытеснение» советского влияния и «освобождение» этой зоны провозглашались целью американской политики, Соединенные Штаты утверждали, что они выступают за постепенное придание политическим системам региона более плюралистских форм и за расширение свободы восточноевропейских стран во внешних делах. Эти цели, подчеркивали официальные представители США, не означают стремления повернуть регион против Советского Союза. Несколько сменивших друг друга администраций

США были последовательны в данном отношении независимо от того, как они формулировали свою цель: «мирное участие» в будущем Восточной Европы, стремление «навести мосты» в Восточную Европу, проведение «дифференцированной политики» или прекращение «искусственного раскола Европы».

Соединенные Штаты избегали борьбы с Советским Союзом даже тогда, когда Москва оказывалась перед лицом надвигающегося крушения той или иной из ее восточноевропейских коммунистических систем. Когда в 1953 г. были предприняты попытки свергнуть восточногерманский режим, та же самая американская администрация, которая ранее провозгласила политику «освобождения» Восточной Европы, не сделала ничего, чтобы сдержать Советский Союз военным путем. Она не вмешалась и тогда, когда венгры в 1956 г. действительно свергли поставленных Советами правителей и провозгласили свою страну нейтральной. 12 лет спустя Соединенные Штаты остались столь же безучастными, когда они заранее получили информацию о том, что Чехословакии грозит советское военное вторжение. Лишь в конце 1980 г., когда казалось, что Советский Союз намерен вторгнуться в Польшу, Соединенные Штаты приняли предупредительные меры. В отличие от позиции, занятой в 1968 г., администрация Картера преднамеренно заявила во всеуслышание о приготовлениях Москвы к интервенции; организовала согласованное международное давление на Кремль, чтобы заставить его отказаться от этого (со стороны союзников США и даже друзей Москвы вроде премьер-министра Индии Индиры Ганди); заблаговременно известила руководителей «Солидарности» о необходимости принять меры предосторожности; рассматривала даже возможность продажи оружия Китаю, а затем спокойно предупредила Москву о «роковых» последствиях подобной акции. Уверенность в правильности таких шагов, вероятно, окрепла в результате

энергичной американской реакции на советское вторжение в Афганистан год назад.

Соединенные Штаты сосредоточили усилия в Восточной Европе на стратегии косвенного вмешательства с долгосрочной целью ослабить эффективность советского контроля. Первым и главным орудием этих усилий является созданная в США радиостанция «Свободная Европа». За три с половиной десятилетия она нарушила советскую монополию на информацию, предназначенную для восточноевропейского населения. Хотя невозможно точно измерить воздействие передач радиостанции «Свободная Европа», в ряде случаев, особенно если взять Польшу, Венгрию и Чехословакию, разоблачение жестокости организованной по сталинскому образцу тайной полиции прямо способствовало политическим потрясениям в правящих кругах, а также постоянному и неофициальному давлению внутри стран, направленному на реформу системы. Если бы не было передач радиостанции «Свободная Европа» и ряда сопутствующих информационных и обменных программ, жители восточноевропейских стран наверняка стала бы податливее в политическом отношении.

Соединенные Штаты проводили также политику дифференцированного подхода к восточноевропейским странам. Тем восточноевропейским режимам, которые придерживались более умеренной внутренней политики или проявляли больше независимости от Москвы во внешней политике, они предоставляли некоторые экономические привилегии, а также расширяли с ними обмены и политические контакты. Польша (до объявления военного положения) и Венгрия извлекала выгоду из дифференцированной политики вследствие внутренних реформ, а Румыния и подлинно независимая Югославия — вследствие их внешней политики. Все они стали объектами особого политического поощрения со стороны США и более привилегированных экономических отношений с ними.

Тем не менее общий подход США состоял в том, чтобы не выступать открыто против советского главенства в регионе и даже не вызывать растущего беспокойства Советского Союза. По крайней мере для части политических деятелей США регион представлял второстепенный и преимущественно утилитарный интерес. Кое-кто предпочитал не слишком раздражать Советский Союз и придавал гораздо большее значение возможному американо-советскому примирению. Другие, подчеркивая первостепенное значение Германии, пошли ради нее еще дальше, даже допуская действия, которые подтолкнули бы Восточную Европу в советские объятия. Свое крайнее проявление эта точка зрения нашла в начале 50-х гг. в посвященном перспективным проблемам секретном американском меморандуме. В нем говорилось об урегулировании отношений после третьей мировой войны. В меморандуме, допускавшем возникновение непредвиденных обстоятельств, возрожденной, воссоединенной и перевооруженной Германии придавалось первостепенное значение с точки зрения интересов США.

Если бы это соображение стало тогда известно, оно в значительной мере облегчило бы советское господство над Польшей и Чехословакией. Но в большинстве случаев американские руководители рассматривали Восточную Европу как регион периферийного геополитического интереса, имеющий значение лишь в связи с основной (причем оборонительной) борьбой против советского господства над Западной Европой.

В противоположность этому советская политика в Центральной Америке и Карибском бассейне была тактически более смелой, хотя в широком плане она оставалась также стратегически осторожной. Советский Союз не создавал коммунистического режима на Кубе, но, как только он возник, Москва не колеблясь поддержала его. События в бухте Кочинос стали водоразделом. Столь большая ро-

бость, характеризовавшая действия американского президента и его советников в районе непосредственной близости от континентальной части Соединенных Штатов, могла вызвать единственную, но крайне важную в стратегическом отношении мысль: если не провоцировать Соединенные Штаты на поспешное и чрезмерно активное противодействие, то Москва может с малым для себя риском постепенно расширять связи со все более коммунистической Кубой. Пределы этих расширявшихся связей обозначились гораздо яснее спустя полтора года — во время кубинского ракетного кризиса 1962 г. На сей раз отступить пришлось Москве, что воспринималось как триумф США. Однако ценной ему была гарантия того, что просоветский режим на Кубе не будет свергнут. Таким образом, Соединенные Штаты дали молчаливое согласие на существование советского опорного пункта в Западном полушарии при условии, что Москва не будет искать ему большого военного применения.

Поэтому в конечном итоге долговременным результатом кубинского ракетного кризиса явились тактическая победа Соединенных Штатов и стратегический успех Советского Союза. С Кубы убрали советские ракеты, но просоветский режим сохранился. Менее чем за десять лет советские МБР по своему военному значению более чем компенсировали ракеты средней дальности, которые Москва попыталась тайком ввезти на Кубу, в то время как Куба стала приобретением Советского Союза как регионального, так и международного значения. Кубинские вооруженные силы действовали в качестве советских марионеток в Африке, позднее Куба способствовала возникновению революционных беспорядков в Центральной Америке. Постепенно росла советская уверенность в том, что Куба надежно защищена от американской интервенции, и Москва начала все более открыто расширять свое военное присутствие на острове, одновременно определяя Кубу как «со-

ставную часть мировой системы социализма», если воспользоваться высказыванием Брежнева, сделанным в июне 1972 г. И все же Кремль продолжает воздерживаться от максимальных обязательств в деле обеспечения безопасности Кубы. Хотя Восточная Германия и Вьетнам, действуя, вероятно, с благословения и от имени Москвы, заключили в начале 80-х гг. военно-политические договоры с Кубой, никакого официального договора по вопросам безопасности между Москвой и Гаваной подписано не было.

Кремлевские руководители, по-видимому, будут и впредь осмотрительны в Центральной Америке, особенно в свете итогов американских президентских выборов 1984 г. В начале 1985 г. советские опасения, что Вашингтон усилит давление на Никарагуа, были очевидными. Во время первой администрации Рейгана военное вторжение США на Гренаду в 1983 г. наглядно продемонстрировало возродившееся стремление США применять силу в регионе. За это время Советский Союз расширил связи с Никарагуа: поставки военного снаряжения восточным блоком возросли (по стоимости) с 6 до 112 млн. долларов в год, а число кубинских военных советников достигло 3 тыс. Однако после выборов в 1984 г. Москва умышленно понизила идеологический статус никарагуанского режима, характеризуя его лишь как «прогрессивное» государство, а не государство «социалистической ориентации».

В более общем плане Советский Союз начал пропагандистскую кампанию с целью предотвратить американские военные действия против Никарагуа, умерив в то же время революционную риторику о развитии революции в Центральной Америке. Из позиции, занятой Москвой, стало очевидно, что американское вторжение в Никарагуа вызовет яростную советскую пропагандистскую кампанию, но не более того. Советские руководители, должно быть, поняли, что материально-технические и географические факторы предопределяют успех любой решитель-

ной военной акции Соединенных Штатов и что из-за Никарагуа пока не следует идти на прямое американо-советское столкновение.

Москва и Гавана явно разошлись во мнениях о подходе к этой проблеме, что явилось выражением противоречия между акцентированным идеологическим подходом Кубы к стимулированию марксистской революции в Латинской Америке и перспективными геостратегическими планами Советского Союза. Куба не только была инициатором консолидации и радикализации нового никарагуанского режима, но и всячески стремилась к полному отождествлению Манагуа с просоветским лагерем. Больше того, кубинские заявления в отличие от заявлений Советского Союза были проникнуты исключительно высоким революционным оптимизмом. Гавана выступала за активизацию революционной деятельности и, естественно, отводила большую роль Западному полушарию. Москва подчеркивала важность закрепления революционных завоеваний в Никарагуа, как она делала это ранее в отношении Кубы, и доказывала, что в лобовом столкновении с Соединенными Штатами революционные завоевания могут быть утрачены.

Будучи сдержаннее своего союзника в перспективных оценках, Москва, вероятно, поняла, что в географическом, материально-техническом и экономическом отношениях возникновение пожара даже по всей Центральной Америке не станет для Соединенных Штатов вторым Вьетнамом. При необходимости Соединенные Штаты могут блокировать Центральную Америку, сразу же пустив в ход огромные вооруженные силы. Кроме того, 25-миллионное население региона (не считая гораздо большего числа мексиканцев) отнюдь не едино в противодействии Соединенным Штатам, причем местные чувства неприязни и даже растущие антикоммунистические настроения ведут ко все большей изоляции Никарагуа. Поэтому кремлевские руково-

дители пришли к выводу, что благоразумнее расширять базу революционного движения постепенно, делая ставку на его поступательное распространение в соседние страны, по мере того как в них будут назревать, углубляться и в конце концов вырываться наружу внутренние кризисы.

Более того, рассматривая Латинскую Америку в целом, советские руководители полагали, что США начинают вступать там в стадию общего кризиса. Советский Союз может содействовать этому процессу, пользуясь экономической и социальной напряженностью для разжигания антиамериканских националистических настроений и поставок оружия Кубе и Никарагуа. Однако на нынешнем этапе Советский Союз не может прямо оспаривать главенствующее положение Соединенных Штатов и Западном полушарии. Советские руководители, проповедуя, что настоящие революционеры ни в коей мере не должны позволять запугивать себя «географическим фатализмом», в то же время очень хорошо представляют реальные географические рамки, за которые не может выходить политика. Вследствие этого они считают революционные потрясения в Латинской Америке и окончательное устранение главенства США в регионе одним из заключительных этапов исторического соперничества.

Таким образом, для Москвы Латинская Америка вообще и конкретно Центральная Америка являются в результате исторически определенного времени и географического расположения театром второстепенных действий. Конечно, советские тактические успехи в Центральной Америке могут иметь такое важное последствие, как отвлечение американского внимания от трех главных стратегических фронтов. Советская тактическая смелость может способствовать подрыву решимости США, необходимой для их постоянного участия в делах всего мира. Тактические выгоды, воплощенные в стратегические аванпосты, могут подкрепить утверждение, что глобальный баланс смещается

от одной сверхдержавы к другой. Однако в конечном счете данный регион не представляется ареной стратегического испытания Советским Союзом американской воли.

Искушение Советского Союза пойти на это возрастет, если внутренние проблемы Центральной Америки сольются с намного превосходящим их внутренним взрывом в Мексике, который в свою очередь может воспламенить американо-мексиканские взаимоотношения. Если Москва будет располагать стратегическими аванпостами в Карибском бассейне и/или Центральной Америке, то Советский Союз получит в распоряжение базы для оказания материально-технической и иной поддержки, что позволит ему наиболее полно использовать в своих интересах любые конфликты между США и Мексикой, извлекать выгоду из неминуемо бурных волнений, которые будут порождать возникающие разногласия.

ГЛАВА IV. ОДНОМЕРНЫЙ СОПЕРНИК: ОЦЕНКА УГРОЗЫ

Эффективная долгосрочная политика США в отношении СССР должна основываться на реалистичной оценке как намерений Советского Союза, так и его возможностей. Намерения Советского Союза не определяются одними только субъективными наклонностями того или иного кремлевского руководителя, а имеют глубокие корни и являются продуктом историко-географического развития, усиленного доктринерскими воззрениями, укоренившимися в институтах политической власти и распространенными среди правящей политической элиты. Эти намерения не меняются радикально, а претерпевают лишь изменения поверхностного и в значительной мере тактического плана, которые часто рассчитаны на использование особенностей американских средств массовой информации, интерпретирующих внешние перемены как базовые сдвиги в стратегии.

Советские намерения берут начало в историческом стремлении России к достижению доминирующего положения в мире. Важнейшим стратегическим условием достижения этой цели является резкое ослабление связей Америки с Евразией. Но подобные намерения могут принести плоды только при наличии соответствующих возможностей. Таким образом, американские политические деятели должны внимательно следить за изменениями этих возможностей и тщательно взвешивать их совокупный потенциал. Это одновременно и тонкая, и очень важная работа. Недооценка советской мощи может оказаться роковой. Но и преувеличение возможностей Советского Союза может породить серьезные моральные проблемы и стимулировать проведение ненужных расточительных мероприятий,

ослабляющих возможности участия Америки в затяжном соперничестве. Следовательно, необходимо учитывать несколько аспектов национальной мощи, в особенности социально-экономический, поскольку этот фактор является ключевым для успешного соперничества, если только оно на каком-либо этапе не перерастет в прямое вооруженное столкновение.

Советский военный потенциал

Но в любом случае отправным должно быть военное измерение. Если одна из сторон достигнет такого подавляющего военного превосходства, которое предопределяет исход конфликта, или если вооруженный конфликт начнется из-за просчета, тогда все остальные невоенные аспекты национальной мощи потеряют свое значение. Это абсолютно неизбежная реальность международных отношений, и она превращает оценку военной силы в центральное звено политического анализа.

Первостепенное значение военной силы — это не просто вопрос соответствующих количественных подсчетов и оценки разрушительной мощи. Гораздо более важно ее воздействие на политическое поведение соперников, особенно учитывая их свободу в проведении односторонней политики под взаимно парализующей защитой ядерного сдерживания. Опасность, связанная с всесторонним военным усилением Советского Союза, была признана творцами политики США еще на относительно раннем этапе советско-американского ядерного соперничества, когда Соединенные Штаты все еще обладали заметным стратегическим превосходством и даже могли позволить себе основывать свою политику сдерживания на открытой угрозе массированного ядерного возмездия.

30 октября 1953 г. администрация президента Дуайта Эйзенхауэра завершила обширный, систематизированный 11 готовившийся шесть месяцев доклад «Основы полити-

ки в области национальной безопасности США». В этой работе приняли активное участие как президент, так и его главные консультанты в совете национальной безопасности (СНБ). В итоговом официальном политическом документе СНБ, котором) 1 в то время был присвоен гриф «совершенно секретно», обращалось внимание прежде всего на последствия роста военной мощи СССР для Соединенных Штатов. Некоторые основные положения заслуживают полного цитирования ввиду их прозорливости и сохраняющегося значения: «Когда СССР и Соединенные Штаты достигнут стадии, на которой они будут обладать огромным количеством атомного оружия и различных средств доставки, тогда каждая сторона будет иметь возможность причинить другой невосполнимый ущерб, но вряд ли сможет предотвратить мощное атомное возмездие. Это породит тупиковую ситуацию, в которой обе стороны будут держиваться от всеобщей войны, хотя, если бы Советы решили, что внезапное нападение приведет к уничтожению средств возмездия, у них мог бы возникнуть соблазн нанести удар.

Несмотря на то, что страх перед ответным атомным ударом пока еще не является тормозом для советской агрессии в том или ином регионе, растущий ядерный потенциал Советского Союза может уменьшить сдерживающий эффект американской атомной мощи в отношении периферийной агрессии. Это также может обострить реакцию СССР на то, что он посчитает провокацией со стороны Соединенных Штатов. Если одна из сторон ошибется в оценке реакции другой стороны, подобные локальные конфликты могут перерасти во всеобщую войну, даже если к ней никто не стремится и ее не желает. Чтобы избежать этого, для Соединенных Штатов в целом было бы желательно дать понять СССР, какие акции почти наверняка приведут к такому исходу, признавая, однако, что по мере того как всеобщая война будет становиться все более разрушительной

для обеих сторон, угроза прибегнуть к ней как к санкции против локальной агрессии станет менее вероятной.

СССР будет по-прежнему применять тактику раскола свободного мира и подрывной деятельности, с тем, чтобы ослабить его единство и волю к сопротивлению советской мощи. Используя и страх перед атомной войной, и надежду на мир, СССР будет пытаться эксплуатировать в этой политической войне различия между странами свободного мира, стремление к нейтрализму, антиколониальные и националистические настроения в слаборазвитых регионах. С этой целью, а также для манипулирования общественным мнением и установления контроля над правительствами, где это только возможно, будут использоваться коммунистические партии и прочие сотрудничающие с ними элементы. Этот аспект советской угрозы будет, вероятно, существовать и усиливаться неопределенно долго».

Можно выделить три важнейшие проблемы, отмеченные в документе СНБ от 1953 г. и сохранившие свое значение до нашего времени: 1) окажется ли военное равновесие между двумя странами и базирующееся на нем ядерное сдерживание под угрозой в результате появления возможности стратегического упреждения путем нанесения первого обезоруживающего удара; 2) могут ли локальные конфликты перерасти во всеобщую войну, если сверхдержавы будут с большей готовностью идти на эскалацию в ответ на очевидные провокации; 3) не создаст ли ядерный тупик условия, в которых обычные вооруженные силы Советского Союза будут играть большую роль на одном из трех главных стратегических фронтов. Другими словами, центральным вопросом является не то, какой относительной военной мощью обладает Советский Союз, а то, каким образом эту мощь можно использовать для достижения стратегически важных политических результатов. Соответственно важнейшей научной проблемой при проведении оценки угрозы в политическом плане служит не просто

подсчет вооружений и определение на этой основе соотношения сил, а анализ возможных обстоятельств, при которых советская военная мощь может применяться наиболее эффективно (и опасно).

То, что советская военная мощь росла наиболее стремительно в последние два десятилетия, вряд ли нуждается в документальном подтверждении. Видно, что Советский Союз не только достиг стратегического паритета с Соединенными Штатами, но и обогнал Соединенные Штаты по темпам наращивания вооружений. Эти массивные усилия СССР создали ситуацию, в которой Соединенные Штаты и Советский Союз обладают примерно равными стратегическими силами, причем ни одна из сторон не может иметь никакой уверенности в конечном исходе обмена ядерными ударами независимо от того, начнется ли он с внезапного нападения или после приведения в полную боеготовность вооруженных сил. В этом отношении можно сказать, что сегодня существует положение спорного стратегического равновесия.

Этот вывод могут оспаривать те, кто считает, что Советский Союз уже обладает стратегическим превосходством. По количеству систем доставки ядерного оружия и по забрасываемому весу (потенциальной разрушительной мощи) Советский Союз действительно имеет преимущество. Но оно компенсируется американским превосходством по числу боезарядов, если учитывать ядерные бомбы и крылатые ракеты воздушного базирования, которыми оснащены бомбардировщики «В-52» и «В-1». В существующих условиях маловероятно, что какой-либо советский военный стратег может быть уверенным в том, что ядерный удар, нанесенный Советским Союзом, настолько обезоружит Соединенные Штаты, что предотвратит разрушительный ответный удар. За исключением ракет «СС-18» и, возможно, «СС-19», существующие советские стратегические системы не обладают достаточной точностью для нанесе-

ния действительно эффективного хирургического удара по современным стратегическим силам США.

Даже если в результате советского первого удара уцелеет лишь примерно 50% БРПЛ на американских подводных лодках в открытом море и лишь очень небольшой процент американских межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и бомбардировщиков, то этот в остальных отношениях весьма успешный первый удар СССР не сделает его менее уязвимым для опустошающего контрудара США, хотя такой контрудар будет самоубийством для самих Соединенных Штатов.

Частичный контрудар в любом случае будет еще больше ослаблен советской стратегической обороной. Именно это сочетание значительного увеличения количества систем первого удара с постоянным наращиванием стратегической обороны и делает потенциальную советскую угрозу столь серьезной. Несмотря на начатую шумную кампанию против стратегической оборонной инициативы президента Рейгана, Москва тайно разрабатывает способы быстрого развертывания полномасштабной системы ПРО.

В прошедшем десятилетии Советский Союз осуществлял также большие капиталовложения в создание разветвленной системы противоатомных убежищ, предназначенных для защиты большей части правящей элиты даже в условиях ядерного нападения. В 800—1500 точках сооружаются огромные комплексы убежищ, до которых можно быстро добраться по специальной транспортной сети. (В некоторых местах даже построена специальная система метро.) По некоторым оценкам, в этих убежищах может укрыться примерно 175 тыс. высокопоставленных представителей правящей партии, КГБ и вооруженных сил. Такая оборона может оказаться особенно полезной в случае затянувшегося неполномасштабного ядерного конфликта.

Следовательно, не признавать возможности того, что советские военные стратеги *ни при каких условиях* не рас-

считают вариант нанесения первого удара, было бы просто уходом от реальности. Они должны понимать, что Соединенные Штаты больше уязвимы для хирургического первого удара, потому что известно точное расположение ключевых объектов на территории США и нацеливание на них может быть осуществлено более просто, чем на советские объекты. Короче говоря, основной причиной для беспокойства является то, что растущее количество и точность ядерного оружия впервые делают для военных стратегов возможным планирование нападения, которое нанесет серьезный урон противнику, оставив ему лишь возможность ослабленного, дезорганизованного и стратегически бесполезного ответного удара, а может лишить его и этого выбора. По-прежнему это не делает первый удар привлекательным с моральной и даже политической точек зрения. Но реальность состоит в том, что растущий советский наступательный потенциал, предназначенный для стратегического упреждающего удара, и расширение оборонительных возможностей делают этот вариант — пусть и нежелательный с политической точки зрения — все более применимым с военной точки зрения.

Военная применимость не означает автоматически большую вероятность. Даже в условиях большей стратегической асимметрии есть веские основания предполагать, что советские руководители вряд ли решат нанести первый удар, хотя при этом никто не может исключить такой возможности. Нанесение первого удара является настолько сложной операцией, с таким большим числом непредсказуемых последствий и огромным риском, что маловероятно, что в ближайшем будущем какое-либо советское руководство хладнокровно решится на этот шаг. Даже ослабленное возмездие США может оказаться разрушительным.

Перед Соединенными Штатами стоит весьма сложная и в то же время угрожающая главная проблема. Примерно

через десятилетие продолжающееся в Советском Союзе наращивание стратегических вооружений и скрытое создание стратегической обороны может породить еще более несбалансированную, в корне опасную ситуацию. Конечно, основная опасность связана не с самим первым ударом как таковым, а с тем, что возросшая уязвимость США для подобного удара придаст Советскому Союзу большую гибкость в использовании своей стратегической и обычной военной мощи, поскольку Соединенные Штаты окажутся парализованными в геостратегическом плане. Это чревато серьезным ослаблением стабильности в политических взаимоотношениях двух стран.

Подобное состояние повышенной стратегической нестабильности будет следствием фундаментальных различий в стратегическом положении США и СССР. Советский Союз развивает свой потенциал для ведения ядерной войны различной интенсивности и продолжительности, и благодаря новым вооружениям в последнее десятилетие он начинает приближаться к такой боеготовности. В противоположность этому Соединенные Штаты направляли свои усилия исключительно на свой потенциал сдерживания. Но хотя официальная доктрина США видоизменилась и предоставляет творцам решений большую гибкость в вопросах выбора целей удара и несмотря на то, что в последнее время здесь развернуты некоторые виды оружия первого удара, Соединенные Штаты по-прежнему в значительной степени полагаются на сохранение угрозы массивного ответного удара. Растущая асимметрия между советским и американским потенциалами и доктринами обязательно уменьшит безопасность США, а также поощрит Советский Союз на более уверенные действия с целью распространения своего влияния при помощи обычной или даже стратегической мощи.

Эта опасность может быть предотвращена только своевременной разработкой США программ стратегических

вооружений или эффективным контролем над вооружениями. Сроки создания стратегических вооружений большие и часто превышают десять лет. Поэтому опасность, грозящая стать критической через такой небольшой срок, как десятилетие, требует не только своевременного осознания, но и соответствующего программного ответа. Следовательно, если угроза односторонней уязвимости не будет устранена всеобъемлющим соглашением по контролю над вооружениями, ключевыми вопросами на ближайшее будущее становятся следующие: в каких количествах и каком соотношении должны США развернуть свои стратегические наступательные силы, с тем чтобы уцелевший американский потенциал второго удара служил убедительным средством сдерживания первого советского удара; и/или какие виды стратегической обороны должны также развернуть США, чтобы сделать советский первый удар практически бесполезным с военной точки зрения.

Советские руководители не сентиментальничают, когда дело доходит до использования силы. Здесь можно вспомнить предупреждение, посланное Джорджем Кеннаном в 1945 г. из Москвы, где ему ежедневно приходилось сталкиваться с советским образом мышления. В своем докладе госсекретарю Кеннан прямо отмечал: «Я не задумываясь категорически заявляю, что в свете моего одиннадцатилетнего опыта знакомства с русскими крайнюю угрозу для нашей безопасности представило бы приобретение русскими возможности использования атомной энергии или каких-либо других радикальных средств уничтожения дальнего действия, о существовании которых нам не было бы известно и перед которыми мы оказались бы беззащитными в случае внезапного нападения. В истории советского режима нет ничего, я повторяю, ничего, что могло бы нам дать основание предположить, что люди, стоящие сейчас у власти в России, и даже те, которые могут прийти к власти в обозримом будущем, остановятся, хотя бы на

мгновение, перед тем как применить эту мощь против нас, если они решат, что таким путем им удастся реально повысить свое влияние в мировых делах».

Помимо стратегической дилеммы, наращивание Советским Союзом своего военного потенциала породило дополнительную проблему, с которой Соединенным Штатам ранее не приходилось сталкиваться: растущие возможности СССР использовать вооруженные силы далеко за пределами своих границ. Резкое увеличение потенциала Советского Союза, позволяющего перебрасывать войска за пределы прилегающих к его основной территории регионов, произошло с начала 70-х гг. Возможности доставки войск по воздуху и по морю возросли до такой степени, что у Москвы, вероятно, скоро появится соблазн не только посылать союзные вооруженные силы (как, например, кубинские в Эфиопию и Анголу), но также использовать собственные войска для демонстрации силы или установления политического присутствия в отдаленных районах. Это как раз то, что Советский Союз не мог себе позволить на протяжении сорока лет «холодной войны» с Соединенными Штатами.

Ближний Восток и Южная Африка являются наиболее взрывоопасными регионами на земном шаре. Соединенные Штаты подвергают себя риску оказаться в политической изоляции из-за поддержки ими Израиля и (в гораздо меньшей степени) Южной Африки. Нарастающие расовые конфликты на юге Африки могут на каком-то этапе побудить Москву к прямому вмешательству. Она будет преследовать цели местного значения, а также стремиться к широкому распространению просоветских настроений по всему Африканскому континенту. Советский Союз, безусловно, осознает геополитическое значение Южной Африки для Запада как источник стратегического минерального сырья и стратегически важного для морской торговли пункта.

Еще более вероятно вмешательство СССР на Ближнем Востоке, особенно если арабо-израильский конфликт вновь выльется в очередную войну. Еще в октябрьской 1973 г. войне Советский Союз хотел вмешаться на стороне Египта, но вынужден был отказаться от этого после предостережения США. В то время Соединенные Штаты еще удерживали небольшое преимущество в стратегических вооружениях. С установлением примерного стратегического равенства, особенно такого, которое сочетается с большей уязвимостью США, Советский Союз в следующий раз может действовать смелее. СССР может просто развернуть воздушно-десантные силы на стороне арабов, оставив Соединенным Штатам возможность решать, отвечать им на это или нет.

Однако опасность того, что реакция США приведет к фактическому поражению, уменьшается начиная с 1979 г. благодаря развитию сил быстрого развертывания (СБР). Используемый этими силами американский потенциал переброски войск по воздуху и по морю все еще значительно превосходит имеющийся у Советского Союза, и он обеспечивает более чем достаточную возможность для компенсации в течение следующего десятилетия любого вероятного развертывания Советами своих сил вдали от границ СССР. Благодаря энергичным мерам, предпринятым администрацией Картера и продолженным администрацией Рейгана, войска, включенные в состав СБР, и поддерживающая их авиация в настоящее время имеют потенциал для срочной переброски значительных сил. Несколько легкопехотных дивизий, поддерживаемых тактической авиацией, могут быть развернуты в далеких от США регионах в более высоком темпе и в большем количестве, чем это может сделать Советский Союз.

Таким образом, в случае вооруженного конфликта с Соединенными Штатами, происходящего на большом расстоянии от советских границ, СССР подвергнется риску по-

терпеть поражение на локальном уровне. Хотя при этом неизбежно будет действовать фактор неопределенности, связанный с тем, что непрочное и, возможно, несимметричное ядерное равновесие, вероятно, будет до какой-то степени сдерживать США в использовании сил быстрого развертывания непосредственно против советских войск.

В далеком локальном конфликте, не грозящем перерасти в большую войну, Советский Союз окажется в худшем положении еще и из-за превосходства военно-морских сил США. Советский Военно-морской флот, несмотря на темпы его роста в последние годы, по-прежнему уступает американскому и страдает от двух недостатков. Первый — это большая рассредоточенность. Трех его составным флотам — Северному (базирующемуся в Мурманске и в Балтийском море), Черноморскому и Дальневосточному — приходится действовать отдельно один от другого, причем каждому на пути в открытый океан требуется преодолевать узкие проходы. Эти проходы могут быть перекрыты Соединенными Штатами даже при помощи только обычных вооружений, хотя такой шаг будет означать эскалацию конфликта с американской стороны. Второй недостаток состоит в том, что советскому Военно-морскому флоту не хватает технических средств для дальних дозаправок, тылового обеспечения и авиационной поддержки. Относительно малочисленные дальние базы, предоставленные в распоряжение советского флота в странах с просоветским режимом, исключительно уязвимы для быстрого нападения США, в то время как отсутствие дальнего авиационного прикрытия делает советские военно-морские соединения беззащитными от нападения американских самолетов авианосного базирования.

Это говорится не для того, чтобы умалить политическое значение наращивания СССР военно-морской мощи. Вероятно, можно утверждать, что ее воздействие будет наибольшим в затяжной неядерной войне на одном из трех

основных стратегических направлений. Советский Военно-морской флот в его нынешнем виде имеет возможность в значительной степени ослабить американский контроль над морями. Он в состоянии, хотя и не полностью, а частично, подорвать способность США вести затяжные военные действия на Евразийском континенте. Это дает Советскому Союзу важные потенциальные возможности, имеющие особенно тяжелые последствия в конфликте среднего уровня: большего, чем просто локальная война, но меньшего, чем мировой пожар.

В войне на центральном фронте наибольшее значение будут иметь советские стратегические ядерные силы наземного базирования, при этом советские БРПЛ будут играть лишь вспомогательную роль. В отдаленном локальном конфликте советский Военно-морской флот, развернутый вдали от портов, уязвим для непосредственных ударов с воздуха и вследствие возможного нарушения коммуникаций. Значит, в течение определенного периода времени вооруженные силы СССР, участвующие в каком-либо локальном конфликте в отдаленном районе, должны будут вести боевые действия, имея значительно худшее тыловое обеспечение. Это то, что касается возможностей СССР по переброске войск.

Советские обычные вооруженные силы особенно мощны на двух из трех главных стратегических фронтов. На Дальнем Востоке положение относительно более спокойное, если исключить какое-либо непредвиденное развитие события в Южной Корее и на Филиппинах. Но на первом и третьем направлениях — в Европе и Юго-Восточной Азии — равновесие постепенно нарушается в пользу Советского Союза. На определенной стадии это может вызвать более прямое использование советской военной мощи.

На первом направлении почти все показатели, характеризующие военную мощь, свидетельствуют о значительном превосходстве Варшавского пакта над НАТО в

обычных силах. Весьма показательным в отношении уверенности Москвы в собственных силах и, возможно, ее намерений является тот факт, что силы Варшавского пакта проводят свои боевые учения, отрабатывая наступательные действия, в противоположность силам НАТО, которые проводят в основном оборонительные учения. Варшавский пакт имеет значительный перевес по нескольким важнейшим характеристикам мощи обычных вооруженных сил. В 1984 г. Варшавский пакт превосходил НАТО на центральном фронте по количеству дивизий — 61 против 38; по танкам — 16020 против 8050; по количеству артиллерийских орудий и минометов — 16270 против 4400 и по числу истребителей-бомбардировщиков — 1555 против 1345. Более того, недавно развернутые Москвой ракеты «СС-20» имеют дальность действия, перекрывающую всю Западную Европу и Ближний Восток. Правда, количественные сведения о соотношении сил дают возможность только для проведения самого поверхностного анализа.

Сочетание превосходства СССР в обычных вооруженных силах с растущим потенциалом советских стратегических сил привело к действительно угрожающим сдвигам в военной доктрине Москвы. Раньше в советских исследованиях, касающихся войны с применением обычных вооружений, при разговоре о «стратегических операциях» указывалось на относительную скоротечность, характеризующуюся быстрым завершением или эскалацией в ядерный конфликт. Однако к началу 80-х гг. советские военные теоретики стали уделять большое внимание «всеобщей войне с применением обычных средств», ведущейся на широком фронте в течение продолжительного периода времени до победы СССР, без использования ядерного оружия какой-либо из сторон.

Эта эволюция подчеркивает одно важное обстоятельство. Основным сдерживающим средством массированного советского прорыва по-прежнему остается ядерное

оружие. Именно опасность того, что обычная региональная война быстро перерастет в войну с применением стратегических ядерных сил, является для Москвы последним тормозом. Мир по-прежнему зависит от стратегического равновесия.

Его нарушение не обязательно повлечет развязывание ядерной войны, но весьма вероятно приведет к войне с применением обычных средств. Это могло бы случиться в Европе, но более вероятно произойдет на юго-западном центральном стратегическом фронте. Для этого Советскому Союзу благоприятствуют постоянно действующие географические и меняющиеся политические факторы. Политическая нестабильность в Иране или Пакистане могла бы открыть для СССР возможность для спорного в международном плане вторжения советских войск из прилежащих территорий.

Соединенным Штатам, напротив, реагируя на эти действия, придется преодолевать трудности, связанные с тыловым обеспечением, большими расстояниями и, возможно, недостаточной и слабой поддержкой со стороны дружественных стран. В отличие от первого или второго стратегического направления, Соединенные Штаты на третьем фронте не могут рассчитывать на сколько-нибудь значительную коалицию, обеспечивающую поддержку обычными вооруженными силами американских действий, направленных на то, чтобы остановить продвижение СССР. В ряде исследований министерства обороны США показано, что в случае нападения Советского Союза на Иран Соединенные Штаты, используя СБР, смогут предотвратить полную оккупацию этой страны, удерживая в своих руках юг и перекрыв проходы через центральный горный массив Загрос. Но факт остается фактом: в любом затяжном конфликте с применением обычных вооруженных сил Советский Союз будет обладать значительным превосходством. Более того, средства ядерного сдерживания

США менее эффективны в Юго-Западной Азии, нежели в Западной Европе. Американские ядерные силы уже размещены в Европе, и их потенциальное использование полностью учтено в оперативном планировании НАТО. Что касается третьего стратегического фронта, то советские военные и политические руководители могут прийти к выводу, что Соединенные Штаты не решатся превратить обычный конфликт в ядерную войну. Они могут, таким образом, пойти на авантюру, посчитав, что начатая ими агрессия останется безнаказанной.

Следовательно, долгосрочная тенденция роста общего военного потенциала СССР направлена на повышение гибкости в использовании обычной военной мощи для достижения политических целей. Хотя Запад непрерывно следил за состоянием советской военной мощи в течение практически всего периода «холодной войны», фактически Москва до вторжения в Афганистан в 1979 г. воздерживалась от ее применения в районах, находящихся вне ее непосредственного контроля. Вместо этого она стремилась использовать своих военных союзников, избегая прямого вмешательства. Это положение теперь, очевидно, меняется.

Таким образом, на важнейшие вопросы, поставленные в начале этой главы, можно дать следующий ответ: в течение десяти лет наиболее опасные для Соединенных Штатов изменения могут произойти в результате сдвигов на стратегическом уровне. Нарушение стратегического равновесия может повлиять на возможности и волю США сдерживать использование советских обычных сил в важных с геополитической точки зрения районах вблизи от Советского Союза. Решимость Соединенных Штатов применить тактическое ядерное оружие в ответ на крупное нападение с использованием обычных средств окажется подорванной, если Советский Союз получит существенное преимущество в стратегических вооружениях. Решение о применении тактического ядерного оружия будет зависеть

от того, смогут или нет Соединенные Штаты остановиться на этом, что в свою очередь будет зависеть от того, имеет ли Вашингтон возможность для эффективного ответа на контрэскалацию применения ядерного оружия Советским Союзом, не опасаясь советского первого удара стратегическими ядерными силами. Таким образом, общий стратегический дисбаланс может привести к подрыву убедительности возможной ядерной эскалации как средства сдерживания неядерной агрессии.

В прошлом стратегическое превосходство США уравновешивало превосходство СССР в обычных вооружениях. Растущая уязвимость США для обезоруживающего первого удара Советского Союза меняет это положение. В настоящее время существует риск того, что ядерные сдерживающие средства более не смогут удерживать Москву от нападения при помощи обычных средств в каком-нибудь прилегающем к Советскому Союзу регионе. В лучшем случае у СССР окажется гораздо больше возможностей для эффективного политического шантажа. В худшем случае существует опасность прямых военных действий. Однако в более широком глобальном аспекте у Советского Союза по-прежнему будет недостаточно средств для того, чтобы уверенно применять свою мощь, не опасаясь возможных ответных действий США.

Итак, важнейшие политические последствия наращивания СССР своего военного потенциала по-прежнему будут ощущаться в Европе и Азии; в то же время важнейшие последствия с точки зрения оперативного военного планирования будут заключаться в увеличении гибкости использования Советским Союзом своих обычных сил.

Социально-экономические аспекты

Военная мощь — это *единственное*, на чем основывается статус СССР как мировой державы. Во всех других отношениях Советский Союз не обладает столь же высоки-

ми атрибутами, а по многим аспектам он даже не является действительно конкурентоспособным соперником Соединенных Штатов.

В 1960 г. Никита Хрущев, бросая громкий вызов Соединенным Штатам, провозгласил: «Мы похороним вас». Хотя американская общественность расценила эту зловещую фразу как пугающее предсказание уничтожения Америки, вызов Хрущева основывался на вере в то, что в течение последующих двух десятилетий Советский Союз превзойдет Соединенные Штаты в социально-экономической сфере. Действительно, советское руководство было настолько уверено в неизбежности своего исторического триумфа, что включило прогноз об экономической победе СССР к 1970 г. в качестве составной части в официальную программу правящей Коммунистической партии — документ, содержащий программные установки для всех советских коммунистов.

Два с половиной десятилетия спустя ничто даже отдаленно не соответствует предсказанию Хрущева. Разрыв в величине валового национального продукта США и СССР остается примерно таким же в относительном выражении и возрос в абсолютных цифрах. Различия в среднем уровне жизни обеих странах также возросли. Символическая гонка за посадку человека на Луне — соревнование, которое должно было подтвердить претензии Советского Союза на техническое лидерство, — закончилась безусловной победой США. Вероятно, самым важным является то, что подавляющее превосходство США во внедрении научно-технических разработок еще больше возросло. К середине 80-х гг. Соединенные Штаты и следующая за ними Япония уже вступили в технотронный век, в то время как СССР по-прежнему прилагал усилия, чтобы модернизировать и сделать более эффективной свою относительно традиционную индустриальную экономику. В 1960 г. Советский Союз, казалось, вот-вот сможет поставить под сомнение мировое

экономико-технологическое лидерство Америки. К 1985 г. всем стало ясно, что Советский Союз является всего лишь одной из наиболее развитых развивающихся стран мира.

Эта оценка подтверждается сохраняющейся неэффективностью высокоцентрализованной и чрезвычайно бюрократизированной советской экономики. Для производства любой экономической, невоенной, предназначенной в первую очередь для потребителей продукции соответствующего уровня качества существующая система требует четкого политического решения на уровне Политбюро. Например, весной 1986 г. советские средства массовой информации объявили о директиве Политбюро, в которой говорилось о необходимости повышения до минимально приемлемого уровня качества обуви для советского народа, равно как и улучшения ее фасона. Подобная чрезмерная концентрация власти порождает узкие места, которые невозможно преодолеть ни периодическими кампаниями по проведению реформ, ни призывами к более высокой производительности.

Всеобщая осведомленность об этих недостатках системы, естественно, лишила Советский Союз статуса главного соперника Америки. Еще более неприятно для Кремля растущее признание того, что эти недостатки глубоко укоренились в советской системе и что коммунизм, очевидно, не в состоянии за исторически короткий срок добиться успехов в социально-экономической сфере. Но еще гораздо хуже общее признание того, что хозяйственные показатели СССР из года в год достигаются за счет таких социальных жертв, которые непропорционально велики по сравнению с реальными достижениями системы. Возможно, никогда в истории столь одаренный народ, обладающий столь богатыми ресурсами, не трудился так напряженно и так долго, чтобы получать столь малые результаты.

Сравнительные исследования социально-экономического развития — например, книга профессора С. Блэка

«Советское общество: сравнительный обзор» (1968) — показывают, что после 50 лет коммунистического правления Советский Союз в мировой таблице о рангах по социальным и экономическим показателям не поднялся выше, чем он был в начале столетия. Блэк делает следующий вывод: «За пятьдесят лет относительное положение СССР по общим экономическим и социальным показателям на душу населения, вероятно, существенно не изменилось».

Насколько позволяет судить имеющаяся ограниченная информация, СССР с 1917 г. не догнал и не обогнал по показателям на душу населения ни одну из стран, за исключением, возможно, Италии. 19 или 20 стран, опережающих в настоящее время Россию в этом отношении, опережали ее и в 1900, и в 1919 гг. Валовой национальный продукт в расчете на душу населения, который в Италии сейчас ненамного меньше, чем в СССР, возможно, был несколько выше пятьдесят лет назад». Фактически в последние годы Италия опередила Советский Союз по большинству показателей на душу населения. Авторы других исследований приходят к столь же неблагоприятным выводам. Так, в докладе профессора Гертруды Шредер из Университета штата Вирджиния говорится, что уровень потребления в Советском Союзе «во многих отношениях соответствует уровню слабо развитых стран; в последние десятилетия удалось достичь явно небольшого прогресса в сторону более современной структуры потребления».

Другими словами, продолжающиеся социальные лишения, испытываемые советскими гражданами, приводят к результатам, которые в лучшем случае просто сравнимы с тем, что достигают другие общественные системы за гораздо меньшую социальную цену. Более того, следовало бы ожидать, что Советский Союз будет развиваться относительно быстрее после второй мировой войны из-за первоначального стратегического преимущества, связанного с восстановлением и искусственно низким исходным уров-

нем, порожденным военной разрухой. В 1950 г. совокупный общественный продукт СССР составлял около 11% от мирового; три десятилетия спустя он по-прежнему составляет те же 11%. Неудивительно, что советские пропагандисты сейчас предпочитают не вспоминать лозунг Хрущева 1960 г. «догнать Соединенные Штаты» по абсолютному объему производства к 1970 г. и по относительным показателям на душу населения к 1980 г.

Столь же удручающа картина в социальной и культурной областях жизни в Советском Союзе. Недавние исследования указывают на беспрецедентное в мировой практике снижение средней продолжительности жизни мужчин в Советском Союзе с 66 лет в 1965 г. до приблизительно 62 лет в 1982 г. Детская смертность в СССР также серьезно росла, достигнув уровня 40 смертей на 1000 рождений, что в три раза выше, чем на Западе, и на уровне показателей слаборазвитых стран. Смертность от болезней сердца с 1960 по 1980 г. удвоилась. В последние годы советские потребители расходовали на алкоголь примерно 17% своего семейного бюджета по сравнению с 1—6% в Соединенных Штатах и других странах Запада. В 1985 г. Советское правительство начало широкую антиалкогольную кампанию, однако сомнительно, чтобы с ее помощью удалось преодолеть глубоко укоренившиеся привычки, равно как и компенсировать практическое отсутствие удовлетворительных социальных отдушин. В течение последних нескольких десятилетий интеллектуальная и художественная жизнь подавлялась, а стихийное движение к обновлению общества гасилось бюрократической инерцией.

Общим результатом явился идеологический упадок внутри страны и потеря революционного энтузиазма за рубежом. В Советском Союзе стало характерным зубрежка доктрин и бесконечное повторение лозунгов. Широкое распространение получили идеологический цинизм и политический оппортунизм. Решимость создать более спра-

ведливое общество сменилась осторожным казенным лицемерием; жесткость системы в повседневной жизни преодолевается с помощью распространенной повсюду коррупции, пронизывающей всю правящую бюрократию. Можно сказать, что если при Ленине советских коммунистов отличала вера в будущее, а при Сталине отличительной чертой стала спартанская преданность, порожденная страхом масс, то в последние годы советский аппарат правления в значительной степени руководствуется мотивом личной выгоды, причем политическая власть стала главным средством достижения тщательно замаскированной хорошей жизни. Как следствие, Советский Союз не производит более в глазах мировой общественности благоприятного впечатления, необходимого для достижения глобального лидерства.

Для мира в целом Советский Союз перестал быть образцом, каким он был некогда для некоторых стран и для многих революционных движений на разных континентах. Было время, когда революционеры видели в Советском Союзе действительно успешный эксперимент по достижению как современного уровня развития, так и социальной справедливости.

К 1980 г. в мире практически не осталось ни одного революционного движения, в программе которого провозглашалось бы намерение следовать по пути СССР. Хуже того, некоторые зарубежные коммунистические партии специально отмежевываются от советского опыта, осознавая, что в противном случае это обойдется им потерей поддержки народа. Политические лидеры, настроенные наиболее враждебно в отношении Соединенных Штатов — такие, как полковник Муаммар Каддафи в Ливии, — стали союзниками СССР не потому, что разделяют его идеологию, и не потому, что Советский Союз представляется им привлекательной моделью развития, а просто потому, что они считают советскую мощь полезной для противодейст-

вия Соединенным Штатам. Постоянная идеологическая солидарность уступила место недолговременной политической выгоде, являющейся основным мотивом для дружбы с Советским Союзом.

Что еще хуже для Кремля, так это то, что перспективы для советского руководства преодолеть указанные трудности в ближайшем будущем выглядят очень сомнительно. Три взаимно связанных условия способствуют увековечению недостатков советской системы. Первое — это многонациональный характер Советского государства, которое основывается на преобладании великороссов и фактически является русским государством. Несмотря на официальный миф о том, что Россия — это одна из советских республик, даже верховный советский руководитель Михаил Горбачев в минуту неосторожности продемонстрировал истинные чувства доминирующей русской элиты, когда в июне 1985 г., выступая на митинге в столице Украины Киеве, сказал: «Для всех людей доброй воли Россия — я имею в виду Советский Союз, как мы ее теперь называем и чем она фактически является, — служит оплотом».

Децентрализовать империю — значит вызвать ее распад. Русская правящая верхушка инстинктивно чувствует, что любая значительная децентрализация — даже исключительно в экономической сфере — усилит потенциальные сепаратистские настроения среди граждан Советского Союза нерусской национальности. Экономическая децентрализация будет неизбежно означать политическую децентрализацию, а политическая децентрализация станет прологом к национальному освобождению. Беспокойство русских по этому поводу, вероятно, усиливается демографическими тенденциями. Они показывают ослабление главенствующей роли великороссов. В течение 70-х гг. русские перестали составлять большинство советского народа, и дальнейшее уменьшение доли русских неизбежно. В 1980 г. среди восемнадцатилетних в Советском Сою-

зе русских было 48%, других славян — 19, мусульман — 13, еще 19% относились к «прочим». По прогнозам на 1990 г., доля русских составит 43%, других славян — 18, мусульман — 20, прочих — 19%.

В долгосрочном плане политические амбиции нерусских народов представляют собой ахиллесову пяту Советского Союза. Само существование этих нерусских народов является препятствием на пути движения СССР к более современному обществу. С течением времени нерусские народы могут стать политически более активными, особенно если это будет поощряться внешним миром. Появление в настоящее время независимых исламских государств, часть из которых переживает настоящее религиозное возрождение, не может не оказать своего влияния [на советских мусульман]. Для украинцев, которые насчитывают 50 млн. человек и чья страна могла бы занять высокое место среди европейских народов, если бы она была независимой, длительное подчинение Москве, вероятно, является источником растущего разочарования. В то же время для русских действенная, далеко идущая децентрализация советской системы — даже только экономическая — должна представлять смертельную угрозу сохранению контроля над империей.

Что в конце концов означает «только экономическая» децентрализация в политическом смысле, когда речь идет о Советском Союзе? Это будет означать большую степень автономии для нерусских народов, которые затем смогут использовать растущее экономическое самоопределение для достижения большего политического самоопределеДля великороссов это очень опасная перспектива. Любые существенные национальные притязания со стороны нерусских народов представляют собой вызов русскому территориальному доминированию и даже, быть может, угрозу биологическому выживанию великорусской нации. К чему может привести действительная децентрализация

в СССР, установление более демократических норм и институционализация плюрализма? Где в действительности можно провести разграничительную линию между великороссами и другими нациями, учитывая, что в последние десятилетия происходило интенсивное смешение наций? Напряженность будет нарастать. Реальные конфликты могут разразиться в различных регионах — в Прибалтийских республиках, густо заселенных непрошеными великороссами, в близких России в культурном отношении Белоруссии и на Украине, и особенно на Кавказе и в Среднеазиатских республиках.

Распад заморских империй Великобритании и Франции не означал гибели ни Великобритании, ни Франции. Распад же территориально единой Великоросской империи будет угрожать самой России, учитывая отсутствие естественных границ. Трудности, с которыми Франция столкнулась в Алжире, покажутся ничтожными по сравнению с теми, что возникнут на окраинах чисто русских земель. Любая попытка отделения республик по национальным границам вызовет хаос и кровопролитие. Возможность такого исхода заставляет практически каждого русского инстинктивно противиться любому существенному ослаблению центральной власти Москвы. Инстинкт самосохранения дает необычную устойчивость автократической, высокоцентрализованной имперской системе в Советском Союзе. Он нейтрализует своего рода внутреннюю неуверенность и имперскую усталость, побудившую англичан и французов примириться с распадом своих империй. Но он также увековечивает неэффективную, расточительную и социально бесполезную систему диктатуры.

Второй причиной, усиливающей стремление великороссов к сохранению централизованной — пусть и неэффективной — системы, является прогрессирующая милитаризация Советского государства и общества. По мере того как идеология приходит в упадок, военные организа-

ции с их традиционным русским национализмом становятся важнейшим средством предотвращения политического распада страны. Поскольку военная мощь служит главным инструментом обеспечения претензий СССР на статус мировой державы, военная элита находится в более благоприятном положении, выражая свои пожелания в пользу централизованного государства. Только такое государство может обеспечить нужды военных и оправдать их огромные расходы.

Эти расходы губительны для социальной сферы, особенно если они поддерживаются на таком высоком уровне, как это было в последние два десятилетия. Для все еще переживающего лишения и относительно отсталого общества ежегодные военные расходы, поглощающие приблизительно у 15% совокупного общественного продукта, являются огромным бременем. Более того, советские расчеты затрат базируются на произвольно установленной ценовой структуре, в которой военному сектору отдается такое большое предпочтение, что фактические общественные затраты на военные нужды могут оказаться значительно выше. (Поскольку доля совокупного общественного продукта Советского Союза, идущего на военные нужды, более чем в два раза выше, нежели в США, и этот продукт в СССР составляет немного более половины американского ВВП, бремя военных расходов, лежащее на советских гражданах, примерно в четыре раза тяжелее, чем для значительно более богатых американцев.)

Особое предпочтение, которое отдается военной мощи, не просто усиливает централизм. Это также приводит к повышению в общенациональных масштабах внимания к военной подготовке и идеологической обработке в военном духе. Это разлагающая тенденция. Как писал Арнольд Тойнби в своем «Исследовании истории» (1947), «милитаризм... является, несомненно самой распространенной причиной упадка цивилизаций в последние четы-

ре или пять тысячелетий, и вплоть до настоящего времени история зарегистрировала около двадцати таких крушений. Милитаризм разрушает цивилизацию, заставляя государства, в которых он получил развитие, сталкиваться друг с другом в братоубийственных войнах. В этом самоубийственном процессе сама социальная структура становится пищей для ненасытного всепожирающего молоха».

Третьим фактором, обуславливающим непрекращающиеся экономические трудности, является сама традиция коммунизма. С течением времени эта традиция превратилась в систему законных интересов, зависящих от централизованной и бюрократизированной системы. Конечно, если бы Советский Союз не был бы коммунистическим, вполне вероятно, что социально-экономическое развитие страны было бы более динамичным, более сбалансированным и больше соответствовало бы интересам народа. Сравнительные исследования развития, включая рассмотрение темпов экономического роста в России до большевистской революции, определенно указывают на это. Именно сталинская коллективизация разрушила советское сельское хозяйство. Именно ленинско-сталинская концепция диктатуры пролетариата привела к массовым убийствам наиболее трудоспособных советских граждан. И именно ленинско-сталинское наследие продолжает сдерживать созидательные силы в Советском Союзе в настоящее время.

Кроме того, в долгосрочном плане только общественное творчество определит исход американо-советского соперничества, если, конечно, военные средства не сыграют исторически решающую роль. Научные и технологические возможности двух систем, включая и военную мощь, основываются на творческом новаторстве. Оно же в свою очередь определяется скорее не индивидуальными способностями, а социальной и политической организацией. Обе страны имеют значительное число способных людей. Важно то, как они используются. Как это ни парадоксально, но

для Америки коммунизм в России стал историческим благом, поскольку он сковал чрезвычайно одаренный и терпеливый русский народ в системе, которая подавляет, бессмысленно растрчивает и приносит в жертву его огромный потенциал.

Мировая держава нового типа

Таким образом, коммунистическое правление превратило Советский Союз в мировую державу нового типа: ее мощь имеет одномерный характер. В результате Советский Союз совершенно не в состоянии обеспечить себе мировое господство. Он не является ни реальным экономическим конкурентом США, ни даже, как это было ранее, интересным идеологическим экспериментом глобального масштаба. Это обстоятельство решающим образом ограничивает возможности Советского Союза действовать в манере, присущей мировым державам или тем, кто претендует на этот статус.

Традиционно как крупнейшая мировая военная держава, так и ее ближайший соперник обладали сравнимыми политическими и социально-экономическими системами, располагающими возможностями для поддержания длительного всеобъемлющего превосходства. Со времен позднего средневековья важнейшим инструментом применения военной силы в мировом масштабе была военно-морская мощь. В той степени, в какой такое глобальное применение было возможно во времена медленных средств доставки и вооружений ограниченной мощи, в широком смысле государствами, осуществлявшими его, и их важнейшими соперниками были: Испания и Португалия в течение большей части XVI века; Нидерланды и Франция в течение XVII века; Великобритания, затем Франция и позднее Германия в течение XVIII, XIX веков и части XX века и, наконец, Соединенные Штаты и Советский Союз в течение второй половины XX века. Во всех случаях, за исключе-

нием самого последнего, соревнование между державами проходило на сравнимом уровне развития. Соперник был вполне в состоянии подкрепить военный вызов торговым и политическим лидерством, он мог стать лидером равно во всех областях. Советский Союз бросает вызов только в военной сфере.

Картина для Москвы становится еще более удручающей, если показатели Советского Союза и стран его блока сравнить с показателями Соединенных Штатов и их основных друзей. Ни СССР, ни страны социалистического блока не приближаются к социально-экономическим возможностям даже США, а вкупе с другими индустриальными демократическими странами этот разрыв еще больше увеличивается. Практически по каждому показателю социально-экономического развития, который может быть выражен количественно, страны советского блока в абсолютных цифрах просто карлики; это отставание возрастает еще больше, когда дело доходит до качественных аспектов, связанных с внедрением различных новшеств.

Совокупный ВВП Соединенных Штатов, стран ЕЭС и Японии составлял в 1983 г. приблизительно 7094 млрд. долларов, в то время как этот показатель для Советского Союза и стран Восточной Европы равнялся только 2566 млрд. долларов. Таким образом, в абсолютных цифрах по сравнению с 1975 г., когда аналогичные показатели были соответственно 5431 и 2185 млрд. долларов, разрыв увеличился. Более того, СССР и его союзники по отдельным показателям социально-экономического развития остаются далеко позади по сравнению с технически развитыми демократическими странами.

Еще более примечательно — и это имеет особенно большое значение для будущего — практическое отсутствие каких-либо нововведений в советской промышленности. Что касается компьютеров и робототехники, то Советский Союз и страны Восточной Европы просто еще не участвуют в развернувшейся общемировой гонке.

Для Советского Союза характерны неудачи в разработке и внедрении технологий, отличающихся самой высокой степенью научной новизны. Энтони Саттон в своем исследовании «Западная технология и экономическое развитие Советского Союза» проанализировал 76 важнейших технологических процессов в 14 крупнейших отраслях промышленности СССР за три периода (1917—1930, 1930—1945, 1945—1965) и определил национальное происхождение каждой из технологий. Он пришел к выводу, что практически вся советская промышленная технология была импортирована. В период с 1917 по 1930 г. не могло быть и речи о каких-либо советских технологических нововведениях. Было несколько попыток разработать что-то новое — синтетический каучук, трактора и некоторые другие виды продукции, — но все они провалились. С 1930 по 1945 г. Советский Союз продолжал фундаментальные исследования, но, в сущности, избегал их промышленного внедрения. Были исключения, касавшиеся конструирования оружия, но советская экономика в своей основе была копией западной. С 1946 по 1965 г. Советы внедрили некоторые собственные новшества, хотя Саттон отмечает: «Имеется получившее всеобщую поддержку предположение, что не велось никаких собственных технических разработок». Страна — импортер технологии обязательно должна постоянно отставать от стран-экспортеров. Это как раз и имеет место в случае с СССР.

Указанные данные делают невозможным предположение об окончательной «победе» Советского Союза в историческом соревновании мирными средствами. Он смог бы осуществить это, только оторвав Западную Европу и Японию от Соединенных Штатов и получив возможность распоряжаться экономическими ресурсами Западной Европы или Японии. Но подобный крутой поворот в мировой расстановке сил вряд ли может быть достигнут Москвой без значительной опоры на военную мощь. Советский

Союз просто недостаточно привлекателен как экономический партнер, чтобы вовлечь либо Западную Европу, либо Японию в сферу своего политического влияния; его социальная система даже недостаточно притягательна, чтобы обеспечить поддержку со стороны творческой молодежи или даже бедных слоев населения Западной Европы или Японии.

Короче говоря, уникальный характер одномерного глобального вызова СССР состоит в том, что Советский Союз явно не располагает средствами для обеспечения конструктивного длительного лидерства, если ему каким-то образом удастся военным путем сместить Соединенные Штаты с позиций мировой державы номер один. Советский Союз не смог бы стать мировым финансовым лидером. Его экономика не могла бы превратиться в локомотив общемирового развития и технологического совершенствования. Его массовая культура не является привлекательной, его ведущие интеллектуалы и деятели искусства постоянно выезжают из Советского Союза. Если Америка будет смещена с позиций ведущей мировой державы, то Советский Союз не сможет заменить США в этой роли.

Доминирование и разрушение

Это обстоятельство имеет несколько последствий для большой стратегии Советского Союза. Оно усиливает традиционные для России и вытекающие из коммунистического учения опасения в отношении внешнего мира. Считается, что внешний мир стремится к расколу московской империи и осуществлению антикоммунистической контрреволюции. Хотя Советы гордятся своей военной доблестью и обычно претендуют на равный с Соединенными Штатами статус, в их видении мира США представляются грозным монстром, опутывающим мир множеством щупалец с помощью своих финансов, средств связи и массовой информации. Американская технология (в настоящее время вре-

мя, например, микроэлектроника) по-прежнему обеспечивает военный истеблишмент США новыми возможностями, приводящими Советский Союз в замешательство. На Дальнем Востоке встает призрак вероятного японо-китайского альянса, в то время как Восточная Европа все время испытывает сильное притягательное воздействие Западной Европы, которая не примирилась полностью с бессрочным ее разделом по Ялтинским соглашениям.

Все это усиливает беспокойство СССР и порождает неопределенность относительно приспособляемости к соревнованию с Соединенными Штатами. С одной стороны, Советы стремятся добиться переходного кондоминиума с Вашингтоном. С другой стороны, они опасаются остаться в роли младшего партнера, фактически обязанного поддерживать мировое статус-кво. Москва отвергает этот вариант, поскольку он не только увековечит американское превосходство, но и станет (в глазах Советского Союза) отправным пунктом в политике осуществления «мирной эволюции» сдерживаемого в своих действиях СССР, то есть его политической трансформации.

Отказ от статус-кво повышает значение военной мощи; это единственное, что есть у Москвы, чем она намеревается обладать и что ей необходимо поддерживать. Она надеется, что постепенно, с течением времени военное давление изнурит кого-либо из основных союзников Америки и приведет к нарастающим сдвигам в их ориентации. В конечном итоге, по расчетам Москвы, это может привести к коренной перестройке в глобальном соотношении сил, отрыву от Соединенных Штатов стран, которые в решающей степени усиливают американское превосходство в социально-экономической сфере. В то же время военная мощь Москвы обеспечит невозможность для какой-нибудь другой державы подорвать советское господство над странами, ставшими зависимыми от Советского Союза после второй мировой войны.

Разжигание региональных конфликтов, сдерживание межнационального сотрудничества, оппозиция тому, что называется «мировым порядком», — вот какова стратегия, которую Кремль считает совместимой со своей односторонней военной мощью. Эта мощь позволяет Москве играть значительную роль, сохраняя свое имперское мышление. Она уменьшает беспокойство относительно того, что региональные конфликты могут привести к прямому столкновению с Соединенными Штатами. Она дает возможность Советскому Союзу подрывать превосходство США в районах, ранее считавшихся безопасными американскими владениями. Особенно значительным и эффективным в этом отношении является превосходство Москвы в области удовлетворения спроса своих клиентов на поставки огромного количества военной техники из ее обширных арсеналов.

В то же время, если не считать военных поставок, возможности СССР оказывать влияние на события в «третьем мире» весьма ограничены. Например, когда в 1985 г. объявивший себя марксистско-ленинским крайне просоветский режим Эфиопии оказался перед угрозой массового голода, Советский Союз смог предоставить в виде продовольственной помощи лишь 7500 тонн зерна. Соединенные Штаты предоставили 3075 тыс. тонн, страны ЕЭС — 1780 тыс. тонн. Даже Китай направил 155 тыс. тонн. Ничтожная советская помощь соответствовала скандально низкому уровню помощи, предоставляемой Советским Союзом странам «третьего мира». В 1982 г. страны — члены Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выделили 27,9 млрд. долларов чистой финансовой помощи развивающимся странам. Советский взнос составил лишь 2,4 млрд. долларов. Практически все эти средства пошли в прокоммунистические развивающиеся страны.

Москва, таким образом, открывает для себя, что военное присутствие в глобальном масштабе — это не то же са-

мое, что и общемировое политическое влияние. Советский Союз пока что не в состоянии превратить свои возросшие военные возможности в долгосрочные политические результаты. Советский Союз стал крупнейшим военным поставщиком «третьего мира», но этот мир уже не возлагает столько надежд, как прежде, на быструю индустриализацию (для чего Советский Союз мог бы служить моделью). В «третьем мире» растет интерес к научно-технической революции как в сельском хозяйстве, так и в области передовой технологии. Ни в том, ни в другом случае советский опыт не может оказаться подходящим и полезным. Такие страны, как Индия и Алжир, начинают обращаться к Соединенным Штатам и за помощью, и в целях более тесного экономического сотрудничества.

Советские руководители, без сомнения, испытывают удовлетворение от того, что их глобальная военная мощь в политическом плане преодолела стратегию США, направленную на географическое сдерживание в Евразии, хотя это было достигнуто не без издержек и с определенным риском. Расширяя пределы своего военного присутствия, в то время как имеющиеся возможности остаются весьма ограниченными, Советский Союз подвергается риску вероятного перенапряжения и катастрофы в результате какого-то непредсказуемого военно-политического кризиса. В этом отношении стратегия Москвы, направленная на использование беспорядков в мире, может обернуться игрой с огнем.

Чрезвычайно парадоксально, что наиболее реакционная во внутренней политике мировая держава активно содействует революционным выступлениям во всем мире, тогда как наиболее динамичные с точки зрения внутреннего развития мировые державы стремятся в целом к сохранению глобального статус-кво. Возможно, Москва чувствует, что у нее нет альтернативы. Она может разрушать, но не доминировать. Стремление устранить условия, уси-

ливающие американское превосходство, частично является неизбежным результатом разочарования и неспособности соревноваться с Соединенными Штатами на широком фронте. Военное давление не является достаточной компенсацией. Доминирование, достигаемое военными средствами, и экспансия, осуществляемая военным путем, являются политикой, требующей крайнего напряжения ресурсов. Она также требует благоразумия и терпения. В то время как привлекательность советской идеологии и экономики после пика конца 50-х гг. неуклонно снижается, Советский Союз вынужден изыскивать дополнительные способы продолжения состязания за мировое господство таким путем, который был бы наиболее дорогостоящим для его основного соперника. Постепенно в 60-е гг. эта альтернативная стратегия определилась и привела СССР к союзу с международным терроризмом.

Необходимо понять, что подобная перестройка не могла произойти внезапно и что при глубоком анализе видна ее обоснованность. При рассмотрении советских выступлений и работ, посвященных международным проблемам, создается впечатление, что в 50-е гг. советские руководители рассчитывали, что развитие событий в «третьем мире» подтолкнет новые страны к выбору такой политической формы и социально-экономической системы, которые в значительной степени проистекали бы из советского опыта. Считалось, что историческое развитие складывается в пользу Советского Союза, а в результате глобальных перемен, несомненно, должна была произойти «мировая революция». Это была эра оптимизма в Советском Союзе, нашедшая свое выражение в бахвальском вызове Хрущева в адрес Соединенных Штатов.

Годы разбили эти надежды и вызвали необходимость их коренной переоценки. В течение 60-х гг. Москва, отойдя от своих идеологических надежд, пришла к неизбежному выводу, что значительная часть «третьего мира» стоит

перед политическими потрясениями, а огромные массы населения погрязли в нищете. Наиболее вероятной перспективой на будущее стала рассматриваться насильственная дезинтеграция, а не успешное повторение советского пути. Демографический взрыв в развивающемся мире вызвал необходимость создания в период с 1980 по 2000 г. по крайней мере 700 млн. новых рабочих мест. Около 300 млн. человек в этих странах (примерно 40% всего трудоспособного населения) уже заняты не полностью или не имеют работы вообще. Суть сценария состояла в насильственной дезинтеграции и политической радикализации. Этнические конфликты, религиозный фанатизм и социальные противоречия — все предвещало ослабление международного порядка.

Именно в этих условиях, когда появились новые возможности и возникло беспокоящее чувство собственной неполноценности, советские руководители восприняли международный терроризм как ценную тактику в разрушении международной системы, по-прежнему возглавляемой Соединенными Штатами. Хотя Советский Союз уже прибегал от случая к случаю к одиночным террористическим актам для обеспечения своих интересов — например, убийство Льва Троцкого в 1940 г., — только с середины 60-х гг. он стал играть значительную роль в международных террористических организациях и их деятельности.

Советские расходы на поддержку такого рода деятельности резко возросли после того, как в январе 1966 г. Фидель Кастро при восторженной поддержке СССР созвал так называемый «Конгресс трех континентов», собравший более 80 групп из стран «третьего мира»; некоторые из них принимали активное участие в международной террористической деятельности. Конгресс одобрил принципы тесного взаимодействия между «социалистическими странами» и различными радикальными движениями, стремившимися к нарушению установившегося порядка.

Вскоре за этим в Советском Союзе, равно как и в некоторых восточноевропейских странах, контролируемых Москвой, а именно в Восточной Германии, Болгарии и Чехословакии, а также на Кубе была открыта сеть лагерей по подготовке террористов. Перебежчики из террористических групп указывают, что основные лагеря в Советском Союзе расположены в Батуми, Баку, Симферополе, Ташкенте и Одессе и что обычно они находятся под контролем КГБ. В 1968 г. выпускники этих лагерей приняли участие в многочисленных террористических актах на Ближнем Востоке, в Южной Америке и Западной Европе. К 1971 г. Советы начали выражать более открытую поддержку террористическим действиям. Борис Пономарев — один из представителей высшего советского руководства, отвечающий за международное коммунистическое движение, — высказал мысль о том, что, хотя деятельностью подобного рода часто занимаются «различные авантюристические элементы, включая маоистов и троцкистов», объективно она направлена на подрыв западного капитализма, и поэтому отвергать ее — значит «ослаблять антиимпериалистическую борьбу...»

Поддерживаемая Советским Союзом террористическая деятельность направлена против нескольких уязвимых стран — ближайших союзников США. Турция, Италия и Западная Германия стали объектами разрушительной деятельности террористов, причем в каждом случае имеются весомые доказательства, позволяющие предположить поддержку какой-либо просоветской восточноевропейской страны. Мощные усилия, направленные на дестабилизацию обстановки в Турции (в которой, по одной из официальных турецких оценок, действует от 60 до 70 тыс. террористов), вероятно, поддерживались финансовыми средствами и оружием из Болгарии.

Сходные, хотя более скромные усилия по дестабилизации положения в Италии пользовались поддержкой из

Чехословакии. Деньги и оружие шли оттуда, равно как и радиопередачи большей части подпольных красных радиостанций. Восточная Германия стала более активно готовить террористов, обучая их самым совершенным методам ведения тайной деятельности. Она подготовила убежище для банды Баадера—Майнхоф на случай чрезвычайных обстоятельств. Ею была разработана совершенная система засылки террористов в Западную Германию и вывоза их оттуда. Наконец, Куба обеспечила поддержку сандинистской революции в Никарагуа и впоследствии, по крайней мере, некоторых, радикальных элементов в Сальвадоре.

За пределами собственно советского блока Ливия, Сирия и Южный Йемен, каждый раз пользуясь профессиональной поддержкой СССР или восточноевропейских стран, обеспечивали убежище и подготовку для террористов из различных группировок, таких, как западногерманская «Фракция Красной армии», «Красные бригады» в Италии, японская «Красная армия», баскские сепаратисты, турецкая «Армия освобождения», «Монтенерос» в Аргентине, «Авангард» в Бразилии, «Народный фронт Аравийского полуострова», «Фронт ПОЛИСАРИО в Южной Сахаре»; египетские и тунисские экстремисты; временная Ирландская республиканская армия и т. д.

Целью Советского Союза является нарушение международного порядка, который стал мишенью потому, что его сохранение, по мнению СССР, усиливает превосходство Америки. В своей основе эта отвлекающая стратегия направлена скорее не на получение результатов немедленно, а на проникновение с флангов, в то время как военнополитическое давление применяется Советским Союзом на центральном фронте. Но это также стратегия, принятая из осознания собственной слабости. Она означает полное признание невозможности обеспечить эффективную замену американскому превосходству. Таким образом, вскрывается историческая значимость этого соперничества. Ма-

ловоятно, чтобы триумф СССР над Соединенными Штатами в результате какого-либо стратегического успеха в Евразии привел на продолжительное время к советской гегемонии; гораздо более вероятно, что он породит мировой хаос.

Сценарий отношений СССР — США: следующие десять лет

Приведенная оценка угрозы не преследовала собой цель составить перечень сильных и слабых мест Советского Союза. Представленные данные должны создать базу для оценки динамики великого исторического соперничества с Америкой. Основное внимание было уделено тем факторам, которые имеют наиболее важное значение для советского поведения, намечены основы для поиска необходимого геополитического и стратегического ответа Соединенных Штатов. Этот ответ должен не только противостоять наступательной советской политике, но и принимать также во внимание возможные кризисы и перемены в советско-американских отношениях.

Ниже представлены 12 сценариев на следующее десятилетие. Это не предсказания, а возможные варианты. В пределах одного и того же промежутка времени могут реализоваться сразу несколько сценариев. Помещены они в порядке уменьшения отклонения от нынешней ситуации: наибольший отход от существующего положения характерен для первого сценария. При этом в американо-советском глобальном соперничестве принципиально возможны все варианты.

1. *Всеобщая ядерная война.* Принимая во внимание самоубийственный характер обмена массированными ядерными ударами, подобный стратегический конфликт вероятен только в случае эскалации Соединенными Штатами неядерного конфликта и неконтролируемой контрэскалации Советским Союзом или же в том случае, если Кремль ре-

шит, что он обладает военным потенциалом, достаточным, чтобы обезвредить первым ударом стратегический ответный удар США.

2. *Крупномасштабная децентрализация СССР, которая делает советское общество более производительным и созидательным, идеологически более плюралистическим, причем Китай и Восточная Европа (включая Югославию) сформируют более тесное и добровольное в своей основе взаимодействие с Москвой, что в конечном итоге сделает Советский Союз более грозным и менее односторонним соперником в борьбе за мировое господство.* Подобное развитие событий потребовало бы фундаментальных изменений в способе управления Советским Союзом, включая отмирание правящей Коммунистической партии и появление альтернативных органов, осуществляющих принятие решений, а также изменения в общественном устройстве. Это были бы перемены, приравниваемые к политической трансформации или революции. Но даже и тогда нельзя быть до конца уверенным, что такому Советскому Союзу удастся привлечь к более тесному сотрудничеству своих подозрительных и чувствительных к национальным вопросам коммунистических соседей.

3. *Широкая разрядка в советско-американских отношениях и долговременное примирение на основе сохранения глобального статус-кво.* Урегулирование такого рода потребовало бы не только действительно коренных изменений в отношениях Америки и России, но и значительно большего спокойствия на мировой арене и в соответствующих имперских сферах влияния. Это диктует сдержанность перед лицом соблазнительных возможностей политической экспансии, поддающееся проверке и всеохватывающее прекращение гонки вооружений и отказ от национальных имперских амбиций.

4. *Неядерная война на первом главном стратегическом фронте, причем Соединенные Штаты смиряются с пора-*

жением в неядерной войне в Западной Европе. Советский Союз мог бы пойти на такую военную операцию, только будучи действительно уверенным в том, что выполнены два основных условия: 1) превосходство в обычных силах достигло такого уровня, что предопределяет исход конфликта; 2) превосходство в ядерных вооружениях столь велико, что полностью исключает любой ответный ядерный удар США, в том числе и ядерным оружием, которое уже размещено в Европе и учитывается в оперативных доктринах НАТО.

5. Вспышка конфликта в одном из двух взрывоопасных регионов на земном шаре (Ближний Восток или Южная Африка), включая локальное столкновение между СССР и США при превосходстве Соединенных Штатов в военном отношении. Советский Союз может соблазниться на военное вмешательство в любом из двух конфликтов, хотя наиболее вероятно на Ближнем Востоке, но он будет подвергаться риску потерпеть поражение от сил быстрого развертывания США, если только советское ядерное превосходство не поколеблет решимость Соединенных Штатов лишить Советский Союз свободы рук в военном отношении в столь важных регионах.

6. Возникновение четвертого главного стратегического фронта на Рио-Гранде. Указанная возможность в меньшей степени зависит от действий Советского Союза и в большей степени от того, насколько неуправляемо внутренние проблемы Мексики будут решаться самими мексиканцами, а затем еще более усугубятся в результате бестактных действий США. Превращение такого внутреннего потрясения в четвертый американо-советский фронт, возможно, также потребует какого-то советского военного присутствия в качестве плацдарма в Центральной Америке.

7. Постепенная социально-экономическая деградация в Советском Союзе и неуклонное освобождение Восточной Европы от советского контроля в условиях более широкого европейского сотрудничества. Это освобождение так-

же будет зависеть от появления в Западной Европе более ярко выраженного чувства общей политической цели, которое побудило бы западноевропейцев воспользоваться упадком Советского Союза для установления более тесных связей с их восточноевропейскими собратьями.

8. *Неядерная война на третьем главном стратегическом фронте, причем Соединенные Штаты смиряются с поражением в неядерном конфликте в Персидском заливе.* Советский Союз в данном случае может воспроизвести свои действия в Афганистане: сначала дестабилизировать своих южных соседей, а затем ввести войска, считая, что реакция США в соответствии с «доктриной Картера» не приведет к ядерной эскалации.

9. *Вспышка конфликта в одном из двух взрывоопасных регионов на земном шаре (Ближний Восток или Южная Африка) без прямого военного столкновения между СССР и США, но при расширенной региональной экспансии политического влияния Советского Союза.* Любой региональный конфликт на Ближнем Востоке или в Южной Африке неизбежно увеличивает политические возможности для Советского Союза, хотя неспособность СССР обеспечить решающую военную поддержку может негативно отразиться на эффективной реализации представившихся политических возможностей.

10. *Расчленение Ирана или Пакистана при одновременном установлении политического влияния Советского Союза в Персидском заливе.* Это влияние может быть достигнуто первоначально путем политического раскола, происшедшего отчасти при прямом поощрении Советов, а затем в результате постепенного введения советских вооруженных сил.

11. *Превращение Западной Европы в группу нейтралитских не по форме, а по существу государств при одновременном уменьшении влияния США и росте влияния СССР.* Возникновение такого нейтралитета де-факто, очень веро-

ятно, станет постепенным процессом при последовательном отделении европейских стран от Соединенных Штатов в решении неевропейских проблем, причем Западная Германия все больше будет приспосабливаться к внешнеполитическим потребностям Советского Союза в обмен на более тесные внутригерманские связи.

12. Продолжение нынешних тенденций: Советский Союз деградирует экономически, остается неизменным политически и по-прежнему могущественным в военном отношении. Он ревниво оберегает свою приходящую в упадок империю в Восточной Европе. В отношениях с Соединенными Штатами не происходит никаких крупных сдвигов при продолжающемся соперничестве на трех главных стратегических фронтах. Этот сценарий подразумевает продолжающееся национальное соперничество, которое в целом остается без изменений. Такой вариант проще всего представить мысленно, хотя история учит нас предполагать возможные крутые изменения в течении событий.

Оценка угрозы, так же как и этот перечень возможных сценариев, создает необходимый отправной пункт для определения того, какой должна быть политика США. Задачей такой политики должно быть стремление избежать самых опасных сценариев и обеспечить реализацию наиболее желательных из них, не забывая при этом о том, что Советский Союз подобен гиганту со стальными руками, но проржавевшим нутром. Он может сокрушить своих более слабых оппонентов, но распространяющаяся коррозия съедает его систему.

ГЛАВА V. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ИМПЕРАТИВЫ США

Главный вывод, вытекающий из характера советской опасности, сводится к следующему: стоит только нейтрализовать военную мощь Советского Союза, и он перестанет быть исторически грозным соперником. Поэтому основная задача американской стратегии — не дать Советскому Союзу возможности использовать военную силу для осуществления своих наступательных целей. Лишь добившись этого, Соединенные Штаты смогут перейти к решению конструктивных задач, направленных на смягчение наиболее враждебных проявлений советско-американского соперничества, и даже способствовать уменьшению непомерно раздутой советской империи.

Однако для нейтрализации советской военной мощи Соединенные Штаты должны сами располагать достаточной военной силой, чтобы: 1) свести на нет любые попытки Советского Союза запугать государства, имеющие важное значение для национальной безопасности США; 2) пресечь попытки СССР, используя собственную мощь или вооруженные силы своих союзников, расширить сферу своего политического контроля; 3) лишить советских руководителей уверенности в быстрой победе в обычной войне на любом из трех главных евразийских фронтов и усилить их неуверенность относительно возможности американской ядерной эскалации в случае такой войны; 4) противопоставить свою мощь военно-стратегическому потенциалу Советского Союза на всех уровнях ядерной эскалации; 5) сохранить обеспечивающий безопасность ядерный арсенал ответного удара, способный причинить советскому обще-

ству массированные разрушения даже после внезапного советского первого удара по стратегическим силам США.

Каждый из этих пяти стратегических императивов имеет важное значение для поддержания мира между СССР и США и предотвращения решающего сдвига мирового баланса сил в пользу Москвы. А это в свою очередь требует, чтобы американская военная мощь отвечала нескольким критериям. Она, в частности, должна быть политически убедительной, чтобы вселять уверенность в друзей и союзников. Это значит, она должна быть физически адекватной, чтобы защитить их в случае нападения или угроз, и политически достаточной, чтобы демонстрировать американскую волю. Ей должна быть присуща необходимая гибкость, позволяющая использовать эту мощь в различных геополитических, климатических и географических условиях, нередко в зонах земного шара, расположенных вдали от Соединенных Штатов. Американские обычные вооруженные силы должны быть достаточно могущественными, чтобы преградить Советскому Союзу путь к быстрой победе в напряженном неядерном конфликте. Оперативные планы должны предусматривать такое использование тактического ядерного оружия, которое не оставляло бы советскому военному командованию никакой надежды на возможность окончания обычной или ядерной войны на советских условиях. Но чтобы угроза ядерной эскалации обладала необходимой убедительностью, Соединенным Штатам нужно располагать таким ядерным арсеналом, который в состоянии выдержать советский первый удар и который можно было бы задействовать селективно на любом уровне — от тактического до стратегического — по самым разнообразным целям и в течение длительного периода.

Итак, США нужен единый военный потенциал для ведения боевых действий на земле, на море и в космосе, что является неременной предпосылкой для длительного и изнурительного *политического* соперничества за контроль

над нашей планетой. Ведя в глобальных масштабах решительную борьбу за Евразию, США и СССР всегда осознавали три фундаментальных геостратегических факта. Во-первых, только благодаря господству Соединенных Штатов на море удалось уберечь важные периферийные зоны центральной части Евразийского континента от доминирования Советского Союза. Во-вторых, если бы Советский Союз контролировал весь центральный евразийский массив, то он смог бы эффективно оспаривать американский контроль в Атлантике и в бассейне Тихого океана. В-третьих, если бы Советскому Союзу удалось добиться господства на море, то Соединенные Штаты превратились бы в изолированную и все более уязвимую крепость «Америка». Это в свою очередь позволило бы Москве выгодно использовать в своих целях антиамериканские настроения даже в Западном полушарии, то есть в непосредственной близости от границ США.

Но за последние 30 лет советско-американское соперничество приобрело еще одно, потенциально решающее измерение. Господство на суше и на море теперь стало зависеть от господства в космосе, и к перечисленным выше трем геостратегическим тезисам следует добавить и четвертый. Он гласит: господствовать на суше и на море будет та держава, которая господствует в космическом пространстве. Борьба за космос сменила борьбу за моря. В прежние времена страна, правившая на море, контролировала доступ к континентам, что давало ей власть над прибрежными государствами и в конце концов господство над самими континентами. В наше время военный контроль над космосом точно так же становится мощным рычагом принуждения к геополитическому повиновению на земле. В самом деле, учитывая огромную разрушительную силу ядерных средств, которые могут быть направлены против наземных целей, безраздельное превосходство в космосе может приобрести более важное значение, чем когда-то имело

господство на море. Господство в космосе может быстро обернуться фундаментальными геополитическими выгодами на земле. Не подчиниться политическим требованиям державы, обладающей бесспорным превосходством в космосе значит навлечь на свою страну разрушения, не имея необходимых средств для ответного удара. Не в пример битвам на суше, но подобно морским сражениям, соперничество в космосе разворачивается не ради военной добычи, а ради приобретения стратегических средств давления.

Соединенные Штаты должны позаботиться о том, чтобы Советский Союз эту схватку не выиграл. Можно себе представить, что нерушимые и твердые советско-американские договоренности в состоянии предотвратить размещение в космосе как наступательных, так и оборонительных систем. Подобные договоренности, однако, должны быть самым тесным образом увязаны с такими же обязательными и взаимно стабилизирующими ограничениями на забрасываемое через космическое пространство наступательное оружие наземного базирования. В противном случае Соединенные Штаты будут вынуждены предпринять шаги по двум направлениям: во-первых, позаботиться о приобретении способности к ведению военных действий, ограниченных сферой космоса (по аналогии с морскими сражениями прошлого), чтобы при необходимости подтвердить свой безраздельный контроль над космическим пространством; во-вторых, разместить в космосе по меньшей мере оборонительное оружие, чтобы обеспечить глубоко эшелонированную защиту от советских стратегических систем, нацеленных на Соединенные Штаты и их союзников.

Эти изложенные в общих чертах стратегические императивы оказывают самое непосредственное влияние на формирование целей, которые ставят перед собой США на переговорах с Советским Союзом по вопросам контроля над вооружениями; на процесс модернизации американ-

ской стратегической доктрины и стратегического потенциала США с учетом наличия или отсутствия соглашений о контроле над вооружениями; на развертывание и распределение в глобальных масштабах обычных американских вооруженных сил; на роль технологии в решении такой чрезвычайно важной задачи, как нейтрализация советской военной мощи.

***Контроль над вооружениями:
угроза стратегической импотенции***

В глазах многих благонамеренных американцев контроль над вооружениями — это кратчайшая дорога к миру и безопасности. Для советского же руководства — это инструмент достижения стратегического превосходства. Следует хорошо уяснить себе истинные возможности и границы применимости контроля над вооружениями, иначе его наиболее крайние проявления в один прекрасный день доведут Соединенные Штаты до состояния стратегической импотенции.

Главная опасность слишком активной кампании за контроль над вооружениями — заражение американской стратегии бациллой пацифизма. Стратегия в международных делах предполагает наличие определенной доктрины и набора технических приемов, с помощью которых, опираясь на военную мощь, обеспечивается достижение поставленных целей политическими или военными средствами. Обладание способностью воспрепятствовать противнику в достижении победы с помощью военной силы — таково неременное условие успешного политического соперничества. Другими словами, стратегия и сила органически связаны между собой. Пацифизм — этот естественный продукт демократических условий — отражает вполне понятное и морально оправданное отрицание общественной насилья как средства разрешения споров. Его наиболее примитивная форма выражается в готовности к одно-

стороннему разоружению под лозунгом «лучше красный, чем мертвый». Более изоциренный — и связанный со стратегией — вариант пацифизма делает контроль над вооружениями центральным элементом советско-американских отношений, почти фетишизирует переговоры по этой проблеме и усматривает в них ключ к устранению кошмара ядерного оружия.

Проблематичность такого подхода, который скорее служит выражением эмоций, а не доктрины, состоит в первую очередь в том, что он проявляется лишь в плюралистических и демократических обществах: в Советском Союзе не мыслимо независимое лобби по вопросам контроля над вооружениями. Во-вторых, данный подход концентрирует внимание не на причинах, а на последствиях советско-американской напряженности и их угрозе миру. Полностью игнорируется тот факт, что гонка вооружений является результатом более глубокого, исторически обусловленного политического конфликта. Многие активные поборники идеи контроля над вооружениями оставляют без внимания главный урок сорокалетней истории советско-американского соперничества: без сдержанности, продиктованной страхом перед разрушительной силой ядерного оружия, обе сверхдержавы, по всей вероятности, уже не развернули бы военные действия одна против другой.

Между тем фанатизм в вопросе контроля над вооружениями подрывает сами основы конструктивного подхода к данной проблеме. На американских творцов решений оказывается массированное политическое давление, имеющее целью вынудить их пойти на уступки Москве ради заключения соглашений. В то же время советские руководители вовсе не испытывают на себе аналогичного давления. Кроме того, начиная с середины 70-х гг. многие из наиболее рьяных сторонников контроля над вооружениями активно выступали пробив развертывания Соединенными Штатами новых систем стратегического оружия. Таким об-

разом, у руководителей в Кремле появился дополнительный стимул для затягивания переговоров. Они терпеливо ждут того момента, когда политическое давление заставит американцев пойти на односторонние уступки, и с радостью наблюдают за тем, как постепенно эродирована программа модернизации стратегического потенциала США. Тем временем переговоры о заключении действительно стабилизирующего соглашения о контроле над вооружениями еще больше осложнились.

Не случайно советские официальные лица и пропагандисты являются частыми гостями различных американских учреждений и форумов, где обсуждаются проблемы контроля над вооружениями. В то время как в Советском Союзе отсутствуют организации, которые могли бы оказывать влияние на принимаемые Москвой стратегические решения, американские поборники идеи контроля над вооружениями дают Кремлю уникальную возможность мобилизации американского общественного мнения против военной программы США и воздействия на американское стратегическое мышление и даже открывают доступ к внутриамериканским дискуссиям по вопросам стратегии и нововведений в области военной технологии. Таким путем Советский Союз стал, по существу, косвенным участником диалогов по вопросам американской стратегии, получив хорошую возможность оказывать влияние и собирать военно-разведывательную информацию.

Подобное извращение первоначального смысла общеамериканских дискуссий по проблемам, имеющим важное значение для выживания нации в ядерную эпоху, — одно из самых разрушительных последствий безудержного пацифизма, возникшего из идеи контроля над вооружениями. Чтобы сформулировать работоспособную политику при наличии потенциала взаимного гарантированного уничтожения, необходимо обладать политическим благоразумием, техническим опытом и определенным понима-

нием стратегических концепций противника. В других демократических странах, располагающих ядерным оружием, например, во Франции или Великобритании, проблемы стратегического выживания или создания независимых ядерных сил обсуждаются в значительно более уравновешенной манере, хотя эти страны по сравнению с Соединенными Штатами гораздо более уязвимы по отношению к разрушительному удару Советского Союза. В Америке же публичные дискуссии по стратегическим проблемам в последние годы подменялись вводными в заблуждение лозунгами и политическими мистификациями, которые, вызывая всплеск эмоций, отвлекали от аргументированных дебатов.

Хорошей иллюстрацией к сказанному являются два последних примера: дискуссии вокруг предложений относительно «отказа от применения ядерного оружия первыми» и «замораживания» ядерных арсеналов. В начале 80-х гг. сторонники контроля над вооружениями решительно настаивали на том, чтобы Соединенные Штаты взяли на себя торжественное обязательство не применять первыми ядерного оружия даже в случае нападения советских обычных вооруженных сил на Западную Европу. Положение о том, что ядерная война никогда не начнется, если обе сверхдержавы возьмут на себя обязательство не применять ядерное оружие первыми, предлагалось в качестве ответа на сложный и жизненно важный вопрос о взаимозависимости при защите Европы между эффективной обороной с использованием обычных вооруженных сил и ядерным устрашением.

Впоследствии поборники контроля над вооружениями несколько видоизменили свои позиции и согласились, что, конечно, НАТО должна укреплять свои обычные вооруженные силы. Однако факт остается фактом, что НАТО вряд ли когда-либо повысит их боеспособность до уровня, равного мощи советских обычных вооруженных сил.

Таким образом, с точки зрения чисто стратегической значимости для Кремля выдвигаемые наиболее ревностными сторонниками контроля над вооружениями предложения представляют собой, по сути дела, ничем не ограниченные американские гарантии Москве и означают, что Советский Союз может добиться победы в обычной войне в Европе, не опасаясь ядерной эскалации.

В ходе президентской предвыборной кампании 1984 г. демократическая партия подобным образом выступила в поддержку идеи замораживания производства и размещения ядерного оружия. По существу, тема замораживания ядерных арсеналов стала главным вкладом демократической партии в общенациональные дебаты относительно оценки деятельности администрации в вопросах, имеющих стратегическое значение. Республиканцы пришли к власти в 1981 г., пообещав укрепить стратегический потенциал США, но не сумели решить проблемы МБР «МХ».

Во-первых, политические соображения побудили администрацию отказаться от одобренного Конгрессом в период демократического правления решения о размещении на западе США 200 «неуязвимых» пусковых установок с 2 тыс. ракет. Затем из-за стратегической некомпетентности правительство начало отстаивать такой «уязвимый» метод размещения «МХ», что конгресс оказался вынужденным сократить число ракет менее чем до 50. Так что материала для критики вполне хватало.

Однако вместо участия в столь необходимых публичных дискуссиях демократическая партия переключила внимание на защиту предложения о замораживании ядерных арсеналов. Это была уступка давлению, оказанному сторонниками контроля над вооружениями на предварительных выборах.

Между тем проблема замораживания представляла собой всего лишь иллюзию. Она создавала ложное представление о существовании простого выхода из мира не-

определенностей, порождаемых продолжающейся гонкой вооружений.

Ведь даже самые ревностные сторонники предложения пока не смогли точно определить, что и как следует «заморозить». Чтобы ответ звучал убедительно, потребовалось бы точно назвать и конкретные системы вооружения, подлежащие «замораживанию», и меры, позволяющие удостовериться в том, что соглашение о «замораживании» не будет обойдено под предлогом использования атомной энергии в мирных целях, и технические средства и условия поэтапного контроля за производством вооружений, и стратегические последствия как эффективного «замораживания», так и односторонних нарушений. Словом, проблема была представлена в форме лозунга, а не в виде серьезной разработки стратегического варианта.

Аналогичные эмоции и не относящиеся к делу дебаты вызвала провозглашенная президентом Рональдом Рейганом в марте 1983 г. стратегическая оборонная инициатива (СОИ). Выдвинутая президентом без должной предварительной подготовки и преподнесенная в туманных и даже утопических выражениях СОИ прямо-таки напрашивалась на критику. Вместе с тем, учитывая важное значение проблемы ядерного сдерживания, она заслуживала более внимательного изучения. Но до этого не дошло. Первыми с нападками на СОИ выступили многие активные противники ракет «МХ» и самые последовательные поборники предложений о замораживании ядерных арсеналов и об отказе от применения ядерного оружия первыми.

Требовалось же внимательно исследовать ряд вопросов: не сделает ли с течением времени развертывание наступательных вооружений более ненадежным механизм сдерживания, основанный на угрозе взаимного гарантированного уничтожения, и нельзя ли реализовать альтернативу стратегической обороне в одностороннем порядке

или в результате двустороннего соглашения с СССР таким путем, чтобы она укрепила взаимную безопасность?

Вместо этого сразу же было заявлено, что программа СОИ — это подготовка к «звездным войнам», что она обязательно приведет к эскалации гонки вооружений и что ее первой жертвой станут договоренности о контроле над вооружениями. Не удивительно, что Советский Союз оказал самую горячую поддержку выдвинутым в Соединенных Штатах аргументам в пользу замораживания ядерных арсеналов и против стратегической оборонной инициативы. И хотя подобные размышления не должны быть единственным фактором, определяющим американскую позицию, тем не менее полезно не забывать, что советская реакция ясно показывает, какое решение, по мнению Москвы, было бы наиболее благоприятным для ее интересов.

Доводы, выдвинутые против СОИ учеными — активными участниками политических акций сторонников контроля над вооружениями, представляли собой набор противоречивых утверждений. Эти люди пытались доказать, что с технической точки зрения стратегическую оборону создать невозможно, что она потребует непомерных денежных затрат, что для ее преодоления Советский Союз без труда найдет эффективные контрмеры, что она окажет на международную обстановку в высшей степени дестабилизирующее влияние, заставит СССР последовать примеру США и, таким образом, перенесет гонку вооружений в космическое пространство. Но позвольте! Если программа СОИ технически неосуществима, в финансовом отношении разорительна, а с военной точки зрения ненадежна, то тогда не ясно, каким образом СОИ может дестабилизировать обстановку и почему Советский Союз возражает против столь неблагоприятного для Америки проекта? И не понятно, зачем Советам понадобится копировать ошибочную программу? В этих аргументах отразилось глубоко укоренившееся нежелание признать неприятную реаль-

ность наших дней. До тех пор пока советско-американские отношения существенно не улучшатся, стратегической стабильности придется добиваться не с помощью хитроумных договоров, а через односторонние инициативы, основанные на технических новшествах.

Подобная перспектива особенно не устраивает тех, кто считает контроль над вооружениями определяющим фактором советско-американских отношений и кто доказывает, что тайные переговоры должны быть отделены от геополитических конфликтов, которые в первую очередь питают и поддерживают напряженность между Советским Союзом и США. Попытка вычлнить проблему контроля над вооружениями из геополитического контекста опасна и наносит вред прежде всего самой идее контроля над вооружениями. Такой подход поощряет СССР на агрессивную политику даже в периоды ведения переговоров по контролю над вооружениями.

Так случилось в Анголе сразу же после заключения соглашения по ОСВ-1 в 1972 г. и встречи глав государств во Владивостоке в 1974 г. То же самое произошло в Эфиопии и в Афганистане во время переговоров по ОСВ-2 и в период дебатов, предшествовавших ратификации этого договора. В конце концов безразличие сторонников контроля над вооружениями к советским акциям подобного рода вызвало совершенно естественную публичную реакцию, направленную против любых соглашений о контроле, в том числе и против таких, которые были бы в интересах Соединенных Штатов.

По понятным причинам Советский Союз выступает за отделение проблемы контроля над вооружениями от геополитики. Это позволяет ему вести политическую борьбу, одновременно извлекая выгоду из представления о том, что политическое соперничество уменьшилось. Советские руководители вполне осознают тот факт, что американский

народ, а также средства массовой информации склонны чересчур обобщать состояние советско-американских отношений, характеризуя их или исключительно хорошими (особенно в преддверии подписания соглашений о контроле над вооружениями), или же не иначе как враждебными (главным образом в периоды региональных кризисов). Эйфория, созданная различными международными договорами по контролю над вооружениями, имеет тенденцию сдерживать реализацию американских военных программ, в первую очередь в области стратегических вооружений, и смягчать американскую геополитическую реакцию на советские выпады. Соглашения по ОСВ, которые формально не препятствовали усовершенствованию американского или советского стратегического потенциала, тем не менее, все-таки помешали модернизации вооруженных сил США. Как известно, в американских политических кругах стало складываться мнение, что нужда в подобных военных программах отпала и что они противоречат духу и букве советско-американских договоренностей по вооружениям. Контроль над вооружениями, таким образом, не стал средством, укрепляющим взаимную безопасность, а превратился в используемый Советами политический инструмент одностороннего разоружения противника.

История переговоров по ОСВ-1 и ОСВ-2 чрезвычайно поучительна. В ходе этих переговоров Советский Союз все время стремился поддерживать впечатление, что между сторонами достигнуто значительное взаимопонимание. Советское руководство особо выделяло подписанные Брежневым и Никсоном «Основы взаимоотношений между СССР и США» и с пафосом объявило о начале эпохи разрядки, но в то же самое время настойчиво проводило в жизнь свои агрессивные планы и старалось всячески затормозить развитие стратегического потенциала США. Усилия Советского Союза направлялись в первую очередь не на создание подлинной и взаимной безопасности, а на

то, чтобы не допустить принятия Соединенными Штатами на вооружение новых стратегических систем.

Такая тактика, вне всякого сомнения, обуславливалась отчасти исключительно уважительным отношением в Москве к американской технике и технологии, поскольку там понимали, что им не выдержать честного и открытого соревнования в области производства оружия. В какой-то степени этот курс объяснялся и желанием во что бы то ни стало удержать приобретенное в 70-е гг. превосходство в «контрсилловых» системах, которых было вполне достаточно, чтобы серьезно угрожать МБР Соединенных Штатов. Учитывая важную роль советских военных специалистов в формировании позиции Москвы на переговорах по контролю над вооружениями, можно предположить, что решение относительно сохранения данного стратегического преимущества было прямо связано с советским военным планированием.

Но контроль над вооружениями затрагивает не только военное равновесие — Советский Союз продемонстрировал свою чувствительность к политическому аспекту проблемы. Хотя при оценке военной мощи количественные подсчеты могут привести к ошибкам, численность стратегических систем имеет немаловажное политическое значение. Во время встречи глав государств в 1974 г. в Москве один из высокопоставленных американских чиновников однажды на пресс-конференции воскликнул: «Ради всего святого, что же такое стратегическое превосходство?» На предварительных переговорах Соединенные Штаты согласились с формулировкой, разрешающей Советскому Союзу иметь большее — в сравнении с Соединенными Штатами — число баллистических ракет морского базирования и дополнительно еще 308 тяжелых ракет, которыми США не располагали. Советские руководители были явно довольны общественным восприятием советского стратегического превосходства. Они очень хорошо понимали, что

в международных делах сила и престиж неотделимы друг от друга.

Сказанное вовсе не означает, что мы должны отказаться от контроля над вооружениями. Но к нему надо идти с четким пониманием того ключевого факта (который нужно открыто признать и постоянно о нем напоминать), что контроль над вооружениями — это лишь одна из составных частей нашей национальной оборонительной политики, а вовсе не ее заменитель. Соглашения по контролю над вооружениями не должны предполагать ни политического, компромисса, ни прекращения стратегического соперничества. В действительности вопрос о новшествах в технологии оружия всегда будет неперменной темой любых договоров о контроле над вооружениями, если, конечно, не случится невероятное и не будет достигнуто всестороннее и поддающееся контролю соглашение, увязанное к тому же с серьезным политическим компромиссом.

В условиях, когда столь радикальных сдвигов в советско-американских отношениях не предвидится, самый обнадеживающий путь к контролю над вооружениями — выработка в узкоспециализированных, в высшей степени конкретных, может быть, лишь «промежуточных» договоренностей, которые должны предусматривать надежную проверку, включая инспектирование на местах мобильных пусковых установок.

Эти договоренности должны решать центральные проблемы, связанные с уже существующими или подготовленными к развертыванию системами оружия, представляющими наибольшую угрозу безопасности сторон. Нельзя забывать, что численное сокращение само по себе — это еще не контроль над вооружениями. Подлинный контроль должен сопровождаться укреплением безопасности обеих сторон. Он требует гораздо более тонкого сбалансирования, а не только простой количественной симметрии. В случае ядерной войны ни Соединенным Штатам, ни Советскому Сою-

зу в обозримом будущем не избежать огромных разрушений, поэтому контроль над вооружениями должен предусматривать меры по устранению в перспективе опасности упреждающего удара, имеющего целью уничтожить стратегический потенциал противника и лишить его способности к возмездию. А это значит, что в первую очередь следует сосредоточить внимание на достижении договоренностей относительно ограничения и сокращения систем, которые могут быть использованы или созданы для стратегической атаки, а не для ответного удара.

Словом, меньше — не обязательно лучше. Соглашение, предусматривающее простое уменьшение стратегического ядерного арсенала — скажем, на 50%, — неминуемо создаст большую нестабильность, ибо у обеих сторон может остаться *пропорционально больше* систем первого удара, ведь каждая из сторон постарается в первую очередь демонтировать старые и менее точные системы. В будущих всеобъемлющих договорах о контроле над вооружениями главное внимание следует сосредоточить не на количественных сокращениях, а на качественных ограничениях. Число систем, способных нанести точный первый удар, должно быть ниже уровня, который необходим для того, чтобы такой удар был бы эффективным в военном отношении.

Это потребует существенного сокращения нынешних главных «контрсиловых» вооружений Советского Союза (ракет «СС-18») примерно до уровня, предложенного Соединенными Штатами в 1977 г.: не более 150 пусковых установок с 1500 боеголовками. Кроме того, необходимо установить соответствующий лимит на советские баллистические ракеты морского базирования, способные к нанесению «контрсилового» удара, и на новые МБР «СС-24» и «СС-25». Для американской стороны соответствующие лимиты должны были бы распространяться на ракеты «МХ», «Трайидент Д-5» и мобильные ракеты «Миджитмен».

Подобные ограничения, кроме того, должны сопровождаться строгим запрещением на развертывание любых новых высокоточных баллистических ракет или на дальнейшую модернизацию существующих. Все без исключения сокращения и запрещения должны сопровождаться абсолютно надежным контролем.

Достижение договоренностей по проверке, затрудненное из-за советской склонности к секретности, станет еще сложнее в результате развития боевой техники. Каким образом, спрашивается, можно было бы проконтролировать количество мобильных установок? Или как отличить крылатые ракеты с ядерными боеголовками от таких же ракет, оснащенных обычными взрывными устройствами? По всей видимости, здесь не обойтись без проверки на местах, и Соединенные Штаты не должны соглашаться с какими-либо ограничениями, которые они не в состоянии надежно проконтролировать. Альтернативой проверке на местах может явиться тотальный запрет на мобильные пусковые установки для МБР и, возможно, на определенном этапе — на испытания баллистических ракет в полете, поскольку всеобщее запрещение легче контролировать. В любом другом случае у Советского Союза может появиться стимул к обману.

Учитывая, что проверка — это ключ к неукоснительному соблюдению условий договоренностей и, следовательно, к взаимному доверию, американская сторона должна уделить больше политического внимания вопросу о военной секретности в Советском Союзе, ибо последняя негативно влияет на решение проблемы контроля над вооружениями. Стратегическая секретность в СССР — это, по сути дела, серьезная угроза стабильности советско-американских отношений. Не многим известно, что даже на переговорах о контроле над вооружениями сведения *и* о советских, *и* об американских системах оружия представлены исключительно американской стороной. Советский

Союз ведет переговоры исходя из этих данных и сохраняя молчание относительно действительных размеров своего арсенала. Доступных советских источников, в которых указывались бы количественные и качественные характеристики советского оружия, не существует. Официальный военный бюджет СССР — это сплошной обман, а советские наступательные и оборонительные системы создаются и развертываются в обстановке строжайшей секретности.

Тот факт, что военное планирование, а также создание и развертывание военной техники в СССР совершаются в глубокой тайне, порождает атмосферу страха и подозрительности и заставляет предполагать, что контроль над вооружениями, возможно, рассматривается некоторыми руководителями главным образом как временная передышка, имеющая целью вызвать у Соединенных Штатов ложное чувство безопасности. Советская скрытность опасна еще и тем, что Соединенные Штаты могут зависеть советский стратегический потенциал и по этой причине пойти на ответные меры, что в свою очередь толкнет Советы на дальнейшую эскалацию гонки вооружений. Следовательно, советская скрытность в стратегических вопросах просто несовместима с подлинным, укрепляющим доверие контролем над вооружениями. Постепенное избавление СССР от излишней склонности к секретности в сочетании с американской откровенностью относительно стратегических планов — таковы неперемennые условия любых всеобъемлющих договоренностей по контролю над вооружениями. Соединенные Штаты обязаны настаивать на соблюдении этих условий.

Договоры о контроле над вооружениями должны сопровождаться и подкрепляться соглашениями, гарантирующими безопасность размещенных в космосе спутников раннего предупреждения и разведки. В июльском номере «Уолл-стрит джорнэл» за 1985 г. Альберт Уолстеттер и Брайан Чау выдвинули интересные предложения о вы-

делении в космосе особых зон для размещения или американских, или советских спутников. Проникновение спутников одной стороны в заповедную зону другой стороны будет запрещено. Каждая из сторон обладала бы правом уничтожать без предупреждения любой объект, проникший в чужую сферу преднамеренно или случайно. Обе стороны извлекли бы только выгоду из подобной договоренности, поскольку она обезопасила бы спутники от внезапного нападения.

Одно из серьезных препятствий на пути установления подлинного контроля над вооружениями — это отсутствие у Соединенных Штатов хороших козырей для торга. Развертывание ракет «МХ» — достаточно мощных и точных, чтобы заставить советское руководство принять во внимание потенциальную уязвимость собственных МБР наземного базирования, центров управления и мест укрытия, — сдерживается как оппозицией в конгрессе, так и неумелыми действиями администрации Рейгана. Развертывание ракет «Д-5» начнется не раньше середины 90-х гг., причем в количестве, явно недостаточном для оказания давления на советский стратегический потенциал. Будущее ракет «Миджитмен» и даже их стратегическая целесообразность — под большим сомнением. Введенные конгрессом ограничения на мощность этой ракеты могут уменьшить ее поражающую способность, а мобильный вариант, вероятно, будет слишком дорогостоящим и неприемлемым в политическом отношении.

В данных условиях поиск стратегической безопасности через контроль над вооружениями еще более затрудняется и реальные очертания приобретает угроза того, что подписанные под внутренним политическим нажимом соглашения сдержат развитие в США стратегически важных новшеств. Возможным результатом подобного развития станет стратегическая импотенция Соединенных Штатов.

Взаимная стратегическая безопасность

И Соединенные Штаты, и Советский Союз должны быть одинаково заинтересованы в достижении взаимной стратегической безопасности (ВСБ). ВСБ означает, что каждая из сторон находится в стратегической безопасности, состоящей в осознании того, что первый обезоруживающий удар по противнику с военной точки зрения бесполезен, и в уверенности в том, что первый удар со стороны противника равносителен самоубийству. По существу, концепция ВСБ включает основные моменты доктрины «взаимного гарантированного уничтожения»: и в том и в другом случае санкции идентичны. Различие же состоит в том, что в ВСБ основной упор делается на выживаемость собственного стратегического арсенала, на поддержание гибких стратегических контрсилловых средств, необходимых для ведения избирательных военных действий и, таким образом, для сдерживания потенциального ядерного конфликта любого уровня.

К ВСБ можно идти двумя путями. Наименее дорогостоящий — по описанной выше схеме. Но если достижение концептуального взаимопонимания в вопросах стратегической конвергенции окажется невозможным, то ВСБ можно и нужно искать в одностороннем порядке. В самом деле, односторонние американские усилия, возможно, со временем убедят советское руководство в том, что искренние договоренности по контролю над вооружениями предпочтительнее бесконечного соперничества. Реальный контроль над вооружениями обещает большую взаимную предсказуемость действий и стабильность и способен усилить взаимную безопасность с гораздо меньшими затратами, чем бесконечная гонка вооружений. Но Москву в этом не убедить до тех пор, пока она может надеяться использовать контроль над вооружениями в качестве инструмента, пригодного для того, чтобы удержать США от стратегиче-

ских нововведений, одновременно сохраняя или даже увеличивая советское превосходство в стратегических системах первого удара.

Односторонние усилия Соединенных Штатов по укреплению взаимной безопасности потребуют внесения изменений в стратегическую доктрину и практику. Нельзя сказать, что Соединенные Штаты располагают четкой и последовательной стратегической доктриной, позволяющей тесно увязать военную мощь с внешней политикой, или что у них есть единая геостратегическая доктрина ведения войны. Однако они обе потребуются, когда возникнет необходимость силой подкрепить американскую внешнюю политику и реально сдержать попытки развязать ядерную войну. Некоторая работа по определению соответствующих руководящих принципов началась в первой половине 70-х гг., когда по инициативе тогдашнего министра обороны Дж. Шлесинджера СНБ подготовил меморандум № 242, давший президенту большую гибкость в выборе ответных мер на ядерное нападение. Еще более честолюбивые планы возникли в период правления администрации Картера, когда он одобрил целый ряд предложений сотрудников СНБ, направленных на модернизацию и уточнение стратегических позиций Соединенных Штатов.

Значительный общественный резонанс вызвала президентская директива № 59, подписанная в июне 1980 г. Она ознаменовала собой новый этап в эволюции американской стратегической мысли. Права президента были расширены за рамки предварительно запланированных вариантов. Была подчеркнута необходимость при выборе целей концентрировать силы на военных объектах, на советской военной промышленности, на средствах связи и центрах управления и контроля, на системах наблюдения и сбора информации. В этой доктрине вопрос выживаемости аналогичных американских объектов, сооружений и центров, имеющих важное значение для руководства не

только стратегическими, но и обычными вооруженными силами в условиях затяжного военного конфликта, толковался в более широком плане.

Директива № 59 предписывала создать специальные средства для распознавания новых и подвижных целей и ведения огня в боевых условиях. «Неуязвимый» стратегический резерв был увеличен для того, чтобы он мог реально влиять на ход военной кампании, а не только оказывать психологическое давление. И наконец, эта директива впервые связала воедино политику приобретения оружия с политикой его использования.

Не столь широко известны, но не менее важны две предшествовавшие президентские директивы, подписанные в 1978 г. В первой из них — за № 41 — прямо указывалось, что Соединенные Штаты должны стремиться к «усилению фактора сдерживания и стабильности в увязке со стратегическими наступательными и другими *стратегическими оборонительными силами США*» и с целью «сужения возможностей оказания на США давления в кризисных ситуациях». В президентской директиве № 53 предусматривались определенные меры безопасности, необходимые «даже в случае затяжного ядерного конфликта». В этих директивах отразились новые стратегические перспективы, которые отстаивал и автор данной книги, в то время помощник президента по национальной безопасности, и его военный советник генерал Уильям Одом. На наш взгляд, ядерная война не обязательно должна была принять форму кратковременной, бурной катастрофы, для предотвращения которой лучше всего подходит политика, основанная на доктрине «взаимного гарантированного уничтожения». Мы считали, что ядерная война может вылиться в столкновения различной степени интенсивности и длиться какое-то время. Отсюда следовал вывод: чтобы успешно вести и (еще важнее) своевременно предотвращать подоб-

ные войны, Соединенные Штаты должны обладать сочетанием как наступательного, так и оборонительного потенциала.

Такое сочетание придало бы Соединенным Штатам базовую стратегическую уверенность. Не абсолютную неуязвимость к ядерному оружию противника в масштабе всей страны, основанную на совершенно непреодолимой обороне, а необходимый уровень стратегической безопасности в условиях проведения в основном оборонительной политики. Не способность к нанесению Соединенными Штатами первого, обезоруживающего удара, а возможность не позволить этого сделать потенциальному противнику. Не менее важно и то, что, располагая этой базовой стратегической уверенностью, Соединенные Штаты обрели бы требуемую гибкость, позволяющую и в дальнейшем рассчитывать на ядерное сдерживание советского нападения с применением обычных вооружений, что невозможно при американской стратегической неполноценности или уязвимости.

Стратегическая позиция Соединенных Штатов, основанная на сочетании средств нападения и защиты, должна перечеркнуть наступательные замыслы Москвы. Советский стратегический потенциал состоит главным образом из систем первого удара и усилен тайно разработанной стратегической обороной. Но чтобы извлечь из своего положения политическую или военную выгоду, советской стороне — в качестве неременной исходной предпосылки для начала любой крупной акции — нужна абсолютная уверенность в собственном военном превосходстве. Расчет Советов на это будет очень затруднен, если американская позиция будет сочетать в себе комбинацию из наступательных и оборонительных стратегических средств. Таким образом Соединенным Штатам будет проще затруднить Москве планирование агрессивной войны, чем Советскому Союзу добиться заметного ядерного превосход-

ства путем развертывания дополнительных наступательных систем.

Двухпартийные поиски новых подходов к проблеме стратегической безопасности завершились в марте 1983 г., когда президент США Рейган объявил о СОИ. Хотя в его публичных высказываниях внимание концентрировалось прежде всего на более честолюбивых и отдаленных планах создания надежной защиты для всего гражданского населения США, программа СОИ в первую очередь побудила к активному изучению вопроса о целесообразности ограниченной стратегической обороны. Действительно, давно пришло время учесть те изменения в возможностях применения ядерного оружия, которые произошли за последние 40 лет. Как известно, сначала ядерные средства представляли собой весьма неточное оружие массового уничтожения, предназначенное для использования против врага, не располагающего аналогичным потенциалом. Однако американская ядерная монополия сохранялась лишь до начала 50-х гг. В 60-е и 70-е гг. ядерное оружие обеих стран превратилось в инструмент сдерживания угрозой ответного удара, концептуально выраженного в доктрине «взаимного гарантированного уничтожения». В 80-е гг. точность ядерных средств повысилась настолько, что появилась возможность использовать их для превентивного обезоруживающего удара.

В этих новых условиях назрела необходимость внести существенные поправки в американскую стратегическую доктрину и практику. Один лишь контроль над вооружениями обеспечить стабильность оказался не в состоянии. Появилась опасность, что отныне уязвимыми к гарантированному уничтожению останутся только Соединенные Штаты, в то время как Советский Союз получит возможность использовать обычные вооруженные силы более решительно.

Соединенные Штаты должны вступить в XXI век, располагая разумной комбинацией наступательных и оборонительных стратегических сил, чтобы противостоять политическому давлению со стороны Советского Союза, не допустить его военной победы, а также для того, чтобы поддерживать действенное и гибкое ядерное сдерживание агрессии советских обычных войск в регионах, имеющих важное значение для национальной безопасности США. Вместе с тем стратегические наступательные системы Соединенных Штатов должны быть сознательно ограничены таким количеством, которое *не создает* угрозы обезоруживающего первого удара. Поэтому американские системы первого удара — ракеты «МХ» и «Трайдент Д-5» и еще более сложные вооружения будущего — нужно со всей тщательностью нацелить только на часть наиболее важных средств ведения войны СССР. Нельзя лишать советскую сторону уверенности в том, что при любых обстоятельствах она все же сохранит необходимый потенциал ответного удара, достаточный для уничтожения американского общества. По этой же причине дальнейшую модернизацию стратегических сил Соединенных Штатов следует проводить таким образом, чтобы не поставить под угрозу весь ядерный потенциал Советского Союза. По крайней мере половину американского ядерного арсенала должны составлять системы главным образом второго удара (например, крылатые ракеты).

Важным аспектом американской стратегии «нацеливания» является тот факт, что самые действенные наступательные системы СССР размещены вдоль главных железнодорожных магистралей, включая Транссибирскую железную дорогу. В случае вооруженного конфликта, в котором главными целями были бы не советское и американское общества в целом, а исключительно военные объекты обеих держав, население Великобритании, размещение которого поразительно совпадает с местами сосредото-

ния МБР, оказалось бы в незавидном положении. Кремлевские руководители великой российской империи не могут не учитывать это обстоятельство.

Соединенные Штаты рисковали бы собственной безопасностью, если бы проявили одностороннюю сдержанность в развертывании «контрсилловых» систем и если бы усилия на стратегическом уровне ограничились бы избирательным и частичным усовершенствованием наступательных систем. Одновременное создание ограниченной стратегической обороны, следовательно, не просто желательно, оно жизненно необходимо. Задача стратегической обороны не в том, чтобы играть роль щита для всего населения страны, а в том, чтобы лишить Советский Союз всякой возможности уничтожить стратегический потенциал США. Это позволит усилить действенность стратегического сдерживания и предупредить нападение советских обычных вооруженных сил, поскольку придаст Соединенным Штатам уверенность, необходимую для твердых ответных мер на всех уровнях в любом из международных конфликтов.

Ограниченной стратегической обороне — как уже явствует из самого названия — не нужно быть безупречной. Можно привести много доводов в пользу даже «дырявой» двухъярусной обороны, при которой средства космического базирования уничтожают вражеские ракеты на активной фазе их полета, а стационарные средства обороны наземного базирования перехватывают и уничтожают приближающиеся боеголовки. Одно из главных последствий такой обороны — высокая степень неопределенности в предсказании результатов ядерного нападения. Ученые признают принципиальную возможность создания подобной ограниченной стратегической обороны, чего нельзя сказать о более честолюбивых планах возведения практически непробиваемой защиты для всего гражданского населения США. Если идти на компромисс между укреплением

ем ограниченной обороны и усилением средств нападения, то у первого варианта больше достоинств. Более того, ограниченную стратегическую оборону можно развернуть уже в нынешнем столетии, и отсюда этот вопрос тесно увязан с текущей политикой.

Ограниченная оборона против баллистических ракет явилась бы огромным шагом вперед на пути к достижению взаимной стратегической безопасности. Даже в случае ее создания Соединенными Штатами в одностороннем порядке советско-американские отношения стали бы стабильнее. Она лишила бы Советский Союз возможности угрожать США превентивным или обезоруживающим ударом, частично защищаясь от ответного удара тайно возведенной оборонительной системой. Но и Москва нуждается в доказательствах, что американские руководители не стремятся к созданию условий для нанесения первого удара. Необходима отчетливая и тщательно выверенная американская сдержанность в развертывании наступательных и оборонительных систем. Оборонный щит Соединенных Штатов должен прикрывать только стратегические силы, национальные центры управления, а также средства командования, связи, наблюдения и сбора информации. Это будет дополнительным доказательством того, что Соединенные Штаты не имеют намерения лишить Советский Союз способности к ответному удару.

Согласившись на что-либо меньшее, Соединенные Штаты будут вынуждены выбирать между двумя одинаково плохими вариантами. Им придется вопреки здравому смыслу или надеяться на то, что контроль над вооружениями как-то стабилизирует советско-американские отношения в стратегической области, хотя уже сегодня США предложить для торга не могут почти ничего, или же начать массированное наращивание собственного наступательного потенциала: развернуть значительно больше ракет «МХ» и «Трайидент Д-5», чем планировалось ранее, и приступить

к широкомасштабному развертыванию мобильных ракет «Миджитмен» с одной боеголовкой (возможно, при наличии 1500 и более пусковых установок), несмотря на их оперативно-тактические недостатки. Второй вариант окажется не только чрезвычайно дорогостоящим — вероятно, дороже ограниченной стратегической обороны, — но и трудно себе представить, каким образом лихорадочные попытки сохранить действенность «взаимного гарантированного уничтожения» путем наращивания наступательных систем обернутся большей стабильностью для обеих сторон.

Противники ограниченной стратегической обороны доказывают, что это, по существу, не что иное, как накопление дополнительных арсеналов оружия. Так, в редакционной статье «Нью-Йорк таймс» указывалось, что стратегическая оборона лишь «спровоцирует» Советский Союз, который будет вынужден ответить «дестабилизирующим наращиванием своего наступательного потенциала». Но при этом упускают два важных обстоятельства. Во-первых, Советский Союз уже принял меры по укреплению стратегической обороны в размерах, превышающих все, что Соединенные Штаты сделали или собираются сделать в данном направлении, и уважаемые редакторы не обвинили СССР в «крайне провокационных действиях». Во-вторых, демонстративно умеренное развертывание американских наступательных вооружений и явно ограниченная стратегическая оборона ни в коей мере не могут служить оправданием для нового наращивания советского наступательного потенциала. Такая реакция была бы чрезвычайно опасной. Она свидетельствовала бы о твердом намерении Советского Союза приобрести потенциал первого удара. Подобные действия можно было бы расценить только таким образом. Проявление подобных стратегических намерений Советского Союза явилось бы дополнительным аргументом не против, а в пользу американской ограниченной стратегической обороны.

Возможно, кто-то возразит и скажет, что Советы могут неверно истолковать действия США по развертыванию небольшого числа точных наступательных систем и созданию ограниченной обороны. Они могут интерпретировать их как предварительные меры, направленные на приобретение способности к первому, уничтожающему удару под прикрытием постепенно расширяющегося оборонительного щита. Этот аргумент не выдерживает критики. Учитывая длительные, измеряемые годами сроки создания стратегических вооружений, а также открытые обсуждения американских стратегических планов в конгрессе, который имеет обыкновение сокращать ассигнования, Соединенные Штаты практически не в состоянии приобрести такой односторонний потенциал без того, чтобы Советы не узнали об этом заблаговременно и во всех подробностях. Более того, общественность Соединенных Штатов не поддерживает столь массивных усилий, имеющих целью вновь обрести одностороннее стратегическое превосходство.

Наилучшим решением как для Соединенных Штатов, так и для Советского Союза было бы совместное продвижение к примерно сходным комбинированным наступательно-оборонительным позициям. Из-за огромных сложностей, связанных с выработкой мер по проверке и поисками компромиссов, такое продвижение, по-видимому, скорее произойдет с молчаливого согласия сторон, чем в результате формально достигнутых договоренностей. Например, постепенное сокращение советского арсенала первого удара и одновременно некоторое расширение существующей системы ПРО должны сопровождаться параллельным развертыванием ограниченной стратегической обороны США, предназначенной для защиты от советских средств первого удара. Это обеспечило бы обеим сторонам большую — в сравнении с нынешней — стратегическую безопасность. Даже одностороннее продвижение Со-

единенных Штатов в данном направлении, вероятно, могло бы советскому руководству прийти к выводу о том, что создание арсенала первого удара ни стратегически, ни политически не оправдано, а экономически — разорительно. Такое решение в свою очередь, возможно, приведет Кремль к мысли о том, что самое предпочтительное — это взаимные уступки.

Можно с полным основанием упрекать Соединенные Штаты за односторонний отказ от ограничений, предусмотренных Договором об ограничении систем противоракетной обороны от 1972 г. и основанных на ныне устаревших стратегических предпосылках доктрины «взаимного гарантированного уничтожения». Решительный шаг США, свидетельствующий о намерении отойти от этой доктрины, может ускорить выработку реальных и стабилизирующих обстановку договоренностей по контролю над вооружениями, гарантирующих взаимную стратегическую безопасность. Если этот первый шаг побудит Советский Союз занять более уступчивую позицию в вопросах контроля над вооружениями, то Соединенные Штаты со своей стороны могли бы дать торжественное обещание воздерживаться на период действия любого нового соглашения от практического претворения в жизнь программы СОИ, столь нужной для защиты от средств первого удара.

Чтобы начать движение в данном направлении, Соединенные Штаты должны предложить Советском Союзу пересмотреть положения Договора по ПРО и разрешить ограниченное развертывание обороны космического базирования. Соответственно, в случае вероятной негативной реакции СССР Соединенные Штаты должны объявить о том, что приступают к тщательному анализу сохранившейся стратегической и политической ценности Договора по ПРО, включая вопрос о возможности отказа США от соблюдения его условий. Соединенные Штаты должны бу-

дут также дать понять, что, если Советский Союз в ближайшее время не выразит готовности к заключению подлинно стабилизирующего соглашения по контролю над вооружениями, они приступят к развертыванию ограниченной двухъярусной стратегической обороны, призванной защитить от первого удара.

Подводя итог, можно констатировать, что в настоящее время Соединенные Штаты незаметно сползают на наихудшие из всех возможных стратегические позиции. В то время как преждевременное обсуждение в верхах защищающей все население стратегической обороны, по всей вероятности, побудило советское руководство на то, чтобы сосредоточить усилия на собственной стратегической обороне, Соединенные Штаты все еще не действуют с нужной решимостью, чтобы или увеличить стратегические наступательные силы, или же развернуть стратегическую оборону для защиты сил «возмездия». Между тем Советский Союз делает и то и другое.

Для преодоления существующей опасности Соединенные Штаты должны остановить свой выбор на одном из трех вариантов: 1) полностью положиться на контроль над вооружениями, что имеет смысл лишь тогда, если этот контроль явится результатом всеобъемлющего, поддающегося проверке договора, который значительно сократит количество советских систем первого удара; 2) поддерживать надежное состояние «взаимного гарантированного уничтожения» путем наращивания за счет громадных затрат собственного «неуязвимого» стратегического потенциала, способного нейтрализовать предстоящее гигантское увеличение советских систем первого удара и скрытое укрепление Советским Союзом стратегической обороны; 3) двигаться в направлении взаимной стратегической безопасности с помощью умеренного расширения и модернизации стратегических средств нападения США и развертывания в течение десяти лет двухъярусной стратегической

обороны, призванной сдержать советское оружие первого удара.

Самый подходящий — третий вариант. Он обеспечивает большую безопасность и представляет собой тот единственный курс действий, который может убедить Советский Союз в необходимости серьезного подхода к поиску действительно всеобъемлющего, взаимно стабилизирующего и поддающегося всесторонней проверке соглашения по контролю над вооружениями.

Глобальная гибкость на уровне обычных вооружений

Ядерная стабильность в сочетании с реалистическим сдерживанием на стратегическом уровне — это те исходные предпосылки, которые позволяют справиться с угрозой нападения советских обычных вооруженных сил. Но данная угроза имеет и особые аспекты. В начале своего исследования я перечислил три условия, связанные с обычным вооруженным конфликтом. Соединенные Штаты должны быть в состоянии: свести на нет любые попытки Советского Союза оказывать давление военными средствами на государства, которые представляют для США особый интерес; блокировать экспансию советских обычных вооруженных сил; не позволить Советскому Союзу добиться быстрой победы с помощью обычных вооружений на любом из трех главных евразийских фронтов. «Однако ни ныне действующая военная доктрина США, ни состав или размещение американских обычных вооруженных сил не создают уверенности, что эти задачи могут быть выполнены.

Военная доктрина США носит слишком расплывчатый, слишком общий характер и содержит в себе — если отнестись к ней со всей серьезностью — реальную опасность чрезмерного распыления боевых сил. Сформулированная в последние годы ведущими сотрудниками министерства обороны военная доктрина США должна была под-

твердить решимость Америки сражаться сразу на нескольких фронтах без различия политических и стратегических средств. Министр обороны Каспар Уайнбергер в своем докладе конгрессу в 1983 г. предостерегал, что Советский Союз «способен начать одновременное наступление» и на всех трех ключевых фронтах и что, следовательно, Соединенные Штаты должны быть «способны обороняться одновременно на всех трех театрах военных действий». С таким предположением трудно согласиться.

Несмотря на наличие у Советского Союза значительных обычных вооруженных сил, в высшей степени сомнительно, чтобы Москва смогла начать действительно крупные акции на всех трех фронтах *одновременно*. Еще более сомнительна военная целесообразность подобной гигантской операции, которая вместо концентрации сил скорее уменьшит советское превосходство в обычных вооружениях. И не ясно также, из каких соображений Москва захочет вести более тяжелую и длительную войну на три фронта, которая может перерасти в ядерный конфликт, а не предпочтет нанести концентрированный быстрый удар лишь на одном из фронтов. Маловероятно поэтому, чтобы Советский Союз решил бессмысленно расплывать собственные силы и напрасно увеличивать число своих врагов.

Еще больший скептицизм вызывает этот стратегический рецепт администрации для Соединенных Штатов. Можно ли, например, с серьезным видом рекомендовать Соединенным Штатам участвовать в крупномасштабных обычных конфликтах сразу на трех фронтах? В ожидании возможного советского нападения тогда потребуется заблаговременно разместить воинские подразделения и заранее складировать в определенных местах боевую технику и снаряжение. Существующие или даже запланированные на будущее вооруженные силы США просто не справятся с такой задачей. Другими словами, ни стратегическая исходная позиция, касающаяся оценки дейст-

вий потенциального противника, ни стратегический рецепт для адекватной реакции нельзя признать удовлетворительным.

Нынешняя диспозиция американских обычных вооруженных сил также осложняет дело. Эти сравнительно небольшие силы вовсе не готовы к тому, чтобы сражаться одновременно на трех фронтах. И в то же время их структурный состав не соответствует задаче быстрых действий в ответ на серьезную угрозу за пределами трех главных евразийских театров военных действий. Большая часть американских обычных сухопутных войск находится на территории Соединенных Штатов. Второй по величине и самый боеспособный — с точки зрения подготовки и оснащения — сухопутный контингент сосредоточен в Западной Европе; контингент поскромнее — в Южной Корее. Главные военно-морские силы США разделены надвое: половина придана НАТО, а другая представляет американскую мощь на Тихом океане; небольшие отряды кораблей и десантных частей дислоцированы в районе Персидского залива и в Индийском океане. Американская тактическая авиация в основном сосредоточена в местах расположения сухопутных войск (см. приложение «Дислоцирование основных сил обороны США»).

За пределами Соединенных Штатов находится 540 тыс. американских военнослужащих. Из них примерно 340 тыс. — в Европе, 150 тыс. — в странах Востока (в том числе 39 тыс. в Южной Корее); 16 тыс. — на Ближнем Востоке и в районе Персидского залива и 30 тыс. — в Центральной Америке. В журнале «Форин афферс» (лето 1985 г.) Эрл Рейвенал, опираясь на данные ежегодного доклада министерства обороны, пришел к выводу, что «в 1986 г. администрация Рейгана намерена распределить имеющуюся в наличии 21 боевую сухопутную дивизию следующим образом: НАТО (Европа) — 11 дивизии, Восточная Азия — 3 дивизии, другие регионы и стратегический резерв — 5 дивизи-

зии. Исходя из известной суммы расходов на содержание вооруженных сил общего назначения (241 млрд. долларов), можно определить затраты, связанные с выполнением американских региональных обязательств. По моим (Рейвенала. — *Ред.*) оценкам, на Европу приходится 134 млрд. долларов; Азия поглощает 42 млрд. долларов; стратегический резерв и силы быстрого развертывания (главным образом в составе СЕНТКОМ, оперирующего в районе Персидского залива и в Юго-Восточной Азии) требуют 65 млрд. долларов».

Из сказанного видно, что затраты на оборону Западной Европы представляют собой непропорционально большую часть всего военного бюджета США. Это подтвердил и министр обороны, который, выступая в конгрессе в июне 1984 г., заявил, что, по оценкам министерства обороны, в случае длительного европейского конфликта на обеспечение находящихся там, а также переброшенных из Соединенных Штатов для укрепления американских контингентов потребуется 177 млрд. долларов.

Такое неравномерное глобальное распределение вооруженных сил связано с историей, а не со стратегией, и оно не соответствует ни фактической оценке размеров советской угрозы, ни геополитической значимости регионов. Оно отражает лишь характер политических и военных забот далекого прошлого. Американские обязательства, касающиеся защиты Европы, первоначально явились результатом катастрофической недооценки разведывательными службами размаха послевоенной демобилизации в Советском Союзе. Тогда исходили из предпосылки, что перед нами огромная, в высшей степени боеспособная Красная Армия, готовая перешагнуть Рейн и двигаться дальше. Эти представления получили дополнительный импульс после того, как Советский Союз использовал силу для блокады Берлина в 1948 г. и поддержал вооруженное нападение Северной Кореи в 1950 г.

Многие американские официальные лица не исключали возможности вторжения советских формирований в Европу. В действительности многие и ждали, и опасались этого. Среди членов правительства распространилось мнение о неизбежности третьей мировой войны. Это побудило не только к резкому наращиванию американской военной мощи, но и к попыткам заранее спланировать послевоенное политическое устройство. Как следствие, американское участие в европейских делах с самого начала сводилось преимущественно к военным мерам. Этот крен еще более усилился после того, как США по настоянию западноевропейцев открыто провозгласили и формально утвердили доктрину «ядерного возмездия» в случае, если бы советские вооруженные силы перешли границы в Западной Европе, где опасались, что в какой-то момент Америка устанет нести бремя взятых на себя обязательств, и поэтому стремились связать США формальными узами.

Таким образом, Соединенные Штаты оказались глубоко и напрямую втянутыми в оборону Европы, где теперь сосредоточены самые значительные и дорогостоящие постоянные американские зарубежные контингенты, причем только в Западной Германии находится около 250 тыс. военнослужащих. И хотя европейские участники НАТО уже восстановили свою экономику, доля ВВП, выделяемая Соединенными Штатами на нужды обороны, по-прежнему значительно выше той, которую расходует каждый из их союзников по НАТО. Более того, даже в самой Европе наши союзники уклоняются от соблюдения своих обязательств, касающихся обороны.

Прежде всего они не выполняют обещаний относительно усиления боеспособности своих обычных вооруженных сил. Самый наглядный пример: они до сих пор не создали необходимых боезапасов для своих воинских контингентов, входящих в объединенные силы НАТО, и в результате может случиться так, что после обмена первы-

ми ударами в начальной стадии боевых действий войскам США придется сражаться в дальнейшем в одиночку. Кроме того, союзники США придерживаются мнения, что сфера действия НАТО должна быть ограничена европейским театром, и, следовательно, не чувствуют себя обязанными делить бремя соперничества с Советским Союзом в каких-либо других регионах.

После 1945 г. Соединенным Штатам пришлось вести на Дальнем Востоке две затяжные войны, которые потребовали огромных расходов и большого количества войск. В разгар боевых действий в Корее и Вьетнаме в них участвовало соответственно 473 тыс. и 543 тыс. американских военнослужащих. Но если оставить в стороне эти две войны, то американское участие на втором главном стратегическом фронте не характеризовалось постоянным присутствием таких крупных воинских формирований США, как это наблюдалось на первом фронте. На Дальнем Востоке упор делался на политическую близость и приверженность договорным обязательствам с Японией и Южной Кореей, что подкреплялось военно-морской и военно-воздушной мощью. Вооруженные силы США были рассредоточены по всему бассейну Тихого океана и на Дальнем Востоке с военно-воздушными и военно-морскими базами в Японии, на Окинаве, Филиппинах и на острове Гуам.

В то же время Япония — главный американский союзник на Дальнем Востоке — ограничила свой военный бюджет 1% ВВП. Япония постепенно наращивает свои вооруженные силы, особенно военно-воздушные и военно-морские силы, необходимые для обеспечения безопасности японских островов и прибрежных вод в южном направлении. Но боевая мощь японских войск еще слишком незначительна. Из всех союзников США на Дальнем Востоке лишь Южная Корея серьезно отнеслась к делу, поставив под ружье более 600 тыс. человек и расходуя на оборону 7,5% ВВП.

Диспропорция в уровне военного присутствия Соединенных Штатов в Западной Европе и на Дальнем Востоке уравнивается неравномерным распределением вооруженных сил Советского Союза. Большинство советских воинских формирований, оснащенных самым современным оружием, расположено в европейской части Советского Союза и в странах Центральной Европы. Кроме того, под влиянием советско-китайских разногласий изменились геополитические реальности Дальнего Востока, что резко уменьшило прямую советскую угрозу безопасности региона. Здесь сухопутные дивизии Москвы, количество которых увеличилось с 12 (в 1960 г.) до 52 (в 1985 г.), сосредоточены главным образом на границе с Китаем. А это значит, что Соединенным Штатам и их союзникам приходится иметь дело только с советскими военно-воздушными и военно-морскими силами, которые дислоцированы на советском Дальнем Востоке и во Вьетнаме, хотя их мощь и увеличивается.

Американское участие на третьем евразийском стратегическом фронте было обусловлено еще более серьезными причинами. Советская экспансия в южном направлении первоначально натолкнулась на несколько импровизированное военно-политическое противодействие. В 1978 г. по инициативе совета национальной безопасности президент Картер санкционировал создание сил быстрого развертывания (СБР). Их задача состояла в том, чтобы помочь Соединенным Штатам распространить свою мощь на те регионы, где США не располагают постоянными воинскими контингентами. В течение 1979—1980 гг. министерство обороны занималось практическим претворением в жизнь намеченной программы, и эту работу продолжила и придала ей еще больший размах администрация Рейгана. В конце 1979 г. президент Картер одобрил предложение СНБ о проведении переговоров с Сомали, Оманом и Кенией относительно использования местных аэродром-

ных и портовых сооружений силами быстрого развертывания при их задействовании в этом регионе. Эти меры подтвердили свою актуальность, когда Советский Союз вторгся в Афганистан в декабре 1979 г. Однако американское присутствие в данном регионе продолжало оставаться незначительным, главным образом из-за нежелания некоторых государств — в первую очередь Аравийского полуострова — быть прямо или косвенно связанными с Вашингтоном.

Военная реакция Соединенных Штатов на действия Советского Союза в регионе должна в каждом случае соответствовать складывающимся условиям. С этой целью наращиваются возможности средств переброски СБР по воздуху и морю и расширяются передовые базы материально-технического обеспечения, которые можно использовать на временной основе в периоды конфликтов. Соединенные Штаты сформировали четыре легкопехотные армейские дивизии, предназначенные для быстрого задействования в регионе. В 1985 г. в состав СБР, запланированных для использования в Южной Азии, входили: корпус морской пехоты, четыре легкопехотные армейские дивизии, одна авиадесантная бригада, поддерживаемая частями тактической авиации, и три авианосные боевые группы.

И тем не менее возник опасный парадокс. Сегодня США слабее всего в самом уязвимом для себя месте: вдоль стратегической линии, где особенно велик риск главного советского геополитического выпада или же советско-американского столкновения. А сильнее всего США именно там, где их союзники обладают самыми значительными возможностями, для того чтобы сделать больше для защиты собственных интересов. В то время как на третьем стратегическом фронте в Юго-Западной Азии американская мощь представлена явно недостаточно, Соединенные Штаты продолжают выделять свыше половины военных ассигнований на оборону первого фронта в Европе. Если

же учитывать экономический потенциал Западной Европы и принять во внимание другие американские стратегические обязанности, то нужно признать, что перекоп в военной политике в пользу Европы, безусловно, нуждается в корректировке.

Постепенное — и, разумеется, лишь частичное — сокращение американских вооруженных сил в Европе необходимо для того, чтобы повысить способность США гибко реагировать угрозу безопасности в других местах. Америка должна быть в состоянии ликвидировать опасность не только на двух других евразийских фронтах, но также в Центральной Америке, возможно, на юге Африки, непременно на Ближнем Востоке с его постоянно существующей угрозой большого взрыва, а также в районе Персидского залива, где в случае советско-американского столкновения на карту будет поставлено очень многое. С точки зрения предварительного планирования на случай таких событий стационарное размещение механизированных сухопутных дивизий в Европе самым серьезным образом ограничивает эффективность реакции Соединенных Штатов.

Этот вывод не претендует на новизну и не является отражением изоляционистских настроений. Мало кто знает, что президент США Эйзенхауэр, бывший командующий силами НАТО, чья военная карьера заставила его с особым вниманием относиться к обороне Европы, вскоре после вступления на пост главы государства в 1953 г. решительно высказался за такое сокращение. В меморандуме, написанном в августе 1953 г. под его диктовку специальным помощником по вопросам национальной безопасности Робертом Катлером, Эйзенхауэр указывал: «С самого начала те, кто действительно занимался изучением международных и военных проблем, пришли к заключению, что размещение американских войск за рубежом представляет собой временную необходимость. Это была временная операция с целью обеспечить безопасность и успокоить

наших друзей за океаном, которые оказались совершенно беззащитными перед лицом коммунистической агрессии. Любой мыслящий индивид — военнослужащий или гражданский человек — всегда понимал, что размещение американских войск имело целью вселить уверенность в наших друзей, поднять их мораль, экономическую и военную мощь с тем, чтобы они с помощью собственных войск могли удерживать жизненно важные регионы до прибытия американской помощи. С самого начала эта идея признавала главными факторами: 1. Обеспечение безопасности США от внезапных и разрушительных нападений. 2. Наличие в высшей степени мобильных воинских формирований. 3. Разработку комплексных планов быстрой мобилизации всей нашей военной мощи для обеспечения национальной безопасности (нашей и наших союзников)».

В ноябре 1953 г., выступая в совете национальной безопасности, президент Эйзенхауэр заявил: «Строго говоря, размещение американских дивизий в Европе вначале представляло собой крайнюю меру, не рассчитанную на неопределенное время. К сожалению, однако, европейские государства проявили медлительность в создании собственных вооруженных сил и теперь ожидают, что наши войска останутся в Европе неопределенное время». Президента поддержал комитет начальников штабов, который, судя по высказываниям последних, считал, что в Европе сконцентрировано слишком много американских войск, которые к тому же жестко привязаны к определенной местности. Эйзенхауэр воздержался от конкретных шагов, соответствующих его убеждениям только из-за опасений, что преждевременное сокращение американского воинского контингента отрицательно повлияет на усилия европейцев, направленные на воссоздание собственной обороноспособности.

С тех пор европейский вклад в НАТО существенно возрос, хотя он все еще не соответствует уровню экономиче-

ской мощи Западной Европы, которая в состоянии взять на себя гораздо больше обязательств. Одним из главных положительных сдвигов является создание западногерманской армии. Это теперь самая значительная военная сила на главном фронте Западной Европы. Несмотря на то, что Франция, которая располагает в Западной Германии тремя дивизиями, официально покинула организацию Атлантического союза, она в последние годы спокойно координирует свои военные планы с НАТО. Это не только придает дополнительную глубину оборонительным линиям НАТО, но и усложняет советскому командованию военное планирование, поскольку не позволяет исключить вероятность того, что французские ядерные силы сыграют роль катализатора в эскалации обычного вооруженного конфликта до ядерной войны. В результате принятых мер советское превосходство на центральном фронте Европы сократилось с 3:1 в начале 50-х гг. до 3:2 — в наши дни.

Стремление командования НАТО использовать технические новшества в обычной войне и тем самым извлечь выгоду из превосходства Запада в научно-технической области позволило специалистам по планированию вносить коррективы в стратегические концепции, желательные с политической точки зрения. В начале 50-х гг. слабость НАТО в обычных вооружениях вынудила избрать стратегию отступления за Рейн, то есть, по существу, предполагалось оставить Западную Германию. В середине 60-х гг. стратегия НАТО приобрела черты «натянутого каната». Его обрыв мог привести к войне с применением тактического ядерного оружия, которая распространилась бы и на территорию государств восточного блока. В середине 70-х гг. Атлантический союз принял на вооружение стратегию «активной обороны», выдвинув передовой оборонительный рубеж непосредственно к границе между двумя противоположными блоками и сохраняя в резерве все тактические ядерные средства до прорыва советских обычных воору-

женных сил. Для второй половины 80-х гг. НАТО рассматривает стратегию «битвы на земле и в воздухе», когда передовой оборонительный рубеж сохраняется на границе между Востоком и Западом, а особый упор делается на уничтожение вторых эшелонов противника на его собственной территории, прежде чем они достигнут линии фронта с помощью неядерных боевых средств, созданных на основе передовой техники.

И все же укрепление и модернизация вооруженных сил Советского Союза и Варшавского пакта, расположенных в Центральной Европе, пока обеспечивают Москве превосходство в обычных вооружениях. Это обстоятельство еще раз подчеркивает необходимость увеличения вклада западноевропейских стран в оборону Европы и важное, можно сказать, центральное значение убедительного американского ядерного сдерживания. Именно данный стратегический потенциал США — который может быть приведен в движение в результате нападения на американские войска, сосредоточенные на передовых рубежах в Западной Германии, или в результате односторонней французской ядерной эскалации — лишает советских военных специалистов уверенности в том, что войну в Европе можно выиграть на уровне обычных вооружений. До тех пор пока европейские члены НАТО не будут в состоянии создать достаточно мощные обычные вооруженные силы, способные остановить продвижение советских боевых порядков, американский стратегический потенциал сдерживания и дислоцированные на передовых рубежах, готовые к немедленным боевым действиям войска США будут оставаться важным элементом общих усилий Запада, нацеленных на предотвращение войны в Европе.

Конечно, некоторые европейцы будут утверждать, что любая передислокация американских воинских частей ослабит обороноспособность Западной Европы. В таком случае ответ может быть только один: европейцы сами долж-

ны делать больше для укрепления собственной безопасности. Но союзники могут предпринять и другие меры, уравнивающие вывод американских войск. Новые технологические возможности позволяют расширить американо-европейское сотрудничество в укреплении обороны на уровне обычных вооружений. Эти принципиально новые средства ведения войны не только могут устранить беспокойство, вызванное предполагаемым сокращением американских сухопутных войск, но и обещают даже повысить европейскую безопасность.

Программа СОИ, например, открывает два возможных пути в данном направлении. Во-первых, НАТО может, опираясь на американо-европейское сотрудничество, создать систему обороны против тактических ракет (АТМ) для защиты ключевых западноевропейских военных объектов, которые станут наиболее вероятными целями советского нападения. Проведенные в рамках СОИ исследования убеждают в реальной осуществимости системы АТМ, а также в том, что совместная инициатива откроет промышленности Западной Европы доступ к новейшим технологиям. Такое сотрудничество устранил опасения, что программа СОИ разделит безопасность Европы от безопасности Америки. Во-вторых, НАТО может приспособить для использования в условиях обычной войны новейшую вычислительную технику, средства слежения и наведения на цель, а также передовые и экзотические технологии производства оружия, созданные в связи с работами по программе СОИ. Это даст возможность сделать огромный скачок в развитии способности обнаруживать и уничтожать без помощи ядерного оружия наступательные обычные войска и их тылы. Другими словами, мы на пороге технической революции в области средств ведения обычной войны. И если эта революция совпадает с необходимой — по стратегическим и геополитическим соображениям передислокацией американских воинских частей общего назначения, то она, воз-

можно, смягчит вызванный перемещением психологический и политический шок.

В наиболее полном использовании возможностей надвигающейся революции как в стратегических, так и в обычных средствах обороны кровно заинтересованы и Америка, и НАТО. Это позволило бы ввести уже давно необходимые новшества в область, в которой Америка лидирует; это не создало бы угрозы для Советского Союза, но нейтрализовало бы самую большую угрозу со стороны Советов Западу, а именно военную угрозу. Это позволило бы провести геополитическую корректировку нашей глобальной стратегии с целью укрепления обороны там, где это необходимо, и приобретения большей политической гибкости там, где это особенно целесообразно.

Постепенное сокращение американских вооруженных сил примерно на 100 тыс. человек высвободит финансовые и людские ресурсы США, необходимые для обеспечения гибкости в выборе ответных мер на другие геополитические угрозы. Учитывая, что нужды в увеличении постоянного вооруженного контингента США на Дальнем Востоке нет, а переброска дополнительных воинских формирований в район Персидского залива с политической точки зрения вряд ли целесообразна, сэкономленные ресурсы следует направить по двум каналам: деньги нужно израсходовать на значительное расширение средств переброски вооруженных сил и вооружений по воздуху, а за счет высвободившегося военного персонала сформировать дополнительные легкопехотные дивизии СБР, предназначенные для решения боевых задач, не связанных с противодействием советскому тяжелому вооружению.

Переброска по воздуху — дорогое удовольствие, но необходимость в эффективных стратегических воздушных перевозках очевидна. Без них Соединенные Штаты окажутся в чрезвычайно невыгодном положении в периоды кризисов, которые, весьма вероятно, могут возникнуть в бли-

жайшем будущем. Несмотря на принятые за последнее десятилетие меры, Соединенные Штаты все еще не обрели подлинной стратегической мобильности. Они не в состоянии быстро перебросить сколько-нибудь значительные вооруженные силы в районы вероятных кризисов, где на карту поставлены крупные американские интересы. Нынешняя программа повышения стратегической мобильности путем закупки 50 гигантских транспортных самолетов «С-5» вряд ли решит проблему. Производство более легких и универсальных, но и более дорогих самолетов «С-17» не предусмотрено до первой половины 90-х гг. Кроме того, ВВС предпочитают тратить деньги на усиление своей боеспособности и с меньшим энтузиазмом воспринимают расходы, связанные с обеспечением транспортом других родов войск. Но если средства на создание дополнительных возможностей для воздушных перевозок были бы заимствованы из ассигнований, выделенных на содержание американских формирований в Европе, которые пребывают здесь в силу сложившихся традиций и ради удобства европейцев, то перспективы обретения подлинной стратегической мобильности намного увеличились бы.

Одновременное увеличение числа легкопехотных дивизий также способствовало бы повышению стратегической мобильности. Оснащенные легким вооружением, эти формирования, насчитывающие в своих рядах около 10 тыс. человек, значительно компактнее механизированных дивизий, состоящих из 14—18 тыс. военнослужащих. На переброску легкопехотной дивизии требуется на 40% меньше транспортных средств, чем для перемещения механизированной дивизии. Созданные и обученные для ведения боевых операций в районах, где войска США не могут быть размещены постоянно, легкопехотные дивизии позволят Соединенным Штатам реагировать на враждебные выпады быстро и адекватно. Действия английской легкой пехоты в сражении за Фолклендские острова — с

длительными маршами и боями на труднодоступной местности — наглядно продемонстрировали истинные возможности подобных формирований. Расширение нынешнего плана, с тем чтобы СБР включали пять легкопехотных дивизий, позволило бы Соединенным Штатам в случае массированного советского прорыва (например, в горные районы центрального Ирана или Пакистана) быстро принять ответные меры.

Более мощные СБР объединили бы в своем составе эти легкопехотные армейские дивизии, авиадесантные войска, а также корпус морской пехоты. С их помощью Соединенные Штаты смогли бы отстаивать и подкреплять силой собственные интересы даже там, где они не могут разместить свои войска на постоянной основе. Это явилось бы достойным стратегическим и политическим ответом на изменившиеся геополитические условия. Европа уже перестала быть главным местом советско-американского соперничества, и критические ситуации могут скоро возникнуть в регионах, где Соединенные Штаты слабы, а дружественные режимы нестабильны.

Взросшие американские возможности превратились бы для Москвы в главный фактор сдерживания любых планов перенесения военной мощи в отдаленные от Советского Союза районы (например, на Ближний Восток, юг Африки или даже в Центральную Америку). Эти возможности помогли бы создать на третьем главном стратегическом фронте такую же ситуацию, как в Центральной Европе. Любые действия советских обычных вооруженных сил привели бы к крупному военному столкновению с быстро прибывающими американскими боевыми частями, чреватому опасностью ядерной эскалации.

Подобные стратегические корректировки требуют более четкого определения роли ВМС США. Прежде всего следует отделить их ядерный потенциал от основной геостратегической задачи контроля над морями. Может быть,

придется создать самостоятельное командование всеми стратегическими ядерными силами, подчинив ему БРПЛ, способные нанести массированный ядерный удар по Советскому Союзу. Главной задачей военно-морских сил Соединенных Штатов должно быть обеспечение господства на море. Без эффективного контроля над океанами рухнет вся геополитическая структура американских глобальных обязательств. Соединенные Штаты окажутся просто не в состоянии поддерживать американские усилия ни на одном из трех главных евразийских фронтов.

Данное обстоятельство лишний раз подчеркивает настоятельную необходимость организации военно-морских сил в соответствии с их основной ролью. Под основной ролью мы понимаем не перенос военных действий к советским портам с помощью авианосцев, к тому же построенных большей частью еще во время второй мировой войны, и не участие в ядерной войне. Важнейшая задача ВМС — контролировать морские просторы и оказывать силовое воздействие на локальные конфликты в отдаленных регионах. А это значит, что военно-морской флот должен в основном опираться на ударные подводные лодки, включать только такие авианосцы, которые нужны для силового воздействия обычными военными средствами, и — самое главное — сосредоточить внимание на создании сил, которые необходимы для предотвращения советских попыток воспрепятствовать ВМС США выполнить возложенную на них миссию обеспечения и поддержки американских вооруженных сил за рубежом.

Для установления действенного контроля над морскими просторами военно-морские силы США должны быть готовы одновременно: 1) поддержать американские войска общего назначения на заморских территориях; 2) заблокировать военные флоты Советского Союза в местах их дислокации; 3) уничтожить расположенные на чужой территории советские военные базы, созданные для обес-

печения военных операций на море. Чтобы справиться с этими задачами, военно-морским силам США потребуется иная структура. Не следует увлекаться увеличением количества авианосцев и тяжелых боевых кораблей. Слов нет, они особенно эффективны в тех случаях, когда нужно с помощью авиации и корабельной артиллерии поддержать высадку американских сухопутных войск в прибрежной полосе или не допустить, чтобы противник перерезал морские пути (например, в Ормузском проливе). Имеющиеся финансовые средства следует направить на усиление способности ВМС США выполнять свою главную миссию сохранения господства на морях, которое совершенно необходимо для обеспечения стратегической гибкости американских обычных вооруженных сил в глобальных масштабах.

Сочетая глобальную гибкость на уровне обычных вооружений с позиций взаимной стратегической безопасности, Соединенные Штаты сделали бы серьезный шаг по направлению к всеобъемлющей стратегии, которая больше соответствует вероятным геополитическим и военным потребностям конца нашего столетия. Это означало бы своевременный отказ от негибких, сформированных историей стратегических обязательств, когда упор делается на массивную концентрацию обычных вооруженных сил на единственном фронте и когда выживание нации ставится в зависимость от все более устаревающей доктрины взаимного гарантированного уничтожения.

Решающее значение технологического превосходства

Для поддержания как взаимной стратегической безопасности, так и глобальной гибкости на уровне обычных вооруженных сил Соединенные Штаты должны полностью использовать и одновременно тщательно оберегать свое главное достояние — технологическое превосходст-

во. Именно оно до сих пор не позволяло Советскому Союзу пожинать плоды огромных военных расходов и экономических жертв. В отсутствие американского технологического превосходства Советский Союз, по-видимому, уже сегодня располагал бы решающими преимуществами на стратегическом и обычном уровнях со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Американское технологическое превосходство — это прямой результат децентрализации творческой атмосферы в науке и производстве, усиленных конкуренцией и организационным плюрализмом. Именно конкуренция побуждает к нововведениям и экспериментированию, которые не поддаются формальному планированию в централизованном порядке. Бюрократический процесс в силу самой своей природы несовместим с риском, который является неременным условием любого крупного технического достижения или научного открытия. Именно по этой причине Советский Союз предпочитает улучшать вооружения путем совершенствования существующих систем и принимает к производству принципиально новые системы оружия только после того, как они докажут свои достоинства где-нибудь в другом месте. Так было с немецкими ракетами «Фау-1» и с американскими БРПЛ.

Структурное многообразие американской экономики и склонность к техническому экспериментированию — факторы, которые невозможно переоценить. Но их использование в стратегических целях должно определяться и направляться мощным стимулом. Сегодня — это программа СОИ, которая концентрирует внимание на решающем — в стратегическом плане — вопросе господства в космосе. В конечном счете значение программы СОИ определяется не тем, что она может обеспечить защиту населения всей страны или более ограниченную оборону против советских систем первого удара, которую можно или развернуть, или же, воздержавшись от претворения в жизнь, об-

менять на существенное сокращение наступательного потенциала Советского Союза. Значение СОИ зависит от того, сможет ли она предоставить США новые возможности воспрепятствовать контролю противника в космосе и — если потребуется — утвердить американское превосходство в космическом пространстве.

Программа СОИ стала катализатором новых идей и открытий в стратегической сфере, которые в конце концов могут стать решающими. Она способствует прогрессу по многим направлениям: в лазерной и электронно-вычислительной технике, в области использования пучков заряженных частиц и кинетической энергии. Все эти достижения имеют самое разнообразное военное применение. Программа СОИ может привести к революционным переменам и в характере обычных вооружений.

Стремление Москвы воспрепятствовать реализации программы СОИ обусловлено пониманием того факта, что на данном историческом этапе Советский Союз не в состоянии конкурировать с США в качественном отношении. Кремль не забыл, что, несмотря на запуск спутника, он не выдержал соревнования с американской программой высадки человека на Луну. Своим влиянием на военную и гражданскую технологию СОИ напоминает лунную программу. И программа СОИ — это не единственный проект с далеко идущими стратегическими последствиями. В высшей степени секретная — и слишком часто являющаяся предметом всевозможных публичных толков — программа «Стелс», предусматривающая создание «невидимых» для радаров летательных аппаратов, должна была серьезно встревожить русских, поскольку она делает бесполезной многомиллиардную систему противовоздушной обороны, которая станет бессильной против американских бомбардировщиков и крылатых ракет, не поддающихся обнаружению.

На уровне обычных средств ведения войны роль усилителя боевой мощи вооружений сыграла микроэлектро-

ника — и это обстоятельство огромной важности, если иметь в виду количественное превосходство СССР в обычных вооружениях. Микроэлектроника обеспечила Израилю перевес в воздушных схватках с сирийскими самолетами в 1983 г. Применяя созданные с использованием новых открытий обычные боеприпасы и средства их доставки, можно выборочно разрушать командные пункты, готовившиеся для атаки танковые формирования, взлетно-посадочные полосы, различные другие военные объекты. Дальность и сила поражения у этих новинок оказались столь внушительными, что военные специалисты НАТО сочли возможным планировать основанную на «глубинной контратаке» оборону, которая предусматривает уничтожение еще до начала сражения сосредоточенных для нападения советских войск общего назначения и их ближайших тылов.

Некоторые эксперты предсказывают, что неядерные вооружения, вероятно, скоро смогут решать боевые задачи, которые сегодня возлагаются на стратегические ядерные средства. За последние десять лет точность межконтинентальных баллистических ракет возросла в десять раз. Можно ожидать такого же прогресса и в будущем. Другие крупные технические усовершенствования (например, в создании крылатых ракет с системами наведения, учитывающими рельеф местности, или боеголовок с точным самонаведением на конечном участке траектории) скоро сделают возможным доставку специальных взрывных устройств на расстояния в половину окружности земного шара прямо к шахтам МБР. Это еще не дает основания говорить о том, что назрели революционные перемены в стратегических вооружениях или что ядерное оружие устаревает и станет в финансовом отношении невыгодным. Но это подчеркивает ошибочный характер политики, основанной на предположении, что техническое развитие стратегических сил уже достигло своего предела. Разно-

образии возможностей применения новой техники серьезно затруднило Советам оперативное планирование, и возникла опасность, что огромные денежные затраты Советского Союза на обычные вооружения могут оказаться напрасными, Как минимум технические новшества внесли в советское военное планирование значительный фактор неопределенности.

Среди советских специалистов в области стратегического планирования уже возникли разногласия. В мае 1984 г. бывший начальник советского Генерального штаба маршал Николай Огарков в одном из интервью заявил, что дальнейшее наращивание ядерного оружия является «бессмысленным» и что «быстрые перемены» в характере обычных вооружений (например, появление беспилотных летательных аппаратов, крылатых ракет с обычными боеголовками и новых электронных систем наблюдения и контроля) увеличили «разрушительную мощь обычных вооружений, приблизив их, так сказать, с точки зрения эффективности к оружию массового уничтожения». Поскольку Соединенные Штаты активно работают в этом направлении, сказал Огарков, Советский Союз не может позволить себе игнорировать данное обстоятельство. Такая прямолинейная позиция явилась причиной его смещения с занимаемого поста четырьмя месяцами позже. Примечательно, однако, что он вновь обрел влияние, как только бразды правления взял Горбачев.

Опасения Огаркова относительно того, что американские научно-технические достижения позволят Вашингтону обойти стороной советскую доктрину ведения обычной войны, еще раз подчеркивают важное значение американского технического и технологического превосходства в общем балансе сил. Поэтому Соединенным Штатам жизненно необходимо сохранить нынешнее опережение. Согласно последним данным, американское преимущество уменьшается не только на уровне исследований и разра-

боток, но и на уровне практического задействования системы. В докладе министерства обороны США указывалось, что в 1984 г. Соединенные Штаты занимали ведущее положение в 15 из 20 выбранных для сравнения фундаментальных технологий, в то время как Советский Союз не был впереди ни в одной.

Правда, в семи технологиях американское преимущество постоянно уменьшалось. Однако это технологическое превосходство оказалось менее внушительным, когда сравнения проводились на основе уже развернутых систем вооружений. Из 31 ключевой системы оружия американская техника превосходила советскую в 17, была равной в 10 и уступала в 4 случаях. Если нынешняя тенденция продолжится, то эти цифры примут в будущем соответственно следующие значения: 9, 16 и 6. И бюрократизм Пентагона, и существующий порядок принятия конгрессом решений препятствуют быстрейшему использованию полезных технических новшеств. Производство новых видов вооружений получает одобрение только после того, как «крупные открытия» уже совершены. В результате в Соединенных Штатах на разработку систем вооружений затрачивается много времени. Эту неблагоприятную тенденцию следует повернуть вспять.

В военной технике Соединенные Штаты все еще занимают ведущие позиции. В области наиболее важной электронно-вычислительной техники американское преимущество солидное и продолжает расти. Компьютеры революционизируют вооружение и военную технику самого разнообразного назначения, включая средства управления, контроля, сбора и анализа информации, космические системы, крылатые ракеты, электронные средства ведения войны. Дальнейшая миниатюризация электронных компонентов на интегральных схемах позволяет сделать гигантский скачок в усовершенствовании оружия. Как заметил специалист, сегодняшние «умные» бомбы станут завтра «гениальными».

Для сохранения и защиты своего качественного военного преимущества Соединенным Штатам нужно упорядочить государственную систему закупок, а также принять меры, исключающие возможность приобретения Советским Союзом ключевых видов техники на открытом рынке или через шпионов. Москва разработала хитроумную систему, с помощью которой крадет чертежи и идеи, обходя западные экспортные ограничения.

В докладе ЦРУ «Приобретение Советским Союзом на Западе важной военной технологии» указывалось, что только за десятую пятилетку СССР таким путем сэкономил по меньшей мере 1,4 млрд. рублей. По годам эти цифры распределяются следующим образом: в 1976 г. экономия составила около 200 млн. рублей, в 1977 г. — 250 млн. рублей, в 1978 г. — немногим более 200 млн. рублей, в 1979 г. свыше 300 млн. рублей, в 1980 г. — более 400 млн. рублей. Указанные выше консервативные оценки взяты из советских источников и учитывают только прямые сбережения, полученные в результате выключения целых этапов из научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ и от сокращения времени на внедрение технических новинок. Так, например, ежегодная экономия в 20 млн. рублей за счет использования приобретенной в США и других западных странах технологии изготовления стекловолоконного пластика, применяемого в производстве резервуаров высокого давления для подводных лодок, учитывалась только в год ее получения.

Экономия в 1980 г. примерно в 400 млн. рублей (640 млн. долларов) — это результат использования всего лишь доли западной технологии, приобретенной различными путями. Большая часть сбережений связана с исследованиями в области систем вооружений, запроектированных к освоению на конец 80-х и начало 90-х гг. Если же подсчитать экономию времени и человеческих усилий, то можно сказать, что в 1980 г. в области военных исследований Советский Союз сберег несколько десятков тысяч человеко-лет.

По сообщениям западных разведывательных служб, основанным на советских документах, для приобретения западных технологий СССР использует два канала. Во-первых, Военно-промышленная комиссия стремится заполучить образцы военной техники и изделий двойного назначения, чертежи, измерительные устройства и приборы, пригодные для улучшения систем вооружений и производственных процессов. Во-вторых, министерство внешней торговли и разведывательные службы стараются обходными путями закупить оборудование двойного назначения для прямого использования в военной промышленности Советского Союза.

Управление «Т» КГБ, которое специализируется на сборе научно-технической информации, имеет за рубежом около 300 агентов. Кроме того, за границей работают 1500 сотрудников аппарата военной разведки (ГРУ), обладающих необходимым опытом и знаниями. Это позволяет советским военным специалистам заранее планировать приобретение конкретных западных изделий и документов. В начале 80-х гг. в соответствующие списки ежегодно вносилось свыше 3500 наименований, из которых две трети действительно приобретались. Каждый год Советский Союз таким путем получал около 90% новинок — в том числе примерно 60% из американских источников, — включавшихся Западом в те 5—10%, которые квалифицировались как имеющие особо важное значение для военных разработок.

Эта работа ведется постоянно. Из 10 самых крупных американских корпораций, выполняющих правительственные военные заказы, 6 находятся в числе 10 фирм, технологии которых наиболее часто привлекают внимание Москвы. И не случайно в высшие учебные заведения США, которые рассматриваются как подходящие источники нужных сведений, периодически наведываются ученые советского блока. К ним относятся: Массачусетский технологи-

ческий институт, Университет Карнеги — Меллона, Гарвардский, Принстонский и Мичиганский университеты, Калифорнийский технологический институт.

Промышленный шпионаж ежегодно сберегает Советскому Союзу сотни миллионов рублей военного бюджета. Практически все советские долговременные и краткосрочные проекты научных исследований в военной области извлекают выгоду из приобретенных на Западе идей или технологий. Каждый год полученная за рубежом информация помогает СССР вносить улучшения примерно в 100 научных разработок, начинать сотни других, сокращать время поисков примерно тысячи и совершенствовать технический уровень еще многих тысяч проектов. Данное обстоятельство представляется особенно важным потому, что Советский Союз проявляет исключительную активность в области стратегических ракет, средств противовоздушной обороны, надводных военно-морских сил и противолодочных средств, космического и противоспутникового оружия, а также систем тактического назначения. В некоторых случаях Советскому Союзу удалось на 2 года сократить время создания систем оружия от начала проектирования до их фактического принятия на вооружение. По данным ЦРУ (со ссылкой на советские источники), экономия времени иногда достигала пяти лет, как это было с радаром нижнего обзора и управления огнем на фоне земли для новейших советских истребителей.

Утечка западной технологии представляет собой серьезную опасность. До сих пор преимущество Советского Союза в количестве оружия уравнивалось американским качественным превосходством. Соединенные Штаты и их союзники вряд ли когда-либо сумеют довести количество своих вооруженных сил в Европе до уровня стран Варшавского пакта, ибо это связано с резким увеличением военных расходов. Западным демократиям никогда не превзойти восточные диктатуры в умении заста-

вить свои народы нести большие жертвы. Поэтому Соединенным Штатам просто необходимо поддерживать баланс сил, концентрируя внимание на качественном аспекте соперничества.

США должны сохранить по крайней мере такое техническое преимущество, при котором ценность количественного превосходства Москвы стала бы сомнительной. Пока Кремль не уверен в том, что преимущества в количестве достаточно, чтобы выдержать испытание оружием, он вряд ли решится на подобную пробу сил. Но если наше превосходство уменьшится до уровня, позволяющего рассчитывать на успех, Москва под любым предлогом — или путем прямого давления, или скрытой агрессии — постарается извлечь выгоду из своей военной мощи.

Рамки интегрированной стратегии

Соединенные Штаты не располагают единой, соответствующей современным условиям целостной стратегической доктриной. Американская ядерная стратегия не отражает ядерные реальности сегодняшнего дня. Позиция в вопросе обычных войн не отвечает существующим геополитическим угрозам, а военно-морские силы США целиком и полностью поглощены решением своих стратегических задач. На стратегическом ядерном уровне Соединенные Штаты, несмотря на концептуальные инициативы последних лет, все еще наделены на испепеляющий ядерный контрудар, хотя американский стратегический арсенал стал более уязвимым к обезоруживающей атаке, а противник стремится создать стратегический резерв, предназначенный для парирования американского тотального ядерного удара. Сухопутные вооруженные силы США общего назначения сконцентрированы главным образом на первом главном фронте, где выше вероятность перерастания вооруженного конфликта в ядерную войну. И этих сил очень мало или вовсе нет на других фронтах, где более вероятна затяжная война с применением обычных вооружений.

В стратегии военно-морских сил в последнее время упор делается на повышение способности США вести боевые действия вблизи советских портов и оказывать силовое воздействие, подвергая противника тяжелому обстрелу с моря и атакам с воздуха. В результате Соединенные Штаты страдают от ряда серьезных недостатков. Это *слишком жесткая позиция на высшем стратегическом уровне*, которая подрывает убедительность сдерживания в случае менее чем тотальной ядерной войны; это *отсутствие мобильности и геополитической сбалансированности* в области ведения боевых действий обычным оружием; это *неопределенность* даже в вопросе, касающемся способности США контролировать океанские просторы в длительной обычной войне.

Интегрированная стратегия, соединяющая концепцию взаимной стратегической безопасности с гибкостью на уровне обычных вооруженных сил в глобальных масштабах, должна стремиться дополнить различные средства, необходимые для расширенного сдерживания на любых уровнях ядерного конфликта, мощью сухопутных и военно-морских сил, чтобы преградить Советскому Союзу путь к быстрой победе в обычной войне на любом из евразийских театров военных действий и чтобы нанести поражение Советам в любом столкновении за пределами Евразии. Соответственно уцелевший стратегический потенциал сдерживания США должен быть достаточным для того, чтобы избирательно уничтожить важнейшие советские военные объекты и нанести тотальный ядерный удар возмездия по Советскому Союзу в целом. Другими словами, для того чтобы сдерживание оставалось убедительным, Соединенные Штаты должны располагать не только неуязвимыми ядерными силами, но также и системами коммуникаций, управления, контроля и сбора информации, созданными для ведения фактических военных действий.

В наступательном плане это означает наличие у США стратегических систем, способных атаковать значительную часть советских центров управления и контроля, укрытый руководящего состава и шахты стратегического оружия первого удара — но не в таком количестве, которое создавало бы угрозу первого удара по советской стороне, — а также неуязвимых сил второго удара, способных причинить невосполнимый ущерб советскому обществу в целом, и в первую очередь его имперскому великорусскому компоненту. В оборонительном плане это означает наличие у США стратегической обороны, способной защитить от первого удара наиболее важные американские центры управления и контроля и по меньшей мере значительную часть стратегических сил второго удара.

На уровне обычных вооружений сухопутные войска Соединенных Штатов должны — не беря на себя главную роль — укрепить оборону самых крайних регионов на востоке и западе Евразийского континента. Они должны быть готовыми к быстрой переброске на юго-западный фронт Евразии и способными нанести полное поражение любым советским силам, угрожающим американским интересам за пределами Евразии. Военно-морские силы США должны прежде всего обеспечить эффективный контроль над морскими просторами, поддерживая боевые операции сухопутных войск и — если необходимо — блокируя советские морские коммуникации.

Контроль над вооружениями следует рассматривать как неотъемлемую составную часть общих усилий, имеющих целью лишить Советский Союз возможности обрести важное в политическом отношении военное превосходство. Поэтому Соединенные Штаты должны стремиться к всеобъемлющему соглашению о контроле над вооружениями, обеспечивающему подлинную стратегическую безопасность путем сокращения количества систем первого удара до уровня, лежащего ниже числа возможных целей; выра-

ботки надежных гарантий против попыток развертывания подобных систем в будущем; установления одинакового для обеих сторон общего количественного уровня ядерных арсеналов по соображениям политического, психологического и стратегического характера.

Если это окажется невозможным, то следует предпочесть специализированные, ограниченные узкими рамками соглашения по контролю над вооружениями, призванные стабилизировать положение с отдельными видами вооружений, а не настаивать на расплывчатых в стратегическом и обманчивых в политическом отношении подробных количественных договоренностях. Кроме того, если всеобъемлющее соглашение по контролю над вооружениями окажется недостаточным, то Соединенным Штатам следует в одностороннем порядке двигаться к взаимной стратегической безопасности путем объединения ограниченных стратегических наступательных сил с силами стратегической обороны, способными отразить первый удар. Такая комбинация предпочтительнее, чем дальнейшая опора на доктрину «взаимного гарантированного уничтожения», связанную с бесконечным наращиванием стратегических наступательных систем.

Для того чтобы обеспечить Соединенным Штатам политический успех, совсем не обязательно создавать вооруженные силы, способные разгромить Советский Союз. Но мощь вооруженных сил США должна гарантировать, что ни при каких обстоятельствах Кремлю не придет в голову мысль о том, что советский военный потенциал превратился в инструмент, определяющий ход истории.

ГЛАВА VI. АМЕРИКАНСКИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРИОРИТЕТЫ

«Демократии, — писал сэр Холфорд Макиндер в свете горького опыта Европы, накопленного за годы военных лихолетий, — отказываются думать стратегически до тех пор, пока их не вынуждают к этому задачи обороны». В настоящее же время демократии должны думать не только стратегически в целях обороны, но также и геополитически с целью наступления. Для того чтобы победить в историческом американско-советском конфликте, Соединенные Штаты должны формировать такие международные альянсы, которые разделяли бы демократические морально-этические ценности и одновременно содействовали бы обеспечению мира и созданию больших возможностей для удовлетворения национальных и индивидуальных устремлений. Поступать иначе было бы равносильно отказу от выполнения своего долга.

Американцы не привыкли мыслить ни стратегически, ни геополитическими категориями. Хотя в силу сложившихся исторических условий США оказались втянутыми в длительное противоборство с государством, имеющим глубокие традиции политического искусства, характерной особенностью американской политической культуры по-прежнему остается отсутствие стратегического или геополитического сознания. Американские политические лидеры — отчасти ввиду предвыборных соображений — мыслят в основном требованиями текущего момента, зачастую подчиняя долгосрочные геостратегические интересы своим более близким политическим приоритетам. В американских школах история, география или общественные науки изучаются в лучшем случае поверхностно, как бы на

ходу, а ведь именно эти дисциплины закладывают важные предпосылки стратегического мышления. Американские средства массовой информации склонны концентрировать внимание общественности на роли личностей, делая при этом преувеличенные выводы из личных контактов американских и советских лидеров или давая поверхностные оценки личных качеств высших советских руководителей. В последние годы, например, американская пресса приветствовала приход к власти как Юрия Андропова, так и Михаила Горбачева, предсказывая новый поворот в американо-советских отношениях.

Однако подобный поворот, для которого к тому же требовалась бы существенная трансформация великорусских геополитических устремлений, может произойти только в том случае, если Соединенным Штатам удастся нейтрализовать советскую военную мощь и изменить геополитическую ситуацию, в рамках которой ведется американо-советское противоборство. Это означает, что в долгосрочной перспективе Соединенным Штатам необходимо добиваться реализации нескольких ключевых геополитических задач, с тем чтобы смягчить американо-советские отношения, а возможно, и сделать их менее антагонистическими. Благоприятные возможности для проведения такой стратегии существуют, поскольку на протяжении последних двух десятилетий Советский Союз потерпел поражение в идеологическом и экономическом соревновании с Соединенными Штатами. Следовательно, дальнейшая задача Америки состоит в том, чтобы не проиграть состязание в военной области, а затем одержать верх в геополитическом соревновании.

Идеологическое поражение Советского Союза совпало с экономическим. На протяжении двух истекших десятилетий Советский Союз утратил доверие к себе в глобальных масштабах в обеих сферах. Его опыт больше не воспринимается в качестве привлекательного социального экспе-

римента или ключа к быстрой модернизации экономики. В распоряжении Москвы остаются только два пути. Первый — укрепить свои позиции с помощью военного шантажа и агрессивных акций, чему Америка может воспрепятствовать, и второй — использовать неустойчивую политическую ситуацию в различных регионах в целях подрыва американских позиций. Как уже отмечалось ранее, политика стимулирования региональной нестабильности и подстегивания антиамериканских настроений является слабой заменой потери привлекательности советской модели, но это самое сильное средство, которое доступно СССР в настоящее время.

Если США используют свои возможности, то советскому руководству придется либо согласиться с возросшим глобальным политическим плюрализмом, либо столкнуться с максимальным обострением внутренних проблем. В обоих случаях попытки Советского Союза добиться господствующих позиций на Евразийском материке ослабнут. Поэтому Соединенные Штаты должны добиваться следующих четырех широких геополитических приоритетных целей: 1) содействовать ускорению образования полагающейся в большей степени на собственные силы Западной Европы, а постепенно и всей Европы, преодолевшей послевоенное разделение; 2) способствовать образованию неформального стратегического треугольника на Дальнем Востоке с помощью расширения экономического и политического сотрудничества между США, Японией и Китаем; 3) подпереть мягкое «подбрюшье» Юго-Восточной Азии путем политического и военного укрепления государств, примыкающих к южным границам СССР; 4) способствовать внутреннему давлению в контролируемых СССР восточноевропейских государствах и даже в самом Советском Союзе в сторону большего политического плюрализма и терпимости.

Долгосрочная стратегия, направленная на формирование более стабильной геополитической обстановки для

американо-советских отношений, — это единственный политический курс, который наверняка смягчит данный конфликт, а возможно, и сделает его менее опасным. Но для того чтобы избежать перенапряжения сил, Соединенным Штатам необходимо выборочно использовать имеющиеся в их распоряжении рычаги. В Европе США должны предпринимать прежде всего политические действия, стремясь несколько ослабить определяющую роль своего военного участия в делах этого региона. На Дальнем Востоке США должны полагаться главным образом на экономические инструменты в целях цементирования отношений, также имеющих стратегическое значение. В Юго-Западной Азии Соединенным Штатам следует обновить свою политику и признать, что военное ее измерение критически важно в оборонительных целях, а политическое — в наступательных. В рамках советского блока Америке необходимо энергично использовать высокоразвитые средства электросвязи^[20] в качестве главного инструмента стимулирования позитивных перемен.

Более самостоятельная Европа

Спустя 40 лет после окончания второй мировой войны и 30 лет после завершения экономического восстановления самая дальняя западная часть Евразийского материка все еще остаётся американским военным протекторатом. Хотя Западная Европа вновь стала крупнейшим центром торговой, финансовой и экономической мощи в международных отношениях, тем не менее она по-прежнему политически расколота и слаба в военном отношении и, кроме того, не проявляет большого желания самой обеспечивать свою собственную оборону. В более широком смысле Европа как культурно-географическое образование продолжает оставаться жертвой раскола на американскую и советскую зоны, в которых соответствующие стороны занимают политически доминирующие позиции.

Подобная ситуация отрицательно сказывается на американско-европейских отношениях и к тому же стимулирует американско-советское противоборство. Она порождает напряженность и трения в межатлантическом партнерстве, а любое изменение в политической ориентации Западной или Восточной Европы автоматически вызывает геополитическую тревогу как в Америке, так и в России. Хотя нынешний раскол Европы внешне кажется стабильным, в действительности же это пример «метастабильности» физически жесткой структуры, в случае потрясения которой может произойти массивный обвал. Такое потрясение обернулось бы драматическими последствиями для отношений между Востоком и Западом.

Каковы в этом случае основные альтернативы будущего Европы и какая из них наилучшим образом отвечала бы интересам США? Конечно, самый простой и легкий выход из положения — это сохранение существующего порядка вещей, включая поддержание очень крупного и надежного военного присутствия США в Европе в рамках Атлантического союза, связывающего Америку с половиной Европы. Но в таком случае не будет изменений ни в политических, ни в психологических основах отношений, которые не только обеспечивают безопасность Западной Европы, но и косвенным образом закрепляют раскол Европы.

Это было бы сомнительным выбором, принимая во внимание тот факт, что раскол Германии в рамках раскола Европы делает оба раскола животрепещущей проблемой. Это гарантирует длительную политическую борьбу за будущее Германии, а следовательно, и за будущее Европы. Такая ситуация означает американско-советский конфликт стратегического значения, в котором ставки настолько высоки, что ни одна из сторон не может допустить прямого поражения. В условиях существования расколотой Германии, выступающей постоянным катализатором изменений,

будущее Европы остается проблемой, несмотря на тупиковое положение последних 40 лет.

Ситуация была бы иной, если бы разделение Европы одновременно не повлекло за собой раскол Германии. Если бы геополитическая американо-советская граница была проложена по Рейну или по Одере — Нейсе вместо Эльбы, разделение Европы на две сферы влияния не было столь резко обозначенным, а в политическом плане было бы более легко преодолимо. Если бы линия разделения пролегла по Рейну, крестец западноевропейских государств испытал бы столь большую угрозу советского присутствия, подкрепляемого советизированной Германией, что его постоянной заботой стало бы обеспечение самых тесных связей с Америкой; при этом о судьбе Центральной и Восточной Европы, оказавшихся «во власти» Советского Союза, никто бы не думал. Но, с другой стороны, если бы советский контроль простирался только до линии Одера — Нейсе, поляки и чехи были бы столь напуганы, что поддерживаемая Америкой Германия может возобновить свой традиционный «Дранг нах остен», что раскол Европы стал бы второстепенной заботой.

Представляется, что сложившийся тупик вызывает растущее недовольство всех европейцев. Западные немцы, которые больше не испытывают чувства вины за развязывание войны, в меньшей мере заморожены американским идеалом и подавлены провалом идеи единой Европы в качестве альтернативы секущим раздорам националистическим чувствам, естественно, испытывают все больший интерес к судьбе своих братьев, живущих в условиях чуждой им системы. Точка зрения о том, что судьба объединенной Германии зависит от тесных отношений с Россией, не является новой в немецкой политической традиции. Разочарование, вызываемое расколом немецкой нации, дает этой идее второе дыхание.

Как следствие этого, Западная Германия уже проводит свою собственную политику в отношении Востока. Она тщательно старается не провоцировать Москву по таким невралгическим проблемам, как Польша — геополитически ключевое государство Восточной Европы, — и культивирует особые экономические отношения с Восточной Германией. Восточная Германия, возможно, наиболее эффективный партнер Москвы в сборе разведывательных сведений на Западе. Она активно поддерживает некоторые акции международного терроризма, осуществляет подготовку кадров секретной полиции и поставляет агентов охраны некоторым промосковским радикальным режимам в «третьем мире». ГДР является решительным противником любой политической либерализации в Восточной Европе. Тем не менее реакционный и опасный режим ГДР пользуется значительной экономической помощью со стороны Западной Германии, и это обстоятельство самым непосредственным образом способствовало тому, что Восточная Германия стала наиболее важным младшим партнером Москвы. Беспрецедентные кредиты, прямые ежегодные выплаты и другие финансовые поступления от Западной Германии дают Восточной Германии около 2,5 млрд. марок ФРГ в год.

Кроме того, с помощью Бонна восточногерманские товары получили свободный доступ на западноевропейский «Общий рынок». Было подсчитано, что это даст восточногерманской экономике дополнительно 2 млрд. долларов в год. Фактически ключевому участнику Организации Варшавского пакта оказывается огромная экономическая помощь, косвенные выгоды от которой извлекает Советский Союз. Эти особые экономические связи дополняются укрепляющимися политическими связями, которые искусно трансформируют политическую ориентацию Западной Германии, причем в большей степени, чем они влияют на жестко контролируруемую Восточную Германию. Эволюция

внешнеполитической позиции СДПГ уже значительно продвинула ее по пути к нейтрализму. В 1985 г. СДПГ совместно с правящей Коммунистической партией Восточной Германии (СЕПГ) выступила в поддержку во многом не поддающегося проверке запрета химического оружия и переговоров о создании безъядерной зоны в Центральной Европе. Обе эти идеи являются уже много лет советскими предложениями, выдвинутыми в пропагандистских целях. Когда в Польше было подавлено движение «Солидарность», такие ведущие западногерманские деятели из среды социалистов, как бывший канцлер Гельмут Шмидт и редактор Тео Зоммер, публично поддержали данную акцию, что явилось резким контрастом с тем осуждением, которое она встретила со стороны других социалистов в Западной Европе.

Более того, и для Германии в частности, и для Западной Европы в целом Восток особо привлекателен с экономической точки зрения. Он является традиционным рынком западноевропейских промышленных товаров. По мере того как Западная Европа убеждается, что в условиях внутренней разобщенности она все в меньшей степени может конкурировать с высокотехнологичными экономиками Америки и Японии, она все более склоняется к линии на поддержание особых экономических отношений с Восточной Европой. Опасение, что Америка, возможно, переключит свое внимание с Атлантического на Тихоокеанский регион, в данном случае само себя питает и подкрепляет: оно оправдывает более широкое экономическое, а возможно даже, и политическое взаимное приспособление друг к другу между отстающей в технологическом отношении Западной Европой и еще более отсталым советским блоком, который логично является потребителем того, что может произвести Западная Европа.

Сказанное, однако, не означает, что Европа просто пойдет на сепаратное приспособление к Советскому Союзу, удовлетворяя тем самым давние советские амбиции.

Следует отметить, что потенциальная и растущая восприимчивость Западной Европы к советской политике объясняется скорее тем, что ее соблазнили, чем запугали. Советская политика, рассчитанная на более искусное использование продолжающегося отсутствия единства в Европе, растущая разочарованность в Америке по поводу недостаточных усилий европейцев в области укрепления обороны и неизбежный рост популярности таких уводящих от действительности идей, как замораживание ядерного оружия, могут оказать поляризующее воздействие на общественное мнение как в Америке, так и в Европе.

В Европе искусная советская политика нацелена не на развал НАТО как организации, а на выхолащивание ее политической и военной сущности. Используя двойственность настроений в Германии и крепнущие связи между Бонном и Восточным Берлином, эта политика будет преследовать цель превращения Германии в политически полунейтрального члена НАТО, тем самым вызывая тревогу и усиливая разобщенность в Западной Европе. Вместо того чтобы сосредоточиться на том, чтобы нанести Америке видимое и прямое политическое поражение в Европе, она будет играть на нежелании европейцев ассоциировать себя с Америкой в контексте глобального и идеологического соперничества с Россией с целью постепенно достичь молчаливого согласия Европы на ее подчинение Москве.

Не является чрезмерно пессимистичным утверждение, что зависимая в военном отношении, раздробленная политически и отсталая экономически Европа окажется более податливой к подобным ухаживаниям. Атлантический союз, в котором Европа не имеет перспектив на будущее и не проводит своей политики, а Америка проводит свою политику, но не имеет перспектив, может оказаться неспособным выполнить историческую миссию, то есть отразить советский вызов. Короче говоря, непрерывное советское мирное наступление представляет собой угрозу, что Моск-

ва в конце концов сумеет отколоть Европу от Америки и таким образом, воспользовавшись хронической исторической усталостью Европы, добиться того, чего Сталин тщетно домогался в Ялте.

Существуют ли какие-либо альтернативы непрерывно ухудшающемуся статус-кво? Рассмотрим пять альтернатив нынешней ситуации, характеризующейся тем, что западная половина Европы через НАТО связана с Соединенными Штатами, а восточная ее половина продолжает подчиняться Советскому Союзу, с которым она формально связана Варшавским пактом: 1) распространение советского господства на всю Европу в результате не военного завоевания, а молчаливого согласия последней; 2) нейтрализация Западной Европы, которая будет сохранять внутреннюю автономию, но с пониманием отнесется к проблемам Советского Союза на международной арене; 3) сплочение в политическом и военном отношениях Западной Европы, менее зависимой от Соединенных Штатов, но все еще связанной с ними в рамках стратегического союза; 4) интеграция в политическом и военном отношениях Западной Европы, которая одновременно имеет более тесные связи с Восточной Европой; тогда Америка и Россия постепенно ослабят (или будут вынуждены ослабить) накал своей конфронтации на берегах Эльбы в сердце Европы, и 5) экспансия НАТО на всю глубину территории Европы вплоть до западных границ Советского Союза.

Из этих пяти альтернатив первая и последняя могут быть отвергнуты как полностью неправдоподобные, поскольку реализация любой из них означала бы серьезное поражение Америки или России, чему обе сверхдержавы будут упорно сопротивляться. Более того, попытки осуществить первый вариант встретят сопротивление и большинства западноевропейцев, и мало оснований ожидать, что независимая Франция и в целом процветающая Западная Европа молчаливо согласится с открытым советским

господством. В этом отношении экономическая и культурная пропасть между Западной Европой и Россией также создает политический барьер. Пятый вариант возможен лишь в случае массовых волнений в самом Советском Союзе, настолько сильных, что это как вызвало бы односторонний вывод советских войск из Центральной Европы, так и парализовало бы политическое стремление Кремля к сохранению своей империи.

Реальная опасность, которую должна предусмотреть и предупредить американская политика, заключается во втором варианте. Он может сложиться в результате злокачественного стечения нескольких событий: экономического кризиса на Западе, политической катастрофы Западной Европы и роста трансатлантической напряженности. Как уже отмечалось, Германия — это страна, являющаяся геополитическим взрывателем. Чтобы избежать этой перспективы, Соединенные Штаты должны способствовать осуществлению третьего варианта, который включает в себе возможность эволюционировать в четвертый вариант.

Появление более сплоченной в политическом и военном отношениях Западной Европы, менее зависящей от помощи Соединенных Штатов в деле укрепления своей обороны, но остающейся связанной с ними узами стратегического союза, потребует от европейцев большей политической воли, чем они продемонстрировали в последние годы. Печальный факт заключается в том, что Европа продолжает страдать от исторической усталости, вызванной разрушительными последствиями двух чудовищных войн. Первоначальное позитивное побуждение к созданию единой Европы, связанной с Америкой, постепенно исчезло по мере ликвидации послевоенной разрухи и ослабления актуальности советской военной угрозы, поскольку Америка продолжала нести обязательства по укреплению безопасности Западной Европы. Стало более удобным отключиться от глобального противоборства Америки про-

тив России, продолжая в то же время пользоваться той защитой, которую обеспечивала региону Америка.

Вряд ли в обозримом будущем более самостоятельная Европа возникнет в результате инициативы самих европейцев. Для этого французы и немцы должны будут сотрудничать в области обороны, заменив, возможно, американца на посту главнокомандующего войсками НАТО европейцем (вероятнее всего, французом). И европейцы должны будут выделять больше средств на укрепление своей общей обороны. Все это потребует такого политического руководства в Видной Европе, которое смогло бы указать общую цель для европейцев, стремящихся играть более независимую роль на мировой арене. За это выступают многие европейские лидеры. Некоторые французские и немецкие государственные деятели выдвинули предложения о франко-немецком военном сотрудничестве в контексте возрожденного Западноевропейского союза. Но сохраняющийся статус-кво не способствует осознанию общественностью степени угрозы. На призывы к созданию более могущественной Европы не было пока обращено внимания.

Америка может помочь этим усилиям. Политическая потребность дополняется военной необходимостью вывода части американских сухопутных войск из Европы. Постепенный вывод части американских войск неизбежно побудит европейцев сконцентрировать внимание на долгосрочных потребностях европейской коллективной безопасности, а такой поворот событий вынудит европейских лидеров говорить об этом более откровенно. Фактически европейцы, полностью восстановив свою экономику, делают для своей обороны намного меньше, чем американский народ, и давно назрела необходимость сделать эти усилия более равными. Вывод американских войск, осуществленный не как воинственный жест или карательная мера, а как мера, вызванная глобальными обязательствами США, поставит европейцев перед необходимостью

ответить на основной вопрос: считают ли они, что Советский Союз представляет собой угрозу Западной Европе? Если нет, тогда вывод некоторой части вооруженных сил США не повлияет на их чувство безопасности; если же да, тогда, разумеется, следует ожидать больших усилий европейцев в области обороны.

До тех пор пока этот вопрос не будет поставлен, большинство европейцев, очевидно, будет считать для себя более удобным такое положение, когда основные силы выставляются Соединенными Штатами, которые несут непропорционально высокие финансовые тяготы. Иногда утверждают, что постепенный вывод некоторой части сухопутных войск США ускорит сползание Западной Европы к нейтрализму, что способствовало бы, по сути дела, осуществлению второго варианта, который в остальных отношениях представляется наиболее вероятным. Трудно в это поверить. Как раз наоборот: постепенное сокращение, скорее всего, подтолкнет европейцев к осознанию того, что пришло время взять на себя ответственность за создание более автономной и в то же время внушающей большее доверие Европы. В конце концов, большинство европейцев знают, что подчинение Москве будет иметь для них неприятные социально-экономические последствия, чего они могут не допустить.

Не следует недооценивать способность Западной Европы крепить свою оборону. В 1983 г. Западная Европа превосходила СССР по численности населения (332 млн. человек против 275 млн.), объему ВВП (2597 млрд. долларов против 1769 млрд.) и по величине доходов на душу населения (7500 долларов против 6490 долларов). Более того, к середине 90-х гг. франко-британские ядерные силы будут в состоянии поразить более чем 1500 целей на территории СССР, в то время как большая интеграция французских вооруженных сил в общеевропейскую оборону и, что крайне необходимо, повышение боеготовности и стой-

кости германских вооруженных сил могли бы компенсировать предлагаемое ограничение присутствия сухопутных войск США в Западной Европе.

Кроме, того, не существует какого-то магического способа определения численности американских войск в Европе. Военные расчеты здесь вообще ни при чем. В настоящий момент количество американских войск увеличилось по сравнению с 1970 г., чему предшествовало их устойчивое сокращение между 1955 и 1970 гг., хотя берлинский кризис 1960 г., возможно, оправдывал увеличение. Более того, увеличение их численности начиная с 1970 г. не отражало улучшения отношений между Востоком и Западом в Европе, включая Хельсинкские соглашения, ослабление страхов европейцев перед советской военной агрессией или возросшую способность западноевропейцев заботиться о своей обороне.

Оправданный с военной и благоприятный с политической точки зрения частичный вывод войск США из Европы — до более низкого, чем в 1970 г., уровня — мог бы быть предпринят в одностороннем порядке ввиду глобальных военных нужд США. Или же, по крайней мере на начальной стадии, он мог бы стать частью некоторых совместных советско-американских сокращений. Для того чтобы способствовать сокращениям с советской стороны, Соединенные Штаты могли бы занять более гибкую позицию на переговорах о взаимном и сбалансированном сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе (МБФР). Еще в сентябре 1953 г. президент Эйзенхауэр в личном послании своему государственному секретарю заметил, что он приветствовал бы «обоюдный вывод Красной Армии и вооруженных сил Соединенных Штатов». Сокращения, которые первоначально проходили бы под эгидой МБФР и затронули бы как американские, так и советские силы, не приведут к непосредственному усилению озабоченности среди западноевропейцев и помогут избежать нежелательного впечатления,

будто Соединенные Штаты уходят из Европы. Но если взаимные сокращения окажутся невозможными, это не должно воспрепятствовать американской программе вывода своих войск. Это будет слабая шоковая терапия для уснувших летаргическим сном благодушных европейцев.

В Америке такие сокращения поддерживают обе партии. В течение последних нескольких лет некоторые влиятельные американцы ратовали за сокращение сухопутных американских войск в Европе до более низкого уровня, с тем чтобы превратить НАТО в более действенный региональный оборонительный союз. Будучи далекими от проповеди идей изоляционизма, республиканцы Ричард Пайпс и Генри Киссинджер, а также демократы Джон Гленн и Сэм Нанн, давние и заслуженные сторонники тесных связей между США и Европой, выдвигают альтернативные планы, направленные на постепенное сокращение американских войск и на усиление роли европейцев в НАТО.

Для Соединенных Штатов постепенное укрепление самостоятельности Европы стало бы геополитическим благом. Это был бы огромный шаг на пути создания более плюралистского мира, не столь поляризованного из-за конфликта между СССР и США. Это позволило бы Западной Европе привлечь к себе Восточную Европу и в то же время не допустить, чтобы это автоматически стало успехом Америки в ущерб России. Более тесные отношения между двумя половинами Европы могли бы пройти в своем развитии определенные стадии, начиная с общеевропейского экономического сотрудничества и вплоть до заключения специальных соглашений по безопасности в Центральной Европе, примером для которых мог бы послужить Государственный договор Австрии от 1955 г. В любом случае, по мере того как Западная Европа начнет вновь играть свою историческую роль, она будет все более следовать увещаниям известного английского историка, покойного Хью

Сент-Уотсона, который в своей последней опубликованной в 1985 г. работе писал:

«Давайте перестанем говорить о советской колониальной империи как о чем-то постоянном, а о неокаролингской империи ЕЭС — как о Европе. Нет ничего поджигательского или святотатственного в этих маленьких изменениях в лексиконе.

Европейское культурное сообщество включает в себя людей, живущих за пределами Германии и Италии, и мы не должны это забывать, данное обстоятельство не отменяется тем фактом, что эти люди не могут сейчас принадлежать к всеевропейскому экономическому или политическому сообществу. Это лишь служит основанием для содействия установлению и для наилучшего использования любых культурных контактов с ними, чтобы постоянно показывать, что мы считаем их такими же европейцами, как и мы сами».

Кое-кто идею более самостоятельной Европы, постепенно вернувшей себе более значительную роль в мировых делах и привлекающую к себе Восточную Европу, отбросит как пустую мечту. Однако нет ничего более опасного, чем представление о том, что положение дел останется таким, каким оно является сейчас. Европа изменится сама или же она будет изменена в результате обдуманной стратегии. Действительно, даже беглый взгляд на те перемены, которые произошли в Европе всего лишь за четверть века, напоминает, что существенные перемены возможны даже за исторически короткий период.

В течение следующих 25 лет произойдут как важные, так и менее значительные события. Таким образом, время и геополитические потребности заставляют, чтобы первоочередной задачей Атлантического союза — союза, который все еще является одной из основ глобальных связей Америки, — стало появление на крайнем западе Евразийского материка более самостоятельной Европы.

Тихоокеанский треугольник

Модель для Европы начинает образовываться на Дальнем Востоке: основные региональные действующие силы становятся все более самостоятельными, чему способствуют ограниченное военное присутствие США в Южной Корее и Японии и четкие обязательства по обеспечению безопасности этих стран, а также крупные вооруженные силы США в Тихоокеанском регионе.

Для выработки эффективных региональных соглашений, способных укрепить геополитическую стабильность, необходимо ответить на четыре сложных вопроса: 1) Каков периметр национальной безопасности США на Дальнем Востоке? 2) Каким образом Соединенные Штаты могут побудить Японию играть более активную роль в укреплении безопасности, не вызывая в то же время беспокойства в регионе в целом и не усиливая разногласий в самой Японии? 3) Каким образом Соединенные Штаты могли бы развивать сотрудничество с Китаем, не возбуждая в то же время подозрений китайцев, что цель Вашингтона — оказать давление на Советский Союз, особенно если Москва и Пекин предпримут дальнейшие шаги по нормализации их отношений? 4) Что могли бы сделать Соединенные Штаты для укрепления стабильности и безопасности двух взрывоопасных стран Дальнего Востока — Южной Кореи и Филиппин?

Где же провести границу американской безопасности? Неясность в этом вопросе способствовала возникновению корейской войны, и крайне важно не повторить этой ошибки, даже если договорные обязательства Америки на Дальнем Востоке не являются столь широкомасштабными, как в отношении Атлантического союза. Очевидно, Южная Корея и Япония входят в сферу жизненно важных интересов США, причем Соединенные Штаты несут договорные обязательства реагировать в случае нападения на них.

Военное присутствие США на Филиппинах также означает четкое обязательство, усиливаемое геополитическим значением самих островов. Соединенные Штаты, кроме того, имеют жизненно важные интересы в Таиланде — особенно ввиду его близости к Малаккскому проливу — и будут вынуждены реагировать на установление просоветского или вьетнамского контроля в стране, даже если на первых порах он будет установлен и не в результате прямой военной интервенции. Таким образом, периметр жизненно важных интересов национальной безопасности США начинается на японских островах, включает Южную Корею и Филиппины, и продолжается вплоть до Таиланда.

Более сложным и чувствительным вопросом являются отношения с Китайской Народной Республикой. Не существует формального соглашения в области обеспечения безопасности между Соединенными Штатами и Китаем, хотя некоторые совместные меры в этой сфере были приняты в последние годы. В то же время Пекин разделяет глубокую озабоченность Вашингтона в связи с вьетнамской оккупацией Кампучии (Камбоджи) и усилением советского военного присутствия во Вьетнаме. Америка и Китай также сотрудничают в деле сопротивления советской агрессии в Афганистане. Обе страны резко критикуют продолжающуюся советскую оккупацию и поддерживают афганское сопротивление. Таким образом, реально существуют общие стратегические интересы.

Более того, как постоянно подчеркивают Соединенные Штаты, существование сильного и уверенного в себе Китая соответствует их интересам. Только такой Китай может проводить независимую внешнюю политику, критикуя Соединенные Штаты по одним вопросам и выступая в то же время против Советского Союза — по другим. Хотя американо-китайские отношения важны сами по себе, Китай является критически важным фактором в американо-советском противоборстве. То обстоятельство, что Китай сам

по себе — основное препятствие региональной гегемонии СССР, является даже более значительным, чем негативное отношение китайцев к некоторым конкретным действиям Советов. Сильный, обеспечивший надежную безопасность и преследующий свои национальные интересы Китай является главным препятствием советскому доминированию на Дальнем Востоке, даже если китайско-советские отношения будут менее враждебными. Таким образом, с политической точки зрения периметр жизненных интересов США включает и Китай. Соединенные Штаты не могут быть ни пассивными, ни равнодушными перед лицом насильственных попыток Советов изменить китайское руководство или угрожать независимости у Китая.

Это значит, что Соединенные Штаты не могут защищать свои жизненные интересы на Дальнем Востоке посредством одной лишь военно-морской стратегии. США должны заботиться и об обеспечении безопасности материковой части дальневосточной периферии Евразии, прежде всего Китая и Таиланда. Существование сильного и независимого Китая ограничивает вероятность возобновления конфликта на Корейском полуострове и укрепляет безопасность Японии. Соответственно укрепление безопасности Таиланда способствует укреплению безопасности стран, объединившихся в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Их политическая и экономическая жизнеспособность содействует международной стабильности. Таким образом, до сведения всех заинтересованных сторон должно быть доведено, что Соединенные Штаты будут рассматривать любые враждебные действия, направленные против безопасности этих двух азиатских государств, как угрозу своей национальной безопасности.

Но для достижения этих целей Соединенные Штаты должны прежде всего поддерживать и укреплять свое стратегическое сотрудничество с Японией. Американо-японские отношения должны стать краеугольным кам-

нем политики национальной безопасности США на Дальнем Востоке. Если они ослабнут или будут отравлены из-за экономического протекционизма и других подобных проблем, то под угрозой окажется вся структура политики США на Дальнем Востоке. Развитие и распространение этих отношений в целях укрепления безопасности требует от Америки осторожности. Соединенные Штаты должны хорошо осознавать наличие возражений в самой Японии по вопросу об увеличении военных расходов, а также беспокойство в регионе относительно перехода Японии на главные военные роли. Многие там все еще помнят вторую мировую войну.

Понятно, что Соединенные Штаты оказывают давление на Японию, с тем чтобы последняя увеличила свои усилия в области обороны. В то время как доля ВВП, выделяемая Соединенными Штатами на оборону, составляет 6,6%, а у основных западноевропейских держав колеблется от 2,8 до 5,3%, Япония продолжает сохранять свой военный бюджет на уровне приблизительно 1% ВВП. Южная Корея, из укрепления безопасности которой Япония, несомненно, извлекает пользу, выделяет 7,5% своего ВВП на оборону. В то время как средний американец тратит на оборону каждый год примерно 890 долларов, а средний британец, француз и западный немец — соответственно 470, 420 и 370 долларов, среднему японцу это обходится только в 100 долларов. Принимая во внимание огромную жизненную неспособность японской экономики, следует отметить, что ее оборонные усилия являются непропорционально малыми, что в свою очередь вызывает негодование в политических кругах Соединенных Штатов.

Тем не менее, американцы должны уважать искренность и глубину японского антимилитаризма. Эти чувства проистекают из болезненного исторического опыта; они не являются циничной маскировкой эгоизма. Именно по настоянию американцев антимилитаристские принципы

были включены в конституцию Японии, и для японского народа соблюдение этих принципов является делом чести. Более того, откровенное и грубое американское давление на Японию с целью наращивания ее военной мощи может лишь привести к ликвидации существующего в Японии консенсуса по вопросу о желательности американо-японского союза и вызвать усиление внутривнутриполитической борьбы в Японии. В последние годы подавляющее большинство японских избирателей поддерживает тесное американо-японское сотрудничество в области обеспечения безопасности. Было бы глупо подвергать риску такое положение.

Во всяком случае, позиция Японии не остается неизменной. На встрече в верхах в Вильямсберге в мае 1983 г. японцы присоединились к подписанной главами высокоразвитых индустриальных демократий декларации, в которой говорилось: «Безопасность наших стран неделима, и к ней следует подходить как к глобальной проблеме». Принятая Токио пятилетняя программа в области обороны предусматривает значительное увеличение военных расходов, что укрепит безопасность Японии, особенно возможности ее вооруженных сил осуществлять воздушное и морское патрулирование, а также возможности ПВО Японии. Кроме того, новая программа, принятая японским кабинетом в 1985 г., более не предусматривает поддержания военных расходов в произвольно установленных рамках 1% ВВП. Не следует преуменьшать значение этого решения, которое является важной психологической вехой. Следует отметить, что эта программа не встретила значительной политической оппозиции.

Тем не менее остается фактом, что в обозримом будущем Япония будет вносить в коллективную безопасность меньший вклад, чем Соединенные Штаты и их основные союзники. Это положение следует исправить. Существует мнение, вполне возможно, следуя духу и вильямсбергской

резолюции, и японского антимилитаризма, ликвидировать в то же время эту несбалансированность. Необходимо поощрять Японию к увеличению пусть не прямого, но тем не менее жизненно важного вклада в общую безопасность посредством увеличения ее *стратегической* экономической помощи тем развивающимся странам, в которых западные демократии имеют жизненно важные интересы. Эти страны включают Египет, Таиланд, Филиппины и Пакистан. В настоящее время они получают относительно небольшую экономическую помощь от Японии, в 1983 г. всего 803 млн. долларов в виде содействия развитию экономики. Еще 290 млн. долларов было предоставлено Южной Корее. В 1984 г. Япония выделила более 1 млрд. долларов на оказание экономической помощи Филиппинам. Эти суммы следует рассматривать как часть вклада Японии в оборону, поскольку эта помощь укрепляет безопасность тех стран, в которых особые интересы имеют не только Соединенные Штаты или Западная Европа, но и сама Япония.

Существующие планы увеличить уровень общей экономической помощи Японии с 4 млрд. долларов в 1986 г. до 8 млрд. долларов в 1992 г. являются шагом вперед. Но, принимая во внимание силу экономики Японии, доля ВВП, выделяемая на оборону и стратегическую экономическую помощь, должна быть увеличена приблизительно до 4%, что примерно соответствует вкладу западноевропейцев в одну лишь оборону. Эта помощь должна быть направлена в те страны, в которых как Япония, так и Соединенные Штаты имеют значительные стратегические интересы. Она должна быть предоставлена не только тем азиатским странам, которые получают ее сегодня, но и важным в геополитическом отношении странам в других регионах. В частности, к таким странам могут быть отнесены центральноамериканские государства, особенно принимая во внимание важность Панамского канала для внешней торговли Японии.

Подобное увеличение японской экономической помощи и военных расходов увеличило бы вклад Японии в коллективную безопасность до уровня, превышающего 50 млрд. долларов, по сравнению с нынешними военными расходами, находящимися на уровне от 10 до 15 млрд. долларов. Это стало бы значительным вкладом, и от японцев зависит, каким образом он будет поделен между обороной и стратегической экономической помощью. Коллективная безопасность Запада была бы, таким образом, укреплена. Роль Японии в определении условий укрепления этой безопасности также усилилась бы, а ее влияние возросло бы до уровня, соответствующего ее экономической мощи.

Повысившийся статус Японии облегчил бы трансформацию ежегодной встречи в верхах по экономическим вопросам лидеров промышленно развитых демократических государств во встречу в верхах стратегического характера. Существует потребность иметь неформальный координационный орган, с помощью которого лидеры Америки, Европы и Японии могли бы обсуждать долгосрочную стратегию реализации совместных интересов, нацеленных на предотвращение господства в Евразии одной державы. Ежегодная встреча в верхах стратегического характера, в фокусе внимания которой были бы как глобальные экономические проблемы, так и проблемы глобальной безопасности, могла бы восполнить этот пробел.

Основой возрастающей стратегической роли Токио должно стать японское участие в укрепляющихся отношениях внутри так называемого Тихоокеанского треугольника — между Соединенными Штатами, Японией и Китаем. Отношения сотрудничества между Соединенными Штатами и Китаем и между Японией и Китаем — сравнительно новый элемент дальневосточной политики, и эти отношения все еще находятся в состоянии эволюции. От того, в каком направлении они будут эволюционировать, в зна-

чительной мере будет зависеть степень безопасности Японии и США в Тихоокеанском бассейне.

Китай имеет более протяженную общую границу с Советским Союзом, чем любая другая страна, и по ту сторону границы ему противостоят значительно превосходящие вооруженные силы СССР. Эта главная реальность воздействует на сознание китайских руководителей, побуждая их приходить к умозаключениям геостратегического плана, хорошо описанным Джонатаном Поллаком в одном исследовании «РЭНД корпорейшн» 1984 г.:

«Руководство в Пекине понимает, что советско-китайские отношения представляют собой гораздо более сложную проблему, чем разногласия и трудности во взаимоотношениях с Соединенными Штатами. В отличие от Советского Союза Соединенные Штаты более не представляют фронтальной военной угрозы для КНР. СССР же рассредоточил крупные, хорошо обученные и оснащенные вооруженные силы вдоль все еще частично спорной советско-китайской границы. Нарращивание советского военного потенциала по всем направлениям — сухопутные силы, ВВС, военно-морская мощь наряду с ядерными вооружениями — продолжается уже свыше десятилетия. Восточная Азия более не рассматривается советскими военными руководителями как периферийный военный фронт, и этот факт подтверждается учреждением независимого военного командования в этом регионе в конце 1978 г. Давняя советская цель была достигнута ценой огромных расходов: Советский Союз наконец стал державой, действительно обладающей способностью вести войну на два фронта, оказывать давление, угрожать и окружать Китай с севера, востока и юга».

Без Японии и Соединенных Штатов Китай не способен решить проблему советской военной угрозы. В одиночку он может стать объектом запугивания. Он не сможет ни модернизировать свою экономику, ни эффективно повысить

свои военные возможности. В этом и заключается основа для прочных, хотя и неформальных взаимоотношений в области обеспечения безопасности внутри Тихоокеанского треугольника.

Было бы, однако, ошибочным предполагать, что советская угроза сама по себе будет побуждать Соединенные Штаты и Китай держаться вместе. Эта угроза, конечно же, явилась тем фактором, который в первую очередь сблизил их в 1972 г. и который наиболее заметно фигурировал в соображениях обеих сторон, когда они согласились нормализовать свои отношения в 1979 г. Действительно, в то время китайские руководители даже говорили о создании де-факто союза с Соединенными Штатами, нацеленного против Советского Союза. Однако с тех пор Китай предпочитает занимать более нейтральные позиции. Сегодня ясно, что, в то время как Китай связывает свой долгосрочный курс на модернизацию с открытой экономической политикой в отношении Запада, он более не желает добавлять к этому обязательства в рамках откровенного военно-политического союза.

Поэтому для цементирования неформальных взаимоотношений стратегического характера внутри Тихоокеанского треугольника необходимо старательно развивать экономические связи. После нормализации отношений объем торговли быстро расширился, и этот фактор способствовал смягчению политических трений, возникших в первые годы администрации Рейгана. За 14 лет, прошедших со времени американо-китайского примирения, объем торговли вырос с 96 млн. долларов до 7 с лишним млрд. долларов в год. За этот же период объем торговли между Японией и Китаем вырос с 823 млн. до более чем 13 млрд. долларов в год. Эти расширившиеся торговые связи отражают приверженность Китая политике модернизации через сближение с Японией и Соединенными Штатами. Япония разделяет американскую заинтересованность в том,

чтобы Китай был более сильным и современным государством. Во время визита премьер-министра Ясухино Накасонэ в Пекин в марте 1984 г. была достигнута договоренность о предоставлении кредита Китаю на сумму 2 млрд. долларов и оба правительства заявили о своем намерении укреплять экономическое и технологическое сотрудничество «в XXI веке и после». Страшный сон Соловьева о том, что Китай проведет модернизацию с помощью японских рецептов, может стать явью!

Два района Китая особенно нуждаются в экономической модернизации. Один район — это Маньчжурия, традиционный промышленный центр страны, технологическая база которого в значительной мере устарела. Здесь необходимы как американские, так и японские инвестиции. Японцам, в частности, при проведении своей политики помощи следовало бы отдавать предпочтение китайской Маньчжурии, а не советской Сибири. Другой район — на северо-западе — включает провинцию Синьцзян. Недавно китайские руководители объявили о планах подъема этого крайне отсталого района, который, как и Маньчжурия, является чувствительным к геополитическим факторам. Он граничит с Советским Союзом и уязвим в случае вторжения. Действительно, в прошлом как Маньчжурия, так и Синьцзян были объектами советской экспансии.

Важной частью китайских усилий является создание сети коммуникаций, с тем чтобы не только более прочно связать Синьцзян с остальной частью Китая, но и облегчить прямой доступ к Пакистану. Последняя задача явно имеет важное и нужное военно-политическое значение с точки зрения осуществления более тесного сотрудничества между Китаем и Пакистаном. Имея в виду выдвинутые планы создания транспортной сети, китайские руководители говорят о восстановлении «шелкового пути и выхода в мир». Делегации промышленников из Европы уже проявили интерес к помощи Китаю по восстановлению мар-

шрута, по которому однажды прошел Марко Поло. Американское и японское содействие этому имело бы очевидное геополитическое значение.

Пока экономическая экспансия Китая будет продолжаться, США могут относительно спокойно подходить к вопросу о нормализации советско-китайских отношений. Три китайских условия подлинной нормализации этих отношений — вывод советских войск из Афганистана, вьетнамских — из Кампучии, а также сокращение вооруженных сил СССР на советско-китайской границе и в Монголии — более чем приемлемы, с точки зрения США. Поэтому маловероятно, чтобы нормализация отношений между Пекином и Москвой помешала улучшению отношений в треугольнике Китай — Япония — Соединенные Штаты.

Большая опасность — и возможность, которую, вероятно, ожидают в Советском Союзе, — состоит в том, что после ухода Дэн Сяопина его политика будет повернута вспять. В таком случае возможно появление некоторых беспорядков и определенного политического сопротивления со стороны консервативных коммунистических бюрократов. Но политические реформы и перемены в китайском руководстве, которые недавно навязал Дэн Сяопин, делают менее вероятным полное возвращение к старому. Представляется, что в Китае мало кто выступает либо за восстановление полного контроля над экономикой со стороны политического центра, либо возвращение к периоду сильной экономической зависимости от СССР. Расширение экономических отношений с США и Японией рассматривается большинством китайской элиты в качестве необходимой предпосылки успешной и быстрой модернизации Китая. Китайцы отдают себе отчет в том, что существование сильного и находящегося в безопасности Китая отвечает интересам США. Но они также понимают, что это могло бы не отвечать интересам России, что и придает первостепен-

ное значение долгосрочному экономическому соперничеству с Соединенными Штатами и Японией.

В контексте такого сотрудничества США и Япония должны постепенно стремиться определить масштабы общих проблем безопасности с Китаем. Консультации на выборочной основе по военным вопросам между этими тремя странами уже имели место, и проблемы безопасности явно учтены в той помощи, которую США и Япония оказывают усилиям Китая в области экономики. Масштабы открытой передачи военной технологии Китаю, возможно, возрастут, что в свою очередь может привести к расширению контактов по вопросам региональной безопасности.

Поэтому весьма вероятно, что тройственное экономическое, политическое и неформальное стратегическое сотрудничество в Восточной Азии получит дальнейшее развитие. Японо-американская сторона треугольника самая сильная, но поскольку обе страны сотрудничают с китайцами, то очевидно, что складываются и более прочные региональные отношения. Как и в случае с Западной Европой, Советский Союз активизирует свои усилия, с тем чтобы содействовать появлению расхождений между США и Японией и между США и Китаем. Но в отличие от Западной Европы как Япония, так и Китай все еще занимают по отношению к СССР настороженную позицию. Обусловленная историей и территориальными спорами враждебность затрудняет возможности СССР и содействует образованию сильных психологических основ жизненно важного Тихоокеанского треугольника.

По аналогичным причинам находится в безопасности Южная Корея. Северная Корея наверняка не решится на то, чтобы предпринять крупное нападение до тех пор, пока не будет уверена в поддержке по крайней мере одного из двух больших коммунистических государств и доброжелательном нейтралитете другого. Присутствие американских наземных сил обеспечивает важную гарантию того, что лю-

бое нападение вовлекло бы в конфликт Соединенные Штаты. У Южной Кореи нет политических проблем, которые ставили бы под вопрос ее стабильность и вызывали бы напряженность в отношениях с США. Но по мере роста своей экономики Южная Корея должна быть в состоянии проводить политические реформы, и Соединенным Штатам необходимо подспудно подталкивать ее к этому. Кроме того, американское общественное мнение и средства массовой информации должны чувствительно относиться к особым проблемам безопасности Южной Кореи, и, следовательно, открытого внешнего давления следует избегать.

Более непосредственной проблемой является политическая нестабильность и даже возможный кризис системы правления на Филиппинах. Япония может помочь уменьшить некоторые экономические причины социального брожения на Филиппинах путем расширения программы стратегической помощи, но для того, чтобы предотвратить политический крах, возможно, понадобится американское вмешательство. Американские связи с деловыми кругами и военным руководством Филиппин столь обширны, что для ускорения необходимых социальных реформ будет достаточно недвусмысленного поощрения. Однако, учитывая уроки падения сомосовского режима в Никарагуа и шахского — в Иране, важно, чтобы любая инициатива в этом направлении сопровождалась созданием условий для образования стабильных и эффективных правительств, способных осуществить долгосрочную программу экономического возрождения и развития. Это потребует как экономической помощи, так и энергичной политической поддержки.

Общие тенденции развития событий в Тихоокеанском регионе благоприятны для стабильности и соотносятся с коренными американскими интересами. Япония возникает как подлинно мировая держава и берет на себя соответствующую политическую и даже военную ответственность.

Китай, который отнюдь «не потерян» для Москвы, превратился в одного из крупных и эффективных оппонентов гегемонистским устремлениям Москвы в различных регионах. Исключительно хороших экономических результатов добилась Южная Корея, оставив Северную Корею далеко позади. Учитывая рост американской экономической вовлеченности в тихоокеанский район в целом, а также присутствие американской военной силы, укрепляющей атмосферу политической безопасности в регионе, можно сделать вывод о том, что формирование Тихоокеанского треугольника является наиболее обещающим событием для США в глобальном американско-советском противоборстве.

«Мягкое подбрюшье»

Наиболее неотложный и трудный геополитический приоритет для США представляет район к юго-западу от границ СССР, где ключевое положение занимают Иран и Афганистан в сочетании с Пакистаном. Данный регион, являясь на протяжении длительного времени объектом великорусских имперских замыслов, слабо защищен от советского политического и военного давления. Москва, занимая доминирующие позиции, в состоянии разорвать прямые связи между крайними западными и дальневосточными евразийскими союзниками США. Она владеет контролем над доступом к нефти Персидского залива и может получить прямой доступ к теплому океану.

Юго-Западная Азия представляет геостратегическую проблему устрашающих размеров. В Западной Европе США в определенном смысле могут достичь большего, делая меньше. На Дальнем Востоке они могут добиться успехов, продолжая нынешний курс, но положив в основу более продуманный стратегический замысел. Что же касается упомянутого «мягкого подбрюшья» Евразийского континента, то здесь необходимы масштабные усилия для того, чтобы не позволить Советскому Союзу в течение сле-

дующего десятилетия осуществить решающий прорыв на юг. Достижение этой цели, как никогда ранее, становится по силам Советскому Союзу.

Необходимо вновь подчеркнуть, что советская экспансия в указанном регионе осуществляется путем всестороннего, длительного и терпеливого использования внутренних слабостей, социально-политических различий и этнических конфликтов. Речь не идет о том, что интересам Запада угрожает какой-то неожиданный прорыв. Если возможности открываются, то время от времени такие прорывы действительно имеют место (как это произошло в конце 1979 г. в Афганистане), но постоянные методы действий — это просачивание, истощение, систематическое давление, которые в своей совокупности нацелены на обеспечение постепенных, но в конечном счете решающих изменений.

Если страны этого региона будут опираться только на свои ресурсы, то в конечном итоге они не смогут устоять перед СССР. Иран изнурен длительной войной с Ираком, а внутреннее положение в нем стало хрупким в результате реакции фундаменталистов на политику шаха, направленную на модернизацию страны. Советы, возможно, пришли к выводу о том, что перспективы политического и этнического насилия значительны. А международная изоляция Ирана, занимающего одновременно враждебные позиции по отношению к США, СССР и соседним арабским странам, за исключением Сирии, усиливает его уязвимость.

Пакистан сталкивается с аналогичными, хотя и менее острыми проблемами. Постоянная враждебность со стороны Индии оборачивается тяжелым военным бременем. Пакистану приходится обороняться на два фронта. Он вынужден защищать свои крупные города от близрасположенных индийских сил и одновременно укреплять беспокойную пакистано-афганскую границу. Постепенный переход к гражданскому правлению высвободит подавляемые в настоящее время сомнения относительно желательности оказа-

ния помощи афганскому сопротивлению против советской оккупации. Такие двусмысленные настроения уже получили широкое распространение не только среди интеллигенции, но и в некоторых деловых кругах. Однако желание умиротворить Москву сдерживается пониманием того, что разрыв с афганцами мог бы в свою очередь нанести ущерб отношениям Пакистана с США и даже с Китаем.

В конечном итоге самый прочный барьер на пути советской экспансии — политические и религиозные стремления этих стран не подпадать под господство сильного северного соседа. Никакая политика США не может заменить наличия такой воли. Но эта воля должна поддерживаться ясным выражением долгосрочных обязательств США в сфере безопасности. Одной лишь решимости государств региона будет недостаточно.

Для решения проблем данного региона необходим комплексный план из пяти пунктов, который базировался бы на «Доктрине Картера», подтвержденной в последующем президентом Рейганом: 1) усиление антисоветских настроений в ключевых странах региона, особенно в Пакистане и Иране, а также сотрудничество с Китаем в целях укрепления безопасности в Пакистане; 2) наращивание потенциала США с целью дать должный военный ответ в случае советского нападения; 3) сохранение афганской проблемы путем продолжения сопротивления при одновременном прощупывании готовности СССР восстановить подлинный нейтралитет и самоопределение Афганистана; 4) вовлечение Индии по крайней мере в дипломатические усилия по разрешению афганской проблемы, а также поощрение меньшей напряженности в пакистано-индийских отношениях; 5) стимулирование политического самосознания среди советских мусульман, что сдерживало бы дальнейшее растворение исламского населения в СССР.

Названные выше составные элементы долгосрочной стратегии потребуют совместных крупных политических,

военных и экономических усилий. Подобного рода усилия оправдываются большими ставками и стимулируются в определенной мере сравнительно благоприятными тенденциями на двух других центральных стратегических фронтах. Следовательно, для США концентрация своих инициатив и ресурсов в этом регионе и оправданна, и разумна.

Для того чтобы усилить сопротивление Пакистана давлению со стороны СССР, Соединенным Штатам придется оказывать существенную военную и экономическую помощь. Пакистан указал, что в 1988—1993 гг. ему потребуется примерно 6,5 млрд. долларов, причем 55% придется на экономическую помощь для целей развития, а 45% — на военную помощь. Как бы ни была велика эта сумма, она значительно меньше той, которая предоставляется американцами Израилю или Египту. Имея в своем распоряжении средства, сэкономленные от снижения уровня американских расходов на оборону Европы, Соединенные Штаты смогли бы в значительной мере удовлетворить потребности Пакистана; кроме того, Пакистан мог бы получать средства в рамках расширенной стратегической программы экономической помощи со стороны Японии.

Соединенным Штатам следует, несомненно, поддерживать китайский план возрождения древнего «шелкового пути», который связал бы Китай и Пакистан более тесным образом. Эта материальная связующая нить имела бы очевидные стратегические последствия. Она расширила бы доступ КНР к Западу и укрепила бы сотрудничество между двумя азиатскими государствами, самым прямым образом заинтересованными в сдерживании советской гегемонии. Этот путь усилил бы китайский контроль над уязвимой для агрессии и стратегически важной провинцией Синьцзян, а также укрепил бы пакистанские позиции на территории к югу от Советского Союза в Ваханском коридоре, небольшой полосе афганской земли, отделяющей СССР от Пакистана. Как явствовало из выдвинутых ранее советских пла-

нов железнодорожного строительства в этом слаборазвитом районе, расширение транспортных возможностей автоматически повлекло бы за собой политические и военные последствия, поэтому побочные аспекты пакистано-китайского транспортного пути способствовали бы укреплению региональной стабильности.

Более трудной, но не менее важной задачей представляется восстановление хоть в некоторой степени американо-иранского сотрудничества. Несмотря на официально культивируемую враждебность Ирана по отношению к Соединенным Штатам, остается фактом то обстоятельство, что в конечном счете Иран нуждается по крайней мере в косвенной американской помощи для поддержания своей независимости и территориальной целостности. Постепенная нормализация отношений произойдет, вероятно, после кончины Хомейни и неизбежного периода политической нестабильности. Соединенным Штатам следует подать ясный сигнал о готовности к улучшению американо-иранских отношений, поскольку их заинтересованность в существовании независимого Ирана превосходит даже нынешнюю враждебность Ирана. Эта американская заинтересованность проистекает из более общей геополитической обеспокоенности положением государства, играющего ключевую роль в американо-советском соперничестве, и не должна подвергаться воздействию преходящих эмоций.

Западноевропейские союзники США и Японии должны поддерживать свои косвенные связи с Ираном. Это поможет предотвратить развал иранской экономики и позволит сохранить перспективы последующего поворота Ирана к умеренности. Если в ближайшем будущем эти связи будут поддерживаться, иранский антирусский национализм и антикоммунистические религиозные чувства, равно как и стремление к экономическому развитию, рано или поздно подтолкнут Тегеран к более конструктивным отношениям с Западом.

Эти усилия, предпринимаемые в целях укрепления региональной стабильности, необходимо подкрепить убедительным американским сдерживанием советской агрессии. Убедительность имеет первостепенное значение. Неясность, существовавшая в отношении намерений США, способствовала принятию Северной Кореей решения напасть на Южную Корею в 1950 г., а возможно, и советскому решению вторгнуться в Афганистан в 1979 г. Неуверенность Советского Союза относительно того, как США отреагируют на военную акцию в Юго-Западной Азии, могла бы быть столь же опасной. С дальнейшим развитием и расширением сил быстрого реагирования Соединенные Штаты постепенно приобретают способность решительно противодействовать советскому вторжению в Иран или Пакистан, особенно в случае, если местные силы также окажут сопротивление агрессору. Как показывают детальные исследования министерства обороны США, труднопроходимость местности и слаборазвитая транспортная сеть являются причиной того, что советские силы встретились бы в своем движении к югу с серьезными трудностями в материально-техническом снабжении. В этих обстоятельствах силы быстрого реагирования могли бы уже сегодня играть существенную роль в подкреплении местного сопротивления. В любом случае важно, чтобы у кремлевских руководителей не возникло мысли, что они могут действовать против Пакистана или Ирана в таком же одностороннем порядке, как они действовали против Афганистана.

Пока Соединенные Штаты будут расширять свои возможности по переброске обычных сил в Юго-Западную Азию, необходимо муссировать вопрос о советской оккупации Афганистана. Эта задача требует триединой стратегии. Первый элемент — военный: Соединенные Штаты должны постоянно обеспечивать афганское сопротивление деньгами, оружием и снаряжением. Необходимо улучшить боевую технику, поставляемую *борцам за веру*, вклю-

чая в поставки большее количество новейшего оружия, такого, как зенитные ракеты с инфракрасным самонаведением. Второй элемент — мировое общественное мнение: США должны способствовать более прямому освещению самой войны средствами массовой информации путем совершенствования теле- и радиорепортажей.

Это поможет усилить осуждение действий Москвы во всем мире, что представляет наивысшую цену, которую Советский Союз платит за свою агрессию. Советские позиции в «третьем мире» уже значительно пошатнулись, особенно среди мусульманских стран. Индию также необходимо склонить к отходу от благодушного попустительства советской агрессии и жестокостям. Если бы в Дели заняли более критическую позицию в отношении Москвы, подсчет издержек и выгод мог бы подтолкнуть СССР к поискам выхода из создавшегося положения. Соединенным Штатам следует указать индийцам на то, что Индия может содействовать улучшению американо-советских отношений, только лишь внося свой вклад в мирное урегулирование советско-афганского военного конфликта, и что такое урегулирование станет возможным только тогда, когда Москва сочтет политические издержки своих действий непозволительно высокими.

Третий элемент — дипломатия: Соединенные Штаты должны подготовить дипломатическую формулу вывода советских войск. Как бы хорошо ни сражались *борцы за веру*, они никогда не могут рассчитывать на военное поражение Советского Союза. В то же время СССР не выведет свои силы добровольно до тех пор, пока не будет найдено такое решение вопроса, при котором уход Советского Союза из Афганистана не превратит эту страну в антисоветский форпост. Для того чтобы убедить Москву, США следует ясно выразить свою готовность участвовать вместе с СССР, Китаем, Пакистаном и Индией в пятистороннем соглашении, гарантирующем подлинный нейтралитет Аф-

ганистана. Такое соглашение может быть сформулировано по типу Австрийского мирного договора 1955 г. Кроме того, Соединенные Штаты могли бы предложить, чтобы незамедлительный вывод советских войск из Афганистана сопровождался временным вводом туда сил по поддержанию мира, созданных из контингентов исламских стран, внешняя политика которых достаточно дружелюбна по отношению к Советскому Союзу, например таких, как Алжир или Сирия. Это могло бы убедить Москву в том, что вывод советских сил не повлечет за собой уничтожение всех просоветски настроенных афганцев.

Короче говоря, целью политического решения данного вопроса должна быть внешняя нейтрализация и внутреннее самоопределение. С течением времени сочетание усиливающегося международного осуждения и все более эффективного сопротивления *борцов за веру* могло бы побудить Кремль принять такую формулу. Советское руководство могло бы прийти к выводу, что его долгосрочные ожидания внутренней нестабильности в Иране могут быть лучше реализованы при наличии передышки, способствующей снижению уровня антисоветских настроений среди мусульман.

Вероятно, наиболее мощный фактор, сдерживающий советское продвижение в южном направлении, существует в самом Советском Союзе и представляет собой возможность, которую США пока что не использовали. В СССР насчитывается примерно 55 млн. мусульман, и они на первый взгляд подчинены или «советизированы». Следует, однако, вспомнить, что местное сопротивление установлению советского — или в действительности великорусского — господства продолжалось более 10 лет и было окончательно подавлено лишь в начале 30-х гг. В настоящее время имеются многочисленные свидетельства сохраняющегося недовольства проводимой Москвой политикой русификации. Более того, поскольку ислам не искоренен, советские

мусульмане, несомненно, испытали на себе воздействие происходящего в мире возрождения исламской религии и культуры. Здесь имеется потенциальная возможность для серьезного религиозно-этнического противодействия контролю Москвы над советской Средней Азией.

«Священная война» против Советского Союза в Афганистане, фундаменталистская революция в Иране, активная поддержка афганских *борцов за веру*, утверждение мусульманских законов в Пакистане по сути отражают одно и то же явление, а именно широкое пробуждение тенденции к самоутверждению на основе этнического происхождения и исламской веры. Это новое мировоззрение противостоит советскому экспансионизму. Вначале советские мусульмане двойственно реагировали на данный конфликт, но теперь недовольство нарастает. США могут ускорить создание этого враждебного альянса путем расширения радиовещания на советскую Среднюю Азию. Вашингтон уже планирует установить одну новую радиостанцию «Свободный Афганистан». Она должна использоваться в указанных целях, а в специальных программах, рассчитанных на советских мусульман, предполагается подчеркивать антиисламский характер советской политики в Афганистане. США должны также предлагать техническое содействие аналогичным усилиям других исламских стран. Вероятнее всего, советское руководство будет проявлять сдержанность, если оно убедится, что региональная напряженность неизбежно захватит и Советский Союз.

Тем не менее, возможности Соединенных Штатов по сдерживанию советских амбиций на этом третьем фронте могли бы быть подорваны, если бы Москва воспользовалась арабо-израильским конфликтом для того, чтобы вклиниться на Ближний Восток, обойдя таким образом Персидский залив с фланга. Ближневосточная проблема порождена не Советским Союзом, и она не предполагает непосредственного американо-советского столкновения.

Наоборот, она представляет собой косвенный американо-советский конфликт, в котором СССР пытается использовать региональную напряженность для усиления своего влияния среди радикальных арабских государств и надеется в конце концов пожать плоды неудачной американской попытки по содействию арабо-израильскому мирному урегулированию. Короче говоря, в Кремле рассчитывают, что Ближний Восток сыграет ту же роль, которую сыграл на западном германском фронте в 1918 г. социальный крах германской империи: а именно роль разваливающегося тыла.

В этом совершенно очевидно кроется опасность того, что Соединенные Штаты окажутся в изоляции среди арабских стран Ближнего Востока. Одним из возможных последствий этого является создание советских военных баз или развертывание советских войск — например, в Ливии, что поставило бы под угрозу свободу действий США в регионе. Еще более опасные возможности для Советского Союза могли бы быть созданы ростом политической нестабильности в странах Персидского залива, где соперничающие политические группировки, беспокойные палестинские иммигранты и исламские фундаменталисты все вместе содействуют приходу к власти антиамериканских правительств. Эти угрозы подчеркивают важность американских действий по укреплению региональной стабильности, особенно посредством возобновления попыток ускорить процесс арабо-израильского мирного урегулирования.

Хотя американские и советские интересы на Ближнем Востоке противоречат друг другу и хотя ставки высоки, оба государства сознают необходимость проявления осторожности и сдержанности. США и СССР понимают, что столкновение между ними поставило бы под угрозу жизненно важные американские интересы и поэтому потребовало бы решительной американской реакции. Более того, цен-

ность отдельных советских приобретений могла бы быть легко подорвана изменчивостью арабской политики и непредсказуемостью действий арабских лидеров. В результате разделяемая обеими сторонами заинтересованность в избежании прямого столкновения сдерживала поведение США и Советского Союза на Ближнем Востоке.

Что касается США, то эта ситуация привела к резким колебаниям политики по вопросу о роли СССР в регионе, особенно в плане арабо-израильских мирных переговоров. В общем и целом существуют два американских подхода.

Одни пытаются полностью исключить Советский Союз из процесса мирного урегулирования на Ближнем Востоке. На этой предпосылке была основана политика администрации Никсона. Такому подходу Соединенных Штатов способствовало стремление Советов предотвратить или затруднить любое конструктивное решение ближневосточной проблемы. Москва знает, что, только препятствуя мирным усилиям, Советский Союз может ограничить влияние США и увеличить собственное влияние.

Другие стремились вовлечь Советов в мирный процесс настолько, насколько это возможно. Такова была политика администрации Картера в ее первый год. Были приняты конкретные шаги, направленные на превращение Москвы в партнера в поисках решения региональных конфликтов на той основе, что прямое столкновение будет опасным для обеих сверхдержав. Эти усилия не принесли плодов на том простом основании, что способность Москвы увеличивать свое влияние в регионе зависит от отсутствия мира. Кремль знает, что решение ближневосточного конфликта ввиду различных идеологических, религиозных и экономических причин увеличит влияние Запада, и особенно Соединенных Штатов, в регионе. Соответственно активное вовлечение СССР в мирный процесс противоречит реальным советским интересам, а участие СССР в процес-

се мирного урегулирования означало бы новую возможность для СССР по эскалации требований арабов-максималистов с целью затруднить продвижение к миру.

Таким образом, Соединенные Штаты вынуждены вернуться к первоначальному варианту — попыткам исключить Советы. Это сработало во время выработки кэмп-дэвидских соглашений и предшествовавших им договоренностей о разъединении на Синае, которые в известной мере и привели к Кэмп-Дэвиду. Важно, однако, отдавать себе отчет в том, что успех этого подхода зависел в прошлом — и будет зависеть в будущем — от желания США предпринимать широкомасштабные мирные усилия, а также быть в состоянии воздействовать на взгляды Израиля и арабских государств. Другими словами, лишь будучи настойчивыми и активными в усилиях по обеспечению мира, Соединенные Штаты могут изолировать Советский Союз в регионе и побудить конфликтующие стороны признать центральную роль Соединенных Штатов и неизбежность примирения с таким положением дел.

Принимая во внимание природу политической системы США, следует признать, что крупная дипломатическая инициатива требует гораздо большего, чем одних лишь усилий правительства. Для этого потребуются личная заинтересованность президента и государственного секретаря. Это значит, что они должны поставить поиски мира на Ближнем Востоке в приоритет своей внешней политики, а принимая во внимание характер этой проблемы, сделать их приоритетом и во внутренней политике. Предполагается также, что они должны быть готовы поставить себя под огонь критики и предпринять продолжительные, энергичные и подчас болезненные усилия, не имея при этом никакой гарантии на успех. Не удивительно, что политические деятели США проявляют осторожность в выдвижении этой задачи и в делем заняты поиском возможности переложить тяжесть ответственности на других или же откла-

дывают эти меры до тех пор, пока для успеха не сложится наиболее благоприятная ситуация.

Существует, однако, стадия, на которой вовлечение Советов было бы неизбежным и даже желательным. После достижения реального прогресса в мирном урегулировании Советы следует пригласить для исполнения формальной роли ритуального гаранта переговоров, которую на более ранних и более критических стадиях играли одни лишь Соединенные Штаты. Именно таким может оказаться сценарий, если инициативы короля Иордании Хусейна, президента Египта Хосни Мубарака и премьер-министра Израиля Шимона Переса позволят устранить основные препятствия к постепенному созданию конфедерации Иордании и демилитаризованного Западного берега. Достижение прогресса в этом направлении потребует на определенной стадии диалога также и с Сирией, потому что президент Хафез Асад имеет возможность сорвать мирный процесс. Для того чтобы чувствовать себя в безопасности, Сирия нуждается в том, чтобы ее покровитель — СССР — был хотя бы в ограниченной степени вовлечен в этот процесс и сбалансировал присутствие израильского покровителя — Соединенных Штатов. По этой причине должна быть найдена формула для определения чисто формальной роли Советов на стадии ратификации. Например, Советы могли бы принять участие на заключительной стадии ратификации проходящих под эгидой ООН переговоров, инициатором которых была бы Америка.

Не проявляя особого энтузиазма, Советы могли бы присоединиться к подобному мирному процессу, если поймут, что Соединенные Штаты серьезно подходят к задаче обеспечения мира и могут преуспеть в этом деле и без их участия. На этой стадии Кремль мог бы предпочесть даже номинальное участие полной изоляции, а для Соединенных Штатов предоставление Москве такой роли не бу-

дет слишком большой платой за достигнутую в результате мирных усилий США стабилизацию геополитически опасного тыла третьего главного стратегического фронта.

Сокращение империи

Репрессивная империя имеет тенденцию к экспансионизму. В конечном итоге более стабильные советско-американские отношения требуют изменения как в границах распространения, так и в характере советской власти. Эти перемены могут произойти мирным путем; но способствование им является необходимым наступательным компонентом стратегии США, направленной на уменьшение враждебности между США и СССР и постепенное создание более конструктивных отношений. Однако прежде чем это произойдет, содействие изменениям в рамках советской империи будет, откровенно говоря, служить средством мирного разрешения геополитических проблем в рамках длительного исторического конфликта.

Подавляемые стремления восточноевропейских наций и межнациональные противоречия современной великой российской империи создают возможности для достижения двух важнейших и взаимосвязанных целей. Первая заключается в ослаблении возможностей Кремля к экспансии путем усложнения его внутренних проблем. Вторая состоит в плюрализации советского блока, а в перспективе и самого Советского Союза посредством осторожного поощрения национального самоутверждения.

В интервью, данном в 1983 г., Милован Джилас привел удачное сравнение между советской системой национального господства и Оттоманской империей позднего периода. Он отметил, что обе системы сосредоточили политический и религиозный (идеологический) контроль на высшем государственном уровне и что в обоих случаях экспансионизм изначально был включен в саму систему власти. Оттоманская империя, продолжал он, стремилась обеспе-

чить безопасность и уверенность в себе посредством экспансии и «даже когда она начала разлагаться, она не могла отказаться от экспансии... а когда эта экспансия была прекращена, империя начала медленно распадаться по мере нарастания национальных и социальных волнений». Проводя далеко идущую параллель, Джилас заключил: «В долгосрочном плане Советский Союз должен распасться, и он будет распадаться быстрее, если его экспансионизм будет остановлен».

Прекращение этого экспансионизма — особенно на трех главных евразийских фронтах — может быть ускорено посредством поощрения внутренних изменений внутри Советского Союза. Все более независимая Восточная Европа, несомненно, ограничит советскую военную угрозу Западной Европе. Более самостоятельная позиция советских мусульман, равно как и украинцев, прибалтийских народов и других национальных меньшинств, позволит отвлечь внимание Кремля. Он будет вынужден сделать ставку на более примирительные отношения с его соседями и с Соединенными Штатами.

Восточная Европа — это естественный центр ослабления имперской мощи Москвы. Основная политическая формула, выдвинутая четверть века назад в журнале «Форин афферс» Уильямом Гриффитом и автором этих строк, до сих пор не потеряла своего значения: «Соединенным Штатам следует проводить политику, которая может быть названа мирным вторжением в Восточную Европу. Эта политика должна: 1) быть направлена на стимулирование увеличения различий в коммунистическом блоке 2) и, таким образом, увеличивать вероятность того, что восточноевропейские государства смогут достичь большей степени политической независимости от советского господства; 3) в конечном итоге стремиться к созданию пояса нейтральных государств... которые будут пользоваться большей свободой выбора на уровне внутренней полити-

ки, не становясь враждебными по отношению к Советскому Союзу и не принадлежа к западным военным союзам». Важно подчеркнуть, что цель США не заключается в превращении Восточной Европы в продолжение НАТО. Соединенные Штаты должны строить свою политику на стремлении Восточной Европы к самоосвобождению. Они должны стремиться к созданию ситуации, которая была бы, по сути дела, зеркальным отражением советских амбиций на Западе: трансформировать суть отношений Восточной Европы с Москвой без обязательного разрушения их формальных связей.

Условия в Восточной Европе созрели. Растущие социально-экономические трудности Москвы, очевидная политическая неурегулированность в Польше и перспективы значительного политического и экономического кризиса в Румынии — все это создает мучительную дилемму для Кремля. Контролировать советскую империю значит стабилизировать положение в Восточной Европе, но стабилизация в Восточной Европе означает предоставление большего объема советских экономических ресурсов и открытие большего числа политических клапанов. Судя по первоначальным шагам Горбачева в Восточной Европе, Москва движется в противоположном направлении. Советы сократили экономическую помощь и усилили давление, направленное на увеличение экономической и политической интеграции Восточной Европы с Советским Союзом. Даже коммунистические элиты Восточной Европы не считают эту политику подходящей.

В этих обстоятельствах ЕЭС при поддержке США могло бы сделать Восточной Европе такие предложения, которые даже коммунистические режимы (не говоря уже о самих народах) сочли бы привлекательными. Развитие общеевропейского экономического сотрудничества способствовало бы установлению более тесных политических

связей, но без переворота, который спровоцировал бы прямое противодействие Советов.

Для того чтобы обеспечить восстановление более автономной Восточной Европы, необходимо существование независимого и более требовательного общественного мнения в восточноевропейских странах. Наиболее значительной и, возможно, наименее признанной услугой, которую Америка оказывала в течение многих лет в деле сохранения европейского самосознания в Восточной Европе, является поддержка начиная с 1950 г. радиостанции «Свободная Европа». Ее передачи, осуществляемые на национальных языках народов Восточной Европы, сфокусированы на преимущественно внутренних проблемах этих стран. Несмотря на резкие выпады со стороны коммунистических режимов и постоянное глушение, «РСЕ» практически в одиночку предотвратила осуществление главной цели Москвы: изоляции Восточной Европы от остальной Европы и идеологической обработки ее народов. Сегодня, согласно регулярным опросам, проводимым среди восточноевропейских туристов в Западной Европе (которые при существующей системе выборочной выдачи виз представляют находящийся в наименьшей оппозиции коммунистическим режимам слой населения), аудитория «РСЕ» в Восточной Европе включает 66% взрослого населения Польши, 63 — Румынии, 59 Венгрии, 40 — Болгарии и 38% — Чехословакии. Кроме того, сам факт, что население Восточной Европы имеет альтернативный источник информации, побуждает коммунистические средства массовой информации не только быть более информативными, но и отвечать на критику, содержащуюся в передачах «РСЕ».

С появлением новой техники связи, в частности видеокассет, миниатюрных печатающих машинок и электронных устройств для обработки текстов, расширяются возможности для более массированного интеллектуального и культурного наступления. Тоталитарный контроль над средст-

вами массовой коммуникации теперь легче преодолеть, а сама аудитория будет становиться все более восприимчивой к информации с Запада по мере роста недовольства восточноевропейских стран культурной и экономической отсталостью Москвы, которая мешает им пользоваться плодами современного экономического и технологического прогресса. С усилением недовольства будет возрастать и привлекательность более тесного сотрудничества с Западной Европой. Даже коммунистические правители Восточной Европы — многие из которых стремятся удержаться у власти, а не распространить коммунизм — будут восприимчивы к этой притягательной силе Запада.

Следует еще раз отметить, что главными лозунгами мирного проникновения Запада в Восточную Европу должны быть притягательная сила свободы и изобилие. Москва не допустит политических изменений, которые ограничат ее власть. Но история учит, что Москва примирится с постепенными изменениями, которые, по ее представлению, было бы слишком тяжело предотвратить. Экономическое и идеологическое бесплодие Советов создает мощный импульс для прогрессивных перемен в Восточной Европе. Политические реальности могут быть изменены даже без формальных политических перемен.

По мере расширения экономического сотрудничества и упадка коммунистической идеологии у Запада открывается возможность добиться успеха на переговорах по вопросам безопасности в Центральной Европе, используя стремление восточноевропейских стран добиться вывода советских войск. Например, помимо демонстрации большей гибкости на Венских переговорах о взаимном и сбалансированном сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, Запад мог бы сделать больший упор на важность взаимного сокращения обычных вооружений. На более отдаленной стадии было бы возможным поднять вопрос об осуществлении некоторых форм

ядерного разоружения в определенных регионах Европы, скорее всего, на Балканах или в Скандинавии (включая в этом случае Прибалтийские республики и Кольский полуостров). Кроме того, НАТО могла бы провозгласить, что в случае войны заявившие о своем нейтралитете восточно-европейские страны избежали бы военного удара со стороны Запада. Хотя это предложение будет подвергнуто нападкам со стороны коммунистических режимов, оно, несомненно, будет привлекательным для населения Восточной Европы.

Польша призвана сыграть критически важную, но деликатную роль в этом процессе. Поскольку Польша является ключевой страной для советского контроля над Восточной Европой, перемены в Польше имеют жизненно важное значение для Москвы. Кремлевские лидеры желают иметь услужливую, стабильную и преимущественно слабую Польшу. Раздираемая политическими противоречиями, экономически отсталая и социально деморализованная Польша менее всего способна бросить вызов русскому контролю — и эту формулу Москва применяла к Польше со времени ее раздела в конце XVIII века. Но сегодняшняя Польша в национальном и религиозном отношении более гомогенна, чем раньше, из-за потери или вымирания национальных меньшинств. В результате Москва сталкивается с дилеммой: ее стремление господствовать посредством проверенной временем политики *«разделяй и властвуй»* может привести к неконтролируемому восстанию, вызванному крушением надежд и отчаянием нации. Это восстание Москва могла бы, разумеется, подавить, но слишком большой ценой.

В результате, несмотря на инспирированные Москвой аресты и военное положение, Польша сумела сохранить какую-то степень автономии, а также свой отличительный национальный и религиозный характер. Это в свою очередь ведет к еще более широкому развитию самосозна-

ния. Возникло полунезависимое общество, и растут выступления, направленные на изменение характера режима и его отношений с Советским Союзом. Большинство поляков, однако, осознают, что такие перемены могут быть осуществлены лишь постепенно и не должны вылиться в разрыв с Советским Союзом. Постепенные и мирные перемены могут со временем привести к оформлению более равных отношений между Польшей и Советским Союзом. Это обеспечивает автономию Восточной Европы и убедит Москву, что Польша и Восточная Европа не будут заманены в лагерь ее противников.

Из этого следует, что членство Польши в Международном валютном фонде и в перспективе возвращение ей Соединенными Штатами статуса наибольшего благоприятствования в торговле являются геополитически желательными. Кроме того, экономические санкции США против Польши должны быть компенсированы большим желанием США участвовать в западных предложениях по экономической реконструкции Польши при условии, что ее власти пойдут на примирение со своим народом и с руководством «Солидарности». Конкретные тактические соображения относительно выбора времени для конструктивной американской инициативы (например, увязка прекращения политических репрессий против лидеров «Солидарности» с налаживанием более откровенного диалога между существующим режимом и обществом) не исключают желательности развития в долгосрочном плане общеевропейского экономического сотрудничества. Необходимо иметь в виду, что конечной жертвой такого сотрудничества станет экспансионистское имперское стремление Советского Союза, стремящегося изолировать Восточную Европу. На самом деле, если бы с течением времени в результате таких эволюционных изменений Варшавский пакт стал в меньшей мере инструментом советского контроля и в большей степени сдерживающим фактором по-

ведения СССР в регионе, то это можно было бы посчитать иронией истории.

Но для того чтобы подобного рода эволюция сыграла решающую роль в изменении интенсивности и, возможно, даже характера американо-советского противоборства, она должна коснуться и самого Советского Союза. Первоначально этот побочный эффект наверняка будет, весьма ограниченным, принимая во внимание политическую традицию г строгой регламентации жизни в великой российской империи. Но именно в силу того, что перед нами империя, она не может герметично отгородиться от своего окружения, опираясь на однородную самогенерирующую культуру, как это произошло в Китае. Многонациональный характер Советского Союза порождает трещины и отверстия, и неизбежный факт состоит в том, что в век национализма и возрождения религиозного духа 55 млн. советских мусульман, 50 млн. украинцев, 10 млн. жителей Прибалтики, а также другие нерусские национальности не разделяют целиком инстинктивные и глубоко укоренившиеся политические устремления русских.

Соединенные Штаты должны дать более четкое определение подобного рода тенденциям с помощью значительно более интенсивного использования современных средств связи. Средства, которые оказались столь эффективными в прекращении изоляции Восточной Европы, следует более активно использовать в отношении самого Советского Союза. Задача не должна сводиться к поощрению национальной ненависти или даже к содействию дезинтеграции Советского Союза. Реальная цель состоит в том, чтобы мобилизовать силы для подлинной политической деятельности, большего национального самовыражения, рассредоточения центральной власти и прекращения деспотичного доминирования центра, которое и порождает экспансионистский импульс. Поощряя требования нерусских национальностей к большему уваже-

нию их национальных прав, можно постепенно переориентировать политический процесс в Советском Союзе на сложный и поглощающий силы вопрос, отражающий саму суть современной политической системы, а именно: перераспределение политической мощи. Очевидно, что, с точки зрения Запада, было бы желательнее, чтобы главной заботой советского руководства стала именно эта проблема, а не проблема экономических реформ, решение которых может усилить способность СССР к соревнованию с США.

В настоящее время современные средства связи делают возможной гораздо более амбициозную и разветвленную кампанию по сравнению с той, которая проводилась после начала американского вещания на Восточную Европу с помощью радиостанции «Свободная Европа», а на Советский Союз — радиостанции «Свобода». Кроме того, в последние годы Советский Союз в сфере идеологии очутился в положении обороняющегося. В Западной Европе коммунистические партии находятся в упадке. Советская идеология не подходит к реальностям Дальнего Востока. Даже в Латинской Америке притягательность СССР падает. На Ближнем Востоке возрождение исламской веры помешало СССР извлечь выгоды из возросших антиамериканских настроений. Только на юге Африки существующие условия действительно способствуют росту притягательности советской идеологии. В этой обстановке настал момент для проявления инициативы по реализации обширной программы радиовещания на многих языках, внедрения аудиовизуальных кассет, а также оказания технического содействия в публикации независимой внутренней политической литературы. Финансирование этих программ необходимо по крайней мере утроить, поскольку затраты, влекущие изменения политических позиций СССР, естественно, более эффективны, нежели гонка вооружений. Увеличение ассигнований равнялось бы всего лишь объему затрат на производство нескольких бомбардировщиков «В-1».

Социально-экономическая стагнация СССР, его многонациональный состав создают благоприятные предпосылки для стимулирования более критических политических взглядов среди советских людей. Учитывая существование доктринального подхода и политической изоляции на протяжении десятилетий, первоначальная восприимчивость к предлагаемым выше действиям будет значительно ниже, нежели в Восточной Европе. Но национальные и религиозные чувства нерусских народов и провал коммунистической системы внутри страны действительно делают советских людей потенциально восприимчивыми к настроениям, получившим более широкое распространение в Восточной Европе. Когда этот потенциал начнет реализовываться, даже смелое предвидение М. Джиласа может показаться не столь поразительным.

ГЛАВА VII. ПРЕВОСХОДЯ ИСТОРИЧЕСКИ

...Одержать сто побед в ста сражениях — это еще не вершина мастерства. Покорить врага без боя — вот в чем вершина мастерства. Поэтому самое важное в войне — нанести удар по стратегии противника.

Сунь-Цзы, древнекитайский полководец и военный теоретик

Для Соединенных Штатов не потерпеть поражения в американско-советском соперничестве — значит достичь превосходства; для Советского Союза не достичь превосходства — значит потерпеть поражение. Такое асимметричное американское преимущество проистекает из того, что советский вызов носит одномерный характер. России, по существу уже не конкурентоспособной идеологически и все более отстающей в плане технического, провозглашенный лозунг о «неизбежной победе социализма» пришлось сузить и свести к достижению весьма определенного и в политическом отношении решающего военного превосходства. Провал попыток достичь этой цели будет означать отставание во всех отношениях.

Но в этом длительном соперничестве у Советов имеется преимущество, а у Соединенных Штатов слабость: советскому упорству Америка противопоставляет нетерпение и отсутствие последовательности. Американский народ и даже его элита, занимающаяся проблемами внешней политики, склонны в своих воззрениях колебаться между утопической надеждой на постоянный мир и апокалипсическим страхом перед возникновением новой войны, между исторически наивной верой в то, что политически аме-

риканцы и русские придерживаются сходных убеждений, и по-манихейски навязчивой идеей о том, что не может быть никакого примирения с «империей зла». В противоположность этому политика Москвы в отношении Соединенных Штатов связана с расчетами на длительный период. Советский Союз терпелив и настойчив. Стратегия Москвы, направленная на истощение противника, рассчитана на кумулятивные результаты использования советской военной мощи и региональных коллизий с целью оттеснения Соединенных Штатов с позиций главной мировой и стабилизирующей державы.

Соответственно Соединенные Штаты сталкиваются с вызовом не только на трех главных стратегических фронтах. Если Америка даже и будет удерживать здесь твердые позиции, другие региональные кризисы, не инспирированные, но используемые Советским Союзом, также способны создать угрозу глобальной позиции Америки. Перед Соединенными Штатами стоят также проблемы обеспечения мира на Ближнем Востоке, установления расовой справедливости в Южной Африке и содействия-политической и экономической демократизации в странах Центральной Америки. Ни одна из этих проблем не порождена Советским Союзом, но обострение региональных конфликтов может возродить советские геополитические притязания. Несомненно, что отсутствие прогресса в решении палестинской проблемы будет по-прежнему стимулировать беспорядки на Ближнем Востоке. Это подорвет усилия США, направленные на обеспечение большей безопасности в зоне, непосредственно примыкающей к юго-западной части Советского Союза. Американская дипломатия на Ближнем Востоке должна быть активной и гибкой и является существенным расширением геополитических мер по стабилизации положения на третьем главном стратегическом фронте.

Подобным же образом в Южной Африке и Центральной Америке Соединенные Штаты сталкиваются с опасностью того, что расовая несправедливость и провалы социально-экономического характера станут побудительным фактором обращения к советской идеологии. Ни в одном случае Советский Союз не является источником возникновения главной проблемы, но и в том, и в другом Москва может осложнить поиски реформы. В наших первостепенных геополитических интересах ускорить расовое примирение в Южной Африке с целью регионального экономического развития и создать более прочную базу для политической демократизации в странах Центральной Америки.

Особенно важно не допустить, чтобы Центральная Америка стала зоной соперничества в американо-советском противоборстве. Это было бы поражением для Соединенных Штатов независимо от исхода, поскольку это означало бы вторжение советской державы через Кубу на материк Западного полушария. Соединенные Штаты должны приложить все усилия — включая при необходимости использование силы — к тому, чтобы добиться таких же результатов в Никарагуа, которые отвечают сделанным ранее рекомендациям для Афганистана: внешняя нейтрализация и внутреннее самоопределение. Соединенные Штаты должны быть готовыми к признанию даже леворадикального режима в Никарагуа, если это станет результатом свободного волеизъявления никарагуанского народа и при условии принятия мер безопасности для обеспечения нейтралитета режима на внешней арене. Но Соединенные Штаты должны быть в равной мере готовыми применить силу при первом же признаке советского или кубинского военного участия в подавлении оппозиции существующему никарагуанскому режиму. Чем дольше этот болезненный вопрос будет оставаться нерешенным, тем более вероятной будет перспектива возникновения четвертого главного стратегического фронта рядом с нашим домом.

Американская выдержка является самым неременным условием того, чтобы не потерпеть поражения и в конечном счете добиться превосходства. Соединенным Штатам должны быть присущи постоянство цели и последовательность в геостратегии. Нелегко достигать целей в условиях политической системы, отдающей предпочтение новизне, когда каждый новый президент ассоциируется с новой внешнеполитической «доктриной». Эффективная американская политика по отношению к Советскому Союзу должна проводиться твердо в течение нескольких десятилетий. Она не должна быть подвержена влиянию ни искушений утопического характера, ни навязчивой апокалиптической идеи.

Отвлечение от главного — вот характерная слабость американцев. Поскольку знание истории, геополитики и стратегии играло довольно незначительную роль в формировании американского мировоззрения, американцы склонны персонифицировать международные дела, периодически выставляя того или иного зарубежного диктатора в качестве основной угрозы их безопасности. В течение нескольких лет Фидель Кастро, демагогический правитель маленького острова в Карибском море, воспринимался общественностью США как представляющий почти смертельную опасность для первой в мире сверхдержавы. В последнее время беспокойство нации и ее враждебность сконцентрировались на личности Муаммара Каддафи, эксцентричного диктатора удаленной и малонаселенной страны. Результатом в обоих случаях было отвлечение общественного внимания от более крупных советских геополитических замыслов, в которых Кастро и Каддафи отводится роль не более чем полезных статистов.

Связанная с подобными отклонениями различного рода озабоченность породила также временно модные псевдостратегии. Одним из первых примеров стал лозунг «освобождения» Восточной Европы, заменяющий суще-

ство вопроса; те восточноевропейские страны, которые в него серьезно поверили, заплатили за это дорогой ценой. В 60-х гг. стала модной доктрина «противоповстанчества», якобы предусматривавшая стратегический ответ на призыв Хрущева к ведению национально-освободительных войн, а на деле оправдывавшая неэффективность военной тактики во Вьетнаме. В последнее время разрабатывается новая доктрина «антикоммунистической освободительной борьбы», призванная дать обоснование американской поддержке силам вооруженного сопротивления, опирающимся на советскую помощь коммунистическим режимам в Афганистане, Никарагуа, Анголе и Кампучии. Эта новая «стратегия» связывает два конфликта, которые непосредственно затрагивают интересы соперничающих сверхдержав, а именно в Афганистане и Никарагуа, с периферийными конфликтами, которые самое большее могут затрагивать их интересы лишь косвенно, как в Анголе и Кампучии. Такая политика связана с риском, что внимание общественности будет отвлечено от действительно важных и подлинно геостратегических центров длительной американо-советской конфронтации.

Одним из скромных шагов к обеспечению большего постоянства внешнеполитических целей могли бы стать улучшение консультаций между исполнительными и законодательными органами и долгосрочное планирование в правительственных учреждениях и ведомствах, проводящих внешнюю политику в жизнь. Такие действия могли бы в большей мере стимулировать достижение двухпартийного консенсуса по основам политики США в отношении Советского Союза. На регулярные ежемесячные заседания совета национальной безопасности в расширенном составе следовало бы приглашать ведущих конгрессменов, имеющих отношение к конкретной проблеме. Это могло бы способствовать выработке более согласованного и разделяемого всеми стратегического подхода и помочь

спокойному проведению политики в периоды значительных изменений в составе органов исполнительной власти. В настоящее время проводится минимальное число таких консультаций; обычно это происходит только в случае кризисов. Подобные совещания должны проводиться регулярно. На них, однако, главное внимание должно обращать не столько на конкретные вопросы, сколько на более широкие стратегические и геополитические цели Соединенных Штатов.

На уровне исполнительной власти больший упор должен быть сделан на стратегию. Изредка наиболее проницательные творцы политики так и поступали. Были также периоды, когда все авторы внешнеполитических решений на самом высшем уровне оказывались несведущими ни в советско-американских делах, ни в вопросах большой стратегии. Для того чтобы это компенсировать, следует повысить роль стратегического планирования. Совет по планированию политики в составе государственного департамента не подходит потому, что госдепартамент слишком часто склонен путать дипломатию с внешней политикой. Достаточно широкий межведомственный подход к долгосрочному планированию можно сформировать только в Белом доме. Следовательно, в рамках совета национальной безопасности необходимо создать гражданско-военный штаб геостратегического планирования на высшем уровне для разработки и периодического пересмотра широких аспектов долгосрочной политики. Политика США наполнится необходимым долгосрочным геостратегическим содержанием только в том случае, если в этом деле будут участвовать самые высокие государственные деятели или их непосредственные заместители, если периодически к этому будет привлекаться сам президент и если будут проводиться регулярные консультации с лидерами конгресса по соответствующим вопросам.

Такая политика больше не может преследовать цель достижения традиционной победы. В наш ядерный век, как неоднократно подчеркивалось на этих страницах, традиционная концепция военной победы устарела — если только одна сторона не достигнет такого стратегического превосходства, то другая будет лишена любой возможности нанести серьезный ответный удар. Только в этом случае традиционная концепция «достижения победы» снова приобретет смысл. Но если даже ни одна из сторон не достигнет в конечном итоге одностороннего превосходства, это еще не исключит опасности того, что значительное, хотя и не решающее, стратегическое превосходство сможет облегчить политическое использование региональных волнений, для того чтобы вызвать существенный сдвиг в глобальном соотношении сил. Вот почему поддержание стратегической стабильности намного более сложное дело, чем просто сдерживание ядерной войны или даже недопущение односторонней стратегической уязвимости.

Понятие «победа» в этом контексте должно быть в значительной мере пересмотрено. Его первоначальное значение, подтвержденное примером требования союзников о «безоговорочной капитуляции» во время второй мировой войны, стало анахронизмом при условии, что не произойдет упадка американской решимости вести стратегическое и геополитическое состязание с Россией. Но этот термин все еще применим в более общем и неокончательном смысле. Сегодня «достижение победы» наиболее точно трактуется как «превосходство». Это процесс, а не результат. Для Советского Союза превосходство в первую очередь означает, что будет положен конец главенству Америки на международной арене, и это, возможно, будет сопровождаться внутренними изменениями в общественной системе Соединенных Штатов. Для Соединенных Штатов превосходство означает, что Советский Союз будет вынуж-

жден изменить свою внешнюю политику, и при этом также подразумевается некоторая степень внутренней эволюции советской системы в направлении ее меньшей регламентации. В первом случае превосходство предполагает главным образом изменение глобального статуса Америки, во втором — в первую очередь изменение советской политики.

Таким образом, если бы американо-советское соперничество можно было бы сравнить с бесконечной «игрой», то его следовало бы рассматривать как игру, в которой каждая сторона стремится получить превосходство путем набора большего числа очков. Каждая сторона может вырваться вперед или остаться позади по некоторым направлениям борьбы, но в одном отношении, а именно в военном противоборстве, равенство должно сохраняться. Очки, потерянные здесь, могут стать решающими и неожиданно определить исход всей игры. Но пока игра продолжается, возникает необходимость определить некоторые элементарные ограничительные правила. Они, по существу, представляют собой кодекс взаимного поведения, определяющего ход соперничества и направленного на уменьшение опасности того, что оно может стать роковым.

Таков основной вывод из приведенных на этих страницах аргументов в пользу того, что Соединенные Штаты в состоянии достигнуть превосходства и что геостратегия Соединенных Штатов может и должна иметь более широкие цели, чем сдерживание советского экспансионизма и противостояние советской военной мощи. Политическое превосходство возможно. Другие варианты неприемлемы, невозможны или практически неоправданны. Стремление к победе в традиционном смысле — анахронизм. Единственные остающиеся альтернативы — уступчивость, договоренность или превосходство.

Хотя уступчивость в отношениях с Советским Союзом — не тот вариант, который все одобряют открыто,

она может оказаться практическим результатом изоляционизма, одностороннего разоружения или даже чрезмерного рвения к заключению соглашений по контролю над вооружениями без достаточного внимания к необходимости поддержания взаимной стратегической безопасности. Бели бы Соединенные Штаты пошли таким курсом, то это привело бы к возникновению советского военного превосходства, что в свою очередь вызвало бы глобальный кризис огромных масштабов. Вряд ли, однако, политика уступчивости в отношениях с Москвой когда-либо получит значительную поддержку американского населения, и об этом красноречиво свидетельствуют провалы на выборах в президенты кандидатов, которые жонглировали подобными понятиями.

Достижение договоренности с Советским Союзом — более привлекательная концепция. Она основана на двух версиях — мягкой («идеалистической») или твердой («реалистической»). Сторонники первого подхода апеллируют как к американскому идеализму, так и к традициям компромисса. Это вызывает ответный отклик у тех, кто предпочитает верить, что советским руководителям и американским президентам присущи одни и те же стремления. Такой подход, скорее всего, представляет собой бегство от оцепенения и напряженности, вызванных длительным соперничеством, но он, однако, основан на вырванном из исторического контекста взгляде на характер американско-советской борьбы, которая рассматривается как временное отклонение, поддающееся корректированию путем компромиссов, путем упреждающих уступок и проявления доброй воли даже перед лицом враждебных или агрессивных советских действий. Те, кто верит в идеалистическую форму соглашения, интерпретируют советские действия главным образом как проявление неуверенности, которую можно преодолеть с помощью американской терпимости и увещаний.

В более «непримиримом» варианте стремление к достижению всеобъемлющей договоренности приобретает форму поисков широкого компромисса с целью достижения между двумя сверхдержавами соглашения о совладении (кондоминиуме), из чего затем могли бы произрасти «разрядка» и «мир» между ними. Этот подход не отрицает национальной враждебности между Соединенными Штатами и Советским Союзом или идеологической остроты соперничества. Он реалистичен в оценке политической пропасти, которая разделяет две державы. Тем не менее, эта философская школа все еще исходит из веры в возможность достижения всеобъемлющей договоренности на основе статус-кво.

Но и «идеалистический», и «реалистический» варианты стратегии дефектны, поскольку в них недооценивается историческая глубина американо-советского антагонизма, степень конфликта между геополитическими интересами двух держав и острота региональной напряженности, что само по себе вызывает противоречивые реакции сверхдержав. Таким образом, ни один из этих вариантов не может служить руководством по урегулированию соперничества. Обоим свойственна тенденция к слишком большому упору на контроль над вооружениями в качестве центральной платформы разрядки. В результате поиски широкой договоренности порождали разочарование, даже когда их вели реалистически мыслящие и опытные государственные деятели. Следует учитывать тот факт, что широкая договоренность — кондоминиум — на базе статус-кво невозможна, так как глобальный статус-кво слишком нестабилен и так как две соперничающие державы по-прежнему руководствуются в своих действиях стремлением к достижению несовместимых целей.

В действительности же нет достаточного исторического основания для успокоительного вывода о том, что двустороннее имперское сосуществование может длиться

ся бесконечно долго. Более вероятно, что одна сторона в конце концов утратит движущую силу или ослабеет, а другая возьмет верх благодаря лучшей организации, большей решительности и более эффективной геостратегии. Рассчитанная на достижение превосходства политика Соединенных Штатов должна поэтому основываться на трезвом осознании того, что американо-советское соперничество: 1) исторически живуче, встроено в их внутренние системы и определяется геополитическим положением двух держав; 2) является глобальным по масштабам, но сосредоточено прежде всего на борьбе за превосходство в Евразии и более конкретно — за контроль над государствами, имеющими ключевое геополитическое значение; 3) требует долгосрочной стратегии, отвечающей геостратегическим потребностям; 4) будет, вероятнее всего, историческим по длительности и продолжится в XXI веке, несмотря на колебания в степени его напряженности.

Сторона, имеющая превосходство в американо-советском соперничестве, скорее всего, осознает этот факт только в ретроспективе так сказать, исторически, — а не в какой-то конкретный отдельный момент, как это бывает при достижении обычной победы.

В этом контексте Соединенные Штаты должны выполнить определенный минимум требований, обеспечивающих выживание. В геополитическом смысле они должны искать пути содействия становлению более самостоятельной Европы, которая сможет стать также привлекательной для стран Восточной Европы; внести некоторое «неофициальное» политико-стратегическое содержание в экономически растущий Тихоокеанский треугольник и, наконец, сохранять независимую и, возможно, частично нейтральную юго-западную Азию. В стратегическом отношении США должны адаптировать свои стратегические и обычные вооруженные силы к изменяющимся обстоятельствам, с тем чтобы поддерживать по меньшей мере военное рав-

новесие с Советским Союзом, а в идеологическом плане они должны «просвещать» советское население, усиливая там внутреннее давление в пользу большего национального соопределения. Следование таким направлениям политики необходимо для того, чтобы избежать более опасных сценариев американско-советского соперничества, описанных в конце IV главы, и предотвратить сдвиг в стратегическом балансе сил в течение следующих десяти лет.

Постоянное противоборство не исключает того, чтобы иногда приходило к согласию. Действительно, примирение может также быть эффективным инструментом соревнования. Рекомендуемые варианты политики требуются не только в оборонительных целях, для «обезвреживания» советской стратегии, но также и для достижения со временем цели более основательного «умиротворения» СССР. Важным компонентом должен быть поиск соглашений, направленных на сокращение масштабов своевольных советских действий.

Эти попытки должны включать постепенное расширение соглашений по контролю над вооружениями; поиски решения конкретных региональных проблем, таких, как война в Афганистане; переговоры об обоюдном выводе войск, или о нейтральных поясах, или, возможно, даже о безъядерных зонах в некоторых частях Европы. Но крайне важно, чтобы каждая инициатива была тщательно нацелена на решение главной американской задачи — сдерживание внешнего удара советских вооруженных сил и постепенное воздействие на Советский Союз в интересах изменения методов, которыми он ведет противоборство.

Исходя из этой главной задачи, должно определяться проведение встреч между Президентом Соединенных Штатов и Генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза. В 1977 г. администрация Картера предложила ежегодные встречи на высшем уровне. Советская сторона не проявила склонности к этому. При выдвиге-

нии этого предложения предполагалось, что независимо от того, чего могли бы достичь ведущие лидеры, ежегодные встречи в верхах «демократизировали» бы отдельные столкновения между ними. Это охладило бы надежды общественности. Советы всегда готовы использовать их в своем стремлении добиться американских уступок в интересах «успешной» встречи на высшем уровне. Регулярные ежегодные встречи в верхах позволили бы вести более серьезный и продолжительный диалог. Возможно, со временем они даже будут способствовать настоящей договоренности по некоторым действительно важным стратегическим и геополитическим вопросам и тем самым более существенным изменениям в самой советской политике.

Кроме того, посредством продолжительного диалога мы могли бы вовлечь Советы в конструктивные действия, направленные на решение острых глобальных проблем, стоящих перед человечеством. Как отмечалось выше, показатели Советского Союза не являются обнадеживающими. Советская помощь иностранным государствам составляет всего одну десятую процента совокупного общественного продукта СССР. Советский Союз занимает в целом самостоятельную и рациональную позицию по таким вопросам, как будущее океанов, потребность в более значительных мировых запасах продовольствия или желательность проведения глобальной демографической политики. Со временем и в результате приобретения большего опыта Советский Союз все же может прийти к осознанию потребности в глобальном сотрудничестве. В некоторых технических областях прогресс уже достигнут, и Америка должна поощрять дальнейшее развитие в этом направлении. Помимо всего прочего, конечной целью американо-советского диалога должно стать изменение советской концепции мировой роли СССР: вместо попыток переделать мир по своему подобию Советскому Союзу следует перестраи-

ваться на то, чтобы жить в таком мире, каким он является в действительности.

Умиротворение поведения СССР на мировой арене нельзя отделить от внутреннего характера советской системы. Что касается изменения характера этой системы, максимальные задачи Соединенных Штатов невозможно точно определить. Но следует определенно заметить, что далекое будущее Советского Союза — это более открытый вопрос, чем будущее намного более целостных государств, таких, как Франция или Япония. Политический порядок в Советском Союзе основан на доминировании великорусского народа и зиждется главным образом на навязанном социальном согласии и на политическом подчинении нерусских национальностей. Следовательно, если способность Москвы управлять ослабнет, политический характер и даже территориальная целостность Советского Союза могут оказаться под вопросом. Это особенно важно, потому что внутренняя напряженность в Советском Союзе, кажется, растет по мере усиления противоречий между политическими требованиями догматического режима и экономическими потребностями системы, которой, чтобы соревноваться с Америкой, необходимо каким-то образом вступить в век информации, передовой технологии и науки. Сможет ли Советский Союз реально модернизировать свое общество без значительного ослабления тоталитарного характера его политической системы — вот, вероятно, главный вопрос советской действительности в течение следующих 20 лет.

Поскольку строго регламентированный и доктринерский Советский Союз — это, несомненно, и более враждебный Советский Союз, децентрализация советской орбиты изнутри и попытки воздействовать на советское поведение извне, чтобы сделать СССР более миролюбивым, являются неизбежными долгосрочными требованиями упорочения мира. Геостратегия Соединенных Штатов должна

активно содействовать и тому и другому, ибо внешнее умиротворение и внутренняя децентрализация Советского Союза взаимосвязаны. Большое национальное самоопределение в Советском Союзе неизбежно ослабит как внешний великорусский имперский импульс, так и внутреннюю концентрацию силы в Кремле. В конце концов, великая российская империя может даже распасться.

Терпеливое содействие прогрессу в достижении этих отдаленных целей в течение нескольких десятилетий и будет содержанием понятия «превзойти исторически». Важно иметь в виду, что исторически внешние поражения явились источниками величайших стимулов для политических перемен в российской системе. Такие внешние потрясения, как победа Японии в русско-японской войне 1905 г., поражение в первой мировой войне или даже страх Сталина перед германскими успехами в 1941—1942 гг., — все это вызвало серьезные внутригосударственные уступки, в каждом случае за счет ослабления централизованной и авторитарной власти. Таким образом, геостратегическая цель пресечения советских притязаний на установление своего господства над Евразией непосредственно связана с перспективами содействия значительным изменениям в характере самой советской системы.

Но Америка может достичь своих целей только тогда, если ее долгосрочный план геостратегической игры будет сопровождаться осознанием исторической и геополитической важности. Историческая амнезия — это дорогостоящая болезнь, которую даже Америке — со всем ее богатством и мощью — будет трудно преодолеть. История американо-советского противоборства длительна, а сам конфликт пустил глубокие корни. Противоборство — явление реальное. И оно усиливается. Но ни одно поколение американцев не должно заниматься пустыми импровизациями, питать иллюзорные надежды или поддаваться навязчивым страхам.

Сунь-Цзы отмечал, что в войне самое главное — нанести удар по стратегии противника. Это справедливо также и в проведении длительного исторического противоборства. Перефразируя Сунь-Цзы, можно сказать, что Соединенным Штатам, для того чтобы получить превосходство в американо-советском соперничестве без войны, необходимо прежде всего нанести поражение советской политике и использовать слабости Советского Союза. Руководствуясь широкой геостратегической перспективой, Америка должна изыскать возможности осуществить и то и другое.

Сводка основных положений и рекомендаций

I. Столкновение империй

А. Историческое соперничество

— Американско-советские отношения — это классический пример конфликта между двумя крупнейшими державами. Он не поддается полному и быстрому разрешению.

— Средоточие, сущность и в конечном счете результат исторического соперничества между ведущей океанской державой и доминирующей материковой державой в решающей степени определяются геополитическими и стратегическими соображениями.

— Причиной коллизий между Соединенными Штатами и Советским Союзом после второй мировой войны стали геополитические факторы. Тот факт, что Америка и Россия отличаются друг от друга в большей степени, чем любые предыдущие исторические соперники, сделал конфликт почти неизбежным.

— По всем предыдущим историческим меркам Соединенные Штаты и Советский Союз в ряде случаев должны были вступить в войну друг с другом, но разрушительная сила ядерного оружия породила беспрецедентную сдержанность.

Б. Имперское соперничество

— Американско-советское соперничество — это также конфликт между двумя имперскими системами.

— Московская империя в территориальном отношении преимущественно едина и представляет собой продукт длительного и жесткого исторического курса Великой Руси.

— Российское имперское самосознание в современную эпоху помогло создать и поддерживать мировоззрение, в котором основным побуждающим стимулом стало стремление к мировому господству.

— Хотя ранняя имперская экспансия Соединенных Штатов была по характеру в значительной мере традиционной, американская империя в полную силу расцвела только после второй мировой войны благодаря тому, что США прошли через войну невредимыми.

— Американская империя является в основном территориально разрозненной, имеет довольно пористую структуру и объединена посредством косвенных связей.

— Дебаты относительно американской внешней политики концентрируются сегодня на вопросе о том, как наилучшим образом защищать американские имперские владения и управлять ими.

В. Глобальное соперничество

— Америко-советское соперничество является глобальным по масштабам.

— Современные вооружения, если учитывать их количество и разрушительную силу, дают основания для формулирования концепции настоящей всемирной войны и угрозы глобального опустошения.

— Средства массовой информации и массовая грамотность делают политико-идеологическое соперничество географически неограниченным. Ни один континент не может избежать воздействия противоречивых призывов и конкурирующих социальных моделей.

II. Борьба за Евразию

— Хотя американо-советское соперничество носит глобальный характер, его главная цель — это Евразия, основной земельный массив земного шара, на который приходится большая часть населения, территории и богатства мира.

— Борьба за Евразию охватывает три главных стратегических фронта: крайний западный, дальневосточный и юго-западный.

А. Россия и Евразия

— Как царские, так и советские государственные деятели с неиссякаемой энергией и стратегической настойчивостью пытались на трех главных стратегических фронтах Евразии достичь определенных ключевых целей, стремясь обеспечить свое господство на континенте.

— Начиная с заключения пакта с Гитлером в 1940 г., основной политической целью советских лидеров является выдворение Америки из Евразии.

Б. Три главных стратегических фронта

— Первый главный стратегический фронт в Европе геополитически наиболее значимый: он охватывает жизненно важную и индустриально развитую часть Евразии и контролирует главные выходы в Атлантический океан.

— Второй главный стратегический фронт на Дальнем Востоке геополитически важен в силу того, что он контролирует основные выходы в Тихий океан. Он проявился как арена американо-советского соперничества после принятия президентом Трумэном решения заблокировать коммунистическую агрессию в Корее.

— Советский прорыв на третьем главном стратегическом фронте в Юго-Западной Азии может оказаться чреватым серьезными осложнениями, поскольку это автоматически дало бы Советскому Союзу огромное преимущество в противоборстве с Соединенными Штатами на двух других фронтах.

В. Ключевые в геополитическом отношении государства

— Исход противоборства на каждом из трех главных стратегических фронтов, вероятно, во многом будет определяться тем, кто приобретет или удержит контроль над несколькими странами, ставшими ключевыми в геополитическом смысле, то есть странами, которые важны в гео-

стратегическом отношении и в некоторой степени «могут быть захвачены».

— Такими государствами являются Польша и Западная Германия на крайнем западном фронте, Южная Корея и Филиппины на дальневосточном и Иран или Афганистан с Пакистаном на юго-западном фронте.

Г. Советская геостратегия

— Больше всего Москва боится того, что вновь появится объединенная, возрожденная в политическом и военном отношении Западная Европа — союзник Соединенных Штатов, как магнитом притягивающая страны Восточной Европы. Москва также опасается тесных американо-японо-китайских связей, поскольку Китай и Япония в конечном счете способны оказать массированное давление на относительно пустующие территории советской Сибири.

— На крайнем западном фронте Москва проводит стратегию политического давления, направленную на достижение постепенной, по частям, нейтрализации Западной Европы.

— На дальневосточном фронте Советы полагаются больше на тактику дипломатий и пропаганды, чем на военное давление или подрывные действия, с целью попытаться предотвратить появление треугольника США — Япония — Китай.

— На юго-западном фронте инструментами советской политики служат — именно в такой последовательности — военное давление, подрывная деятельность, дипломатия и пропаганда. Перспективы советской победы на этом фронте более реальны, чем на двух других.

III. Периферийные зоны особой уязвимости

А. Шаткие имперские владения

— Основной чертой отношений между Соединенными Штатами и странами Центральной Америки, а также между

Советским Союзом и странами Восточной Европы является их по существу имперский характер.

— Соединенные Штаты сталкиваются в Центральной Америке как с внутренним кризисом архаичных социально-политических структур региона, так и с вторжением в регион чужеродной идеологической силы, которую принесли с собой революции на Кубе и в Никарагуа.

— Несмотря на сорокалетнюю усиленную идеологическую обработку своего населения, все коммунистические режимы в Восточной Европе находятся у власти благодаря строгому полицейскому контролю, усиленному потенциальной угрозой советского военного вторжения.

— Эта характерная нестабильность усиливается уникальным в истории положением — отсутствием у господствующей державы социальной или культурной притягательной силы, что делает каждый регион все менее надежным имперским владением.

Б. Историческая вражда и геополитическая необходимость

— Взаимоотношения между Советским Союзом и Польшей, а также между Соединенными Штатами и Мексикой отягощены особенно трудными проблемами, вызванными тем, что у обеих этих малых стран крепки исторические воспоминания о несправедливом к ним отношении.

— В долгосрочной перспективе Советский Союз сталкивается с угрозой того, что его настойчивое требование о длительном политико-идеологическом подчинении Польши еще больше усилит чувство возмущения поляков и, таким образом, сделает Польшу более восприимчивой к внешней притягательности Запада.

— Соединенные Штаты в долгосрочной перспективе столкнутся с проблемой того, что внутренние экономические и политические неудачи Мексики могут вызвать к жизни пока сдерживаемые антиамериканские настроения, которые выльются в более широкий кризис в Центральной Америке.

— США, не рискуя противостоять тому влиянию Советского Союза, которое он имеет на Восточную Европу, свои усилия сосредоточивают на стратегии косвенного вмешательства с целью подрыва в течение длительного срока эффективности советского контроля.

— Советский Союз, стратегически более смелый, но тактически более осмотрительный, осознает, что в случае конфликта сверхдержав в Центральной Америке или в районе Карибского бассейна СССР окажется в весьма невыгодном по сравнению с США положении в силу географических и экономических факторов, а также сложности материально-технического обеспечения.

— В случае, если внутренние проблемы Центральной Америки сольются с более мощным внутренним взрывом в Мексике, который обострит отношения между США и Мексикой, Советский Союз почти наверняка воспользуется этим, и, таким образом, возникнет четвертый главный стратегический фронт.

IV. Одномерный соперник: оценка угрозы

— Недооценка советской мощи может стать фатальной, но преувеличение советских возможностей может вызвать расточительную реакцию США, которая ослабит их способность выдержать длительное соперничество.

А. Советский военный потенциал

В настоящее время существует примерное стратегическое равенство, при котором ни одна сторона не может с большой степенью уверенности судить об исходе обмена ядерными ударами.

— Возможно, что продолжение Советским Союзом массивного наращивания потенциала как наступательных, так и оборонительных стратегических систем решающим образом нарушит к середине 90-х гг. равновесие в ущерб Соединенным Штатам. Все стратегические системы США наземного базирования, коммуникации и центры управления станут даже более уязвимыми к советскому нападе-

нию, в то время как эффективность второго удара со стороны Соединенных Штатов будет значительно снижена советскими стратегическими силами обороны.

— Такая уязвимость может вызвать у американской стороны геостратегический паралич, подрывая тем самым стабильность американо-советских отношений.

— В Европе, поскольку угроза ядерной эскалации все еще является основным фактором, сдерживающим массивированный советский прорыв, нарушение стратегического баланса, весьма вероятно, может привести к войне с применением обычного оружия или успешному военному запугиванию.

— В Юго-Западной Азии как постоянные географические, так и неустойчивые политические факторы могут благоприятствовать Советскому Союзу. Действия Соединенных Штатов в ответ на советскую агрессию будут сопряжены с огромными трудностями в материально-техническом обеспечении и, возможно, с тем, что будет иметь место неадекватная или слабая поддержка США со стороны соседних государств.

Б. Социально-экономические аспекты

— Советская военная мощь — это, по существу, единственный базис, определяющий статус Советского Союза как глобальной державы, поскольку во всех других отношениях СССР просто не представляет собой для Соединенных Штатов действительно конкурентоспособного противника.

— Когда Соединенные Штаты в середине 80-х гг. стремительно ворвались в технотронный век, Советский Союз все еще боролся за то, чтобы сделать свою довольно обычную индустриальную экономику более эффективной и современной.

— Советская экономическая и социальная стагнация имеет определяющее значение, поскольку в долгосрочной перспективе, если только военные средства не окажутся исторически решающими, исход американо-совет-

ского соперничества, вероятно, будет определяться именно творческой потенцией масс.

В. Мировая держава нового типа

— Хотя Москва, возможно, опережает Соединенные Штаты в наращивании военной мощи, ни Советский Союз, ни Восточный блок даже близко не подходят к тому, чтобы состязаться с Соединенными Штатами или промышленно развитыми демократическими странами в том, что касается социально-экономических возможностей или технологических нововведений.

— Из-за того, что советский глобальный вызов имеет исключительно одномерный характер, Москва явно не в состоянии обеспечить конструктивное и длительное лидерство, если с помощью военных средств удастся лишить Соединенные Штаты статуса первой мировой державы.

— Одномерная мощь Москвы вынуждает ее следовать колеблющемуся курсу примирения и соперничества с Соединенными Штатами, поскольку кремлевские руководители ищут временного кондоминиума с Вашингтоном, но боятся того, что будут заблокированы в роли младшего партнера.

— Это ведет также к тому, что Советский Союз продолжает содействовать региональным конфликтам, препятствовать более широкому международному сотрудничеству и проводить подрывную стратегию, включая активную поддержку международного терроризма.

— Исторически советский триумф на Евразийском континенте скорее будет способствовать возрастающему глобальному хаосу, чем утверждению прочной советской гегемонии.

V. Стратегические императивы Соединенных Штатов

— Как только военная мощь Советского Союза будет ограничена, он перестанет быть исторически грозным противником.

— С целью нейтрализации советской военной мощи Соединенные Штаты должны поддерживать военный потенциал, достаточный для того, чтобы:

— свести на нет советские попытки запугать стратегических друзей и союзников США;

— блокировать прямой и косвенный советский экспансионизм;

— лишить кремлевских руководителей уверенности в скорой победе в неядерной войне на трех стратегических фронтах Евразии и держать их в состоянии неопределенности относительно возможной ядерной эскалации Соединенными Штатами;

— парировать способность Советского Союза вести боевые действия на всех уровнях ядерной эскалации;

— поддерживать надежные силы ответного ядерного удара, способные нанести тяжелые разрушения общественной структуре Советского Союза даже после первого советского удара, направленного против стратегических сил США.

— Соединенные Штаты должны поддерживать интегрированный военный потенциал для ведения боевых действий на суше, на море и в космосе в качестве отправной точки для ведения упорного и жесткого политического соперничества за глобальный контроль.

Д. Контроль над вооружениями: угроза стратегической импотенции

— Контроль над вооружениями должен рассматриваться как часть, а не как замена американской политики национальной обороны, особенно с тех пор, как Советы используют контроль над вооружениями в качестве политического инструмента усиления стратегической беспомощности США.

— До тех пор пока не произойдет реальная историческая трансформация американо-советских отношений, наиболее перспективный путь контроля над вооружения-

ми — это поиск целенаправленных, весьма конкретных и, возможно, временных или предварительных договоренностей.

— Соглашения должны подлежать действенному контролю, включая, если это касается мобильных пусковых ракетных установок, контроль на местах. Соединенные Штаты должны сделать из советских стратегических секретов крупную общественную проблему и настоять на том, чтобы они были раскрыты в интересах взаимной безопасности.

— Соглашения должны быть сконцентрированы на основном вопросе: на системах первого удара, которые представляют наиболее острую проблему для безопасности обеих сторон.

— Основной акцент будущих всесторонних соглашений по контролю над вооружениями должен смещаться от их количественного сокращения к качественным ограничениям. Число систем, способных нанести точный первый удар, должно быть снижено до уровня, при котором нанесение такого удара не будет с военной точки зрения эффективным. Подобные ограничения должны сопровождаться обязательным и подлежащим контролю запретом на введение новых систем первого удара.

— Вашингтон должен обратить внимание на основное препятствие к достижению реального соглашения о контроле над вооружениями: отсутствие у США программ стратегических вооружений, которые могли бы стать предметом переговоров.

Б. Взаимная стратегическая безопасность

— Взаимная стратегическая безопасность — сочетание сил, которое делает первый удар в военном отношении бесполезным и самоубийственным для общества, — должна быть целью как США, так и СССР.

— Для того чтобы наилучшим образом предотвратить ядерную войну на любом уровне, Соединенные Штаты должны скорректировать свою стратегическую доктрину.

ну и развертывание вооруженных сил таким образом, чтобы они были нацелены не на взаимное гарантированное уничтожение, а на достижение большей гибкости в выборе способов ведения войны.

— Стратегические наступательные силы США должны быть по численности такими, чтобы намеренно не создавать угрозы обезоруживающего первого удара для советских стратегических сил.

— США должны приступить к развертыванию ограниченной стратегической обороны, включающей системы космического базирования для уничтожения баллистических ракет на активном участке полета и систем наземного базирования для перехвата снижающихся боеголовки. Это внесло бы неуверенность в любое советское планирование упреждающего ядерного нападения.

— С целью обеспечения взаимной стратегической безопасности на двусторонней основе Соединенным Штатам следует предложить новые переговоры о пересмотре устаревшего Договора по ПРО 1972 г., с тем, чтобы прийти к соглашению об ограниченном развертывании оборонительных сил космического базирования.

— Если эти усилия закончатся неудачей, Соединенным Штатам следует объявить о своем намерении пересмотреть собственное отношение к этому договору, возможно, аннулировать его и приступить к развертыванию двухъярусной ограниченной стратегической обороны против первого удара.

В. Глобальная гибкость на уровне обычных вооружений

— Вашингтон должен обратить внимание на опасный стратегический парадокс: самые слабые обычные вооруженные силы США развернуты там, где Соединенные Штаты особенно уязвимы, а именно на юго-западном стратегическом фронте, наиболее же мощные — там, где их союзники обладают наилучшими возможностями для самостоятельных действий, а именно на крайнем западном стратегическом фронте.

— Соединенные Штаты должны предпринять постепенное и, естественно, только частичное сокращение уровня американских сил в Европе.

— Совместный американско-европейский проект борьбы с тактическими ракетами и применение технологии СОИ к ведению обычной войны может более чем компенсировать предлагаемое сокращение вооруженных сил США в Европе.

— Сэкономленные от такого сокращения финансовые средства следовало бы вложить в значительное расширение потенциала воздушного транспорта США.

— Вывод живой силы из Европы должен быть использован для усиления сил быстрого развертывания путем формирования дополнительных легкопехотных дивизий для использования на третьем фронте или в Центральной Америке.

— Главной заботой военно-морских сил США должно быть обеспечение контроля над океанами, а задача нанесения ударов непосредственно, по советским портам должна рассматриваться как менее значимая.

Г. Решающее значение технологического превосходства

— Хотя факторы, органически присущие американской экономике, благоприятствуют технологическим нововведениям, важно то, чтобы Соединенные Штаты сосредоточили свои усилия на создании мощных стимулов, таких, как СОИ, которые мобилизуют и направляют научные и технологические ресурсы в интересах достижения стратегических целей.

— Соединенные Штаты должны по меньшей мере сохранять технологический перевес, достаточный для того, чтобы поставить под сомнение значимость численного превосходства Москвы в области вооружений.

Д. Рамки интегрированной стратегии

— Соединенные Штаты, придерживаясь интегрированной стратегии, сочетающей взаимную стратегическую

безопасность с гибкостью в отношении обычных вооружений в глобальном масштабе, должны быть способными поддерживать расширенное сдерживание, для того чтобы не допустить быстрой победы Советов в конфликтах с применением обычного оружия на любом евразийском театре военных действий и обеспечить военное поражение СССР при столкновении с использованием обычного оружия за пределами Евразии.

VI. Американские геополитические приоритеты

— Соединенные Штаты должны преднамеренно содействовать достижению в течение длительного периода времени нескольких главных геополитических целей в интересах превращения американо-советского глобального соперничества в менее антагонистические отношения.

А. Более самостоятельная Европа

— Соединенным Штатам следует способствовать развитию единой в политическом и в военном отношениях Западной Европы, менее зависимой от Соединенных Штатов, но все еще связанной с ними стратегическим союзом.

— Для этого Соединенным Штатам следует поощрять более тесное франко-германское сотрудничество в области обороны, добиваться большего европейского вклада в общую оборону, постепенно выводить некоторые войска из Западной Европы, с тем, чтобы использовать их с учетом других геополитических интересов, и побудить европейских лидеров обратить внимание на проблему собственной обороны их стран.

— В долгосрочной перспективе Соединенным Штатам следует приветствовать более тесные западноевропейские связи с Восточной Европой, которые могут в конце концов привести как Америку, так и Россию к отказу от их нынешней конфронтации в центре Европы.

Б. Тихоокеанский треугольник

— Соединенным Штатам следует содействовать образованию неофициального треугольника на Дальнем Восто-

ке путем расширения экономического и политического сотрудничества между Соединенными Штатами, Японией и Китаем.

— Японию следует побуждать к тому, чтобы, помимо простого увеличения ассигнований на оборону, она вносила косвенный, но важный вклад в общую безопасность путем увеличения ее стратегической экономической помощи тем развивающимся странам, на которые западные демократии делают жизненно важную ставку. На это Японии необходимо выделять около 4% своего ВВП.

— В связи с тем, что Япония начинает играть стратегическую роль, Соединенным Штатам следует искать пути преобразования ежегодных западных экономических встреч на высшем уровне в совещания, на которых могли бы также рассматриваться стратегические вопросы.

— Японии и Соединенным Штатам надлежит активно содействовать модернизации китайской экономики, особенно в важных районах Маньчжурии и Синьцзяна; в этом контексте Соединенным Штатам и Японии следует стремиться постепенно расширять круг вопросов по проблемам безопасности на неофициальных переговорах с Китаем.

— Соединенным Штатам следует поддерживать вооруженные силы, развернутые в Южной Корее, с тем, чтобы воспрепятствовать нападению со стороны Северной Кореи.

— Японии и Соединенным Штатам надлежит изыскивать пути уменьшения экономических причин возникновения беспорядков на Филиппинах, но Вашингтону следует быть готовым вмешаться более активно, чтобы обеспечить там долгосрочное политическое и экономическое восстановление.

В. «Мягкое подбрюшье»

— Вашингтону необходимо усилить противодействие советскому наступлению путем предоставления большей

помощи Пакистану и проявления готовности улучшить отношения с Ираном.

— Соединенные Штаты должны обеспечить такое положение, при котором афганский вопрос постоянно стоял бы на повестке дня. Для этого следует поддерживать силы сопротивления, одновременно зондируя готовность Советского Союза восстановить реальный нейтралитет Афганистана и обеспечить его внутреннее самоопределение.

— Возможность геостратегически опасного советского прыжка в район Ближнего и Среднего Востока может быть уменьшена в результате проведения Соединенными Штатами более интенсивной дипломатии, направленной на содействие арабо-израильскому процессу мирного урегулирования.

— Соединенным Штатам необходимо способствовать, путем использования радиовещания и других средств, формированию более четкого политического, самосознания у советских мусульман, что будет сдерживать дальнейшее советское поглощение исламских народов.

Г. Сокращение империи

— Безусловно, для обеспечения более стабильных американо-советских отношений необходимы изменения как в масштабах, так и характере советской мощи; Соединенные Штаты должны поддерживать такие изменения в Восточной Европе и в самом Советском Союзе.

— Соединенным Штатам надлежит побуждать ЕЭС к предоставлению странам Восточной Европы таких экономических возможностей, которые могли бы показаться привлекательными даже коммунистическим режимам, имея в виду, что расширение общеевропейского экономического сотрудничества неизбежно приведет косвенно к укреплению политических связей.

— Соединенным Штатам надо способствовать развитию самостоятельного и все более настойчивого восточноевропейского общественного мнения не только с помо-

щью радиопередач, но и путем использования новых технических средств информации, таких, как видеокассеты, миниатюрные печатные устройства и процессоры для обработки текстов.

— По мере расширения экономического сотрудничества и упадка коммунистической идеологии Соединенные Штаты должны выдвигать предложения для решения вопроса о безопасности в Центральной Европе в надежде на то, что в дальнейшем это послужит восточноевропейским странам стимулирующим фактором для оказания давления на Советский Союз с целью постепенного вывода его войск или даже распространения в более отдаленном будущем австрийской модели нейтрализма на другие районы Европы.

— Соединенные Штаты должны содействовать эволюционным изменениям в самом Советском Союзе, побуждая нерусские национальности к большей настойчивости с помощью радиовещания и других средств.

— Соединенным Штатам необходимо утроить финансирование программ, с тем, чтобы обеспечить для населения стран Восточной Европы и Советского Союза больший доступ к новостям и информации.

VII. Превосходя исторически

— Для того чтобы американская политика в отношении СССР была эффективной, Соединенным Штатам следует проводить ее твердо в течение нескольких десятилетий, и она должна быть свободной от утопических ожиданий и апокалипсического кошмара.

— Соединенные Штаты должны эффективно реагировать на основные региональные кризисы, не вызванные Советским Союзом, но которые могут быть им использованы. В связи с этим:

— для существенного расширения геополитической деятельности по стабилизации третьего главного страте-

гического фронта требуется большая американская дипломатическая активность на Ближнем Востоке, особенно в решении палестинской проблемы;

— Соединенным Штатам следует активизировать попытки ускорить решение расовой проблемы в Южной Африке;

— Вашингтону необходимо способствовать региональному экономическому развитию в Центральной Америке и стремиться к созданию более прочной базы для политической демократизации в странах Центральной Америки;

— Соединенные Штаты должны принять любые меры, включая в случае необходимости использование силы, для обеспечения внешней нейтрализации и внутреннего самоопределения Никарагуа и быть готовыми к применению силы при первых признаках советского или кубинского военного участия в подавлении оппозиции нынешнему режиму в Манагуа.

— Соединенным Штатам следует расширить консультации по вопросам внешней политики между исполнительными и законодательными органами, возможно, на регулярных ежемесячных заседаниях совета национальной безопасности в расширенном составе и особо подчеркнуть необходимость рассмотрения вопросов стратегии на уровне исполнительной власти, для чего создать в рамках СНБ гражданско-военный штаб на высшем уровне по геостратегическому планированию для разработки и периодического пересмотра широких аспектов долгосрочной политики.

• Поскольку в ядерный век достижение победы в обычном смысле стало анахронизмом, а всестороннее примирение — нереальным, Америка должна преследовать цель обеспечения исторического превосходства над Москвой, содействуя децентрализации советской орбиты изнутри и умиротворению советского поведения извне, ибо это определяется неизбежными и взаимосвязанными долгосрочными требованиями сохранения мира.

- Соединенные Штаты поэтому должны добиваться заключения стратегических и региональных соглашений, направленных на ограничение произвольных советских действий. Особенно важно, чтобы каждая инициатива была тщательно ориентирована на достижение основной американской цели — воспрепятствовать использованию Советским Союзом своей мощи вне страны и постепенно заставить его изменить методы противоборства с США.

- Поскольку поражения на внешней арене исторически служили стимулами для политических изменений внутри русской системы, геостратегическая цель пресечения советских поползновений к установлению господства над Евразией непосредственно связана с перспективами серьезных изменений в характере самой советской системы.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Збигнев Бжезинский

ПЛАН ИГРЫ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА США С СССР

Редактор *О. В. Селин*
Художник *Б. Б. Протопопов*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

Смотрите книжные новинки на сайте <https://Rodina-izdat.ru>

ООО «Издательство Родина»

Оптовая торговля:
ООО «Издательство Родина» +7 (495) 617-0825, 617-0952
Сайт: Rodina-izdat.ru
Электронная почта: Rodina.pbl@gmail.com

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 14.03.2023.
Формат 84x108¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 1 200 экз. Заказ 8531.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ООО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822) 44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-00180-983-8

9 785001 809838 >

16+

Збигнев Бжезинский (1928–2017) — американский политолог, социолог и государственный деятель польского происхождения. Он был директором Трехсторонней комиссии, которую многие исследователи считают «мозговым центром» мировой политики. Долгое время Бжезинский являлся ведущим идеологом внешней политики США.

Книга «План игры» была написана на пике противостояния США и СССР. С точки зрения Бжезинского, американско-советское соперничество — «борьба не только двух стран. Это борьба империй». Он подробно анализирует характер и причины «русской территориальной экспансии», пытается сравнить «две империи» и дать определение «великоросского имперского сознания». Автор завершает свою книгу призывом «превзойти СССР исторически», вкладывая в это понятие «ослабление внешнеполитического имперского импульса» и даже «распад советской империи».

Как заявлял автор, данная книга — «это практическое руководство к действию». Меры, которые были в ней намечены, позже осуществлялись и продолжают осуществляться и в отношении России.

ISBN 978-5-00180-983-8

9 785001 809838 >

ЗБИГНЕВ
БЖЕЗИНСКИЙ

ПЛАН ИГРЫ

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ
БОРЬБА США С СССР